ЗВЕЗДЫ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ПАТРИК О'ЛИРИ

ЗОНА 51

Зона 51
Патрик О`Лири

Аннотация
Патрик О'Лири. Зона 51
Шафер – 2018
Бросили – 2018
Учебный курс алкоголизма – 1955
Оче-сука-видно – 2018
Выход – 1972
– 2018
Правдоподобный альтернативный сценарий
– 1957
– 1958
– 2018
Человек с медузой – 2016
Коллекционер – 2018
Что оттуда вышло – 1958
– 2018
Два соглашения – 1958 и 1973
Первый приехавший президент – 1976
– 2018
Телепат – 1982
– 2018
Истории, что папа приносил домой, – 1985

– 2018
Изобретатель – 1988
– 2018
Ящик – 1992
– 2018
Ты видел куклу – 1993
Уж поверьте, вы ошиблись человеком – 1994
– 2018
Кто еще сбежал – 1995
– 2018
«Мой лучший друг» – 1995
– 2018
Марракеш – 1997
– 2018
Савант – 2001 – Рэли
Тот смех – 2002 – Рэли
– 2018
Тональность си – 1970
Всюду фотоаппараты – 2018
Малыш – 2006
Пузырьковая пленка – 2017
Блеф – 2018
Голос в чулане – 1972
– 2018
Выписка – 1972
Забываемое – 1972

– 2018
– 1972
Через трещину – 1945 – Руди
– 2018
– 1945
Про собаку, которая укусила мальчика – 1972
– 1948
Учиться терять – 1972
Куп едет в Неваду – 1972
Пришельцы? Звездная пыль? Любовь? – 1972
Что сказать Папе Римскому? – 1972
Черный президент – 2012
Отведи меня в цирк – 1972 – Руди
В хижине – 1972 – Руди
Волшебные места – 2018
Прошлый раз – 2007
Тайная встреча – 1973 – Бомба
Признание – 2018
Цирк – 1957 – Рэли
День «Тринити». Понедельник, 16 июля, 1945, 5:30
Последний побывавший здесь президент – 2017
Старые друзья – 2018
Трезвея в дороге – 2018
Последний Синий Человек – 2018
Привратник – 1962

Битва – 2018
Коридор – 2018
Перегрузка Парадигмы – 2018
Отпусти народ мой – 2018
Концовка – 2019
Другая концовка – 2019
Про льва
Глоссарий
Послесловие

Аннотация

События в Розуэлле и Зона 51 уже давно стали предметом множества статей, книг, фильмов и теорий заговора о пришельцах и инопланетных технологиях на Земле. Но правда куда загадочнее и страшнее.

Однажды зимней ночью 73-летний фотограф Адам Паньюкко помогает замерзающему бездомному человеку. В нем он далеко не сразу узнает Уинстона Купа, своего некогда лучшего друга по колледжу. Каждый из них пошел своей дорогой, и Куп попал в самый центр глобального заговора, ради сокрытия которого правительство США и запустило легенду о крушении НЛО в Розуэлле. Куп более шестидесяти лет заметал для властей следы и был очень хорош в этом деле, так как обладает необычной способностью: он может буквально забирать чужие воспоминания.

Когда он неожиданно начинает изливать другу душу, Адам понимает, что иногда знание не только опасно, но и разрушительно. Ведь первый контакт все-таки состоялся, только он оказался очень странным, а в

Зоне 51 действительно что-то есть, ее обитатели куда невероятнее всего, что может представить себе человек, и события давно минувших дней по-прежнему влияют на человеческие жизни самым жутким образом.

Патрик О'Лири
Зона 51

В оформлении обложки использована иллюстрация Михаила Емельянова.
Дизайн обложки: Юлия Межова.

Published by permission of Tachyon Publications LLC (USA) and JABberwocky Literary Agency, Inc. (USA) via Alexander Korzhenevski Agency (Russia).

Copyright © 2021 by Patrick O'Leary
© Сергей Карпов, перевод, 2026
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Посвящается Сэнди

Тайны значат подавление, и историю часто подавляют с помощью насилия, затуманивают культурной апроприацией, намеренно уничтожают или переписывают в ходе колонизации, в многолетнем культурном газлайтинге. По определению «Википедии», «тайная история» – это ревизионистские толкования вымышленной или истинной истории, которую намеренно подавляют, забывают или игнорируют официальные историки.

Марта Уэллс. Речь на Всемирном конвенте фэнтези 2017 года

Я рассказал вам только 5 процентов того, что случилось.

Ремонтник телевизоров. Гость [1]

---

[1] Сноски: 1

Имеется в виду фантастический телефильм о пришельцах Уильяма Шетнера Groom Lake, 2002. *(Здесь и далее, если не указано иное, — прим. пер.)*

Шафер – 2018

Это случилось через год после того, как Белый дом возглавила звезда реалити-шоу.

Я ехал домой с собрания АА, слушал привязчивую мелодию цирковой каллиопы из дурацкой рекламы (ну, сами знаете эти дурацкие джунгли — я имею в виду, джинглы, — которые потом из головы не выкинешь), ехал по Кэсс-авеню, Детройт, в самую холодную зимнюю ночь за двадцать лет. По ощущениям — ниже сорока. Забавно. Следующей песней по радио шла песня «В лесу» [2] Леона Рассела. И я вспомнил, как Рассел рассказывал, что спрашивал африканского певца, как сказать на зулу «потерялся в джунглях». А тот не понял, потому что, видимо, африканцы в джунглях не теряются.

Эстакады превратились в катки — из автомобильных глушителей наверх вырывались облака влаги и мгновенно застывали, — машины всюду скользили по черному льду. Чуть приоткроешь окно в ночь — и время от времени слышно такой визг шин и грохот металла, будто там бунты

---

[2] Сноски: 2
Out in the Woods, Leon Russell, 1972.

шестьдесят седьмого, если не хуже.

Детройтские зимы легендарны — влажные, серые и грязные; поэтому мичиганцы и переезжают во Флориду. Ветер гнал пар из канализационных люков на дорогу, перед лобовым вспорхнула стайка перепуганных дроздов — и привлекла внимание к силуэту тощего бродяги впереди: парусила на ветру зеленая военная форма, над длинной седой бородой вырывалось облачками кашля дыхание, хлопали резиновые сапоги, незастегнутые и жалкие. Он помахивал чумазой белой сумкой, набитой всеми его пожитками.

Я увидел, как он споткнулся и рухнул ничком на эстакаде над I-94, и тут же остановился. Пока до него добирался, думал, он уже помер. Не повезло. Перевернул его: глаза выпученные, борода вокруг губ замерзла сосульками, будто морской огурец в литорали. Прям демонический Санта-Клаус, а воняло, как от бара в «счастливые часы».

Высокий черный мужик, когда-то в прошлом — явно красавец.

Я его посадил и сказал, что подвезу до ближайшей ночлежки Армии спасения. До сих пор передергивает от его голоса. Я хорошо запомнил ту ночь; этот голос я не забуду никогда. Думаю о нем уже годами и сомневаюсь, что смогу его

передать. Так что давайте просто процитирую человека, который сказал красивее меня. Человека, который описывал совсем другой голос в рецензии для журнала о джазе. Ллойд, пианист из подвального хранилища завода по разливу «Кока-Колы». Вы с ним еще познакомитесь.

«Это был ночной голос — песнь тоски, поведанная призрачной мелодией помятого саксофона в неведомой тональности музыкантом в голой съемной комнате в большом городе, — искорка среди ночи. Дымит в дешевой алюминиевой пепельнице у незаправленной постели сигарета. Пульсирует в венах алкоголь. Он сидит босым на матрасе и ласкает своего последнего друга — потертую кривую трубу из белого золота, с перламутровыми кнопками и клапанами. Его голос выдыхает через инструмент в пустую комнату, щемящий звук поднимается с дымом, и тот вьется вокруг голой лампочки на потолке».

Неудивительно, что никто не слушает бомжей — кому захочется услышать такой-то голос?

А если вам странно, что я сам себя перебиваю и даю поговорить другим голосам, так привыкайте. Это не только моя история. Целый хор чудил жаждет быть услышанным. И каждый дождется своей очереди.

— Спасение? — пробормотал незабываемым голосом старый бродяга. — Спасение?!

— Это тут рядом, — успокоил я его. Взял за загрубевшую руку и повел к машине. — В такую ночь любой бы поскользнулся.

— Я не поскользнулся, — еле шевелил языком он, хмуро таращась на свой белый мусорный пакет. — Меня толкнули!

Я открыл для него дверцу со стороны пассажира, и он одарил меня подозрительным взглядом, но все-таки положил белый пакет на пол и подоткнул под сиденье, когда сел сам. Воняло от пакета ужасно.

— Имя-то как? — спросил он, когда мы наконец устроились в машине и он грел дрожащие руки над отоплением.

— Адам, — ответил я.

Я будто сказал «Моисей», или «Клод Рейнс», или «Спартак». Или все эти трое одновременно.

— Господи! Адам?!

— Точно, — сказал я. — Расслабься. Будем там через пять минут. — И тут же отвернулся к дороге.

Он начал сипеть/смеяться.

— Адам Паньюкко?

Я присмотрелся к нему.

— Я тебя знаю?

— Не уверен, — он рыгнул. — Помнишь мою свадьбу?

Я быстренько перебрал про себя целый список пьяных родственников — тех, кого видел только на свадьбе и больше нигде.

— Свадьбу?

Он долго и громко смеялся.

— Ага. Ты был моим шафером.

Бросили – 2018

Зовите меня Бомбой. Все так зовут.

Когда в грубых чертах того человека-горы наконец проступило знакомое лицо, я задался вопросом, не кажусь ли таким же незнакомцем ему.

Моим пассажиром оказался сам Уинстон Куп.

Уинстон Куп, мой лучший друг по колледжу. Он же — самый умный человек, что я встречал. О нем все говорили, что он далеко пойдет: знаменитость кампуса, Будущая Звезда. Выпускник с отличием. Все с отличием. Выдающийся бегун, поставил такие рекорды, что их до сих пор не побили. Уинстона Купа ждала слава, что бы он ни выбрал: языки, литература, химия, математика. А он взял, записался в армию, и отправился во Вьетнам. Наш последний контакт — когда он прислал свою статью в научном журнале. Что-то о переводе с вьетнамского.

А если подумать, я и правда припоминаю свой короткий хмельной тост на его свадьбе в Вегасе, десятки лет спустя, когда наши пути ненадолго пересеклись и мы работали в одном месте.

— Брак. Брак — это когда не умеешь жить один.

Как же все смеялись.

А потом, видимо, началась жизнь.

В общем, как и в первый вечер нашего знакомства, я привез его к себе в квартиру в детройтском пригороде. Потребовал, чтобы он принял душ. Сделал ему бутерброд, дал пару таблеток «Ибупрофена», постелил в гостиной. Он отрубился в мгновение ока и захрапел, как гроза. Сам я засыпал еще час.

Наутро я обнаружил, что многое из моей старой одежды — почти его размера. А за кофе он начал рассказывать, что с ним случилось. И уже скоро я вспомнил его манеру говорить.

От тех дней у меня остались странные отрывочные воспоминания. Его замученный голос. Пугающие шаги в комнатах, где я годами жил один. Как Куп раскладывает солитер на кухонном столе — шлепает картами по столешнице. Как Куп опирается на подоконник: глаза закрыты, греется на солнышке, будто довольный кот. Как плывут по коридорам незнакомые запахи. Как он рявкнул, когда я предложил сжечь его белую сумку с вонючими шмотками. Дрыхнущий Куп в моем кресле для отдыха перед мерцающим

голубым светом телевизора. Как он до смерти меня напугал одним утром — сбрил свою санта-клаусовскую бороду и на секунду я принял его за незнакомца — точнее, решил, что его кто-то выследил.

И молчания.

Молчания я вспоминаю с облегчением. Потому что когда он говорил, его слова уничтожали все мое уютное ощущение покоя. После его слов не оставалось ничего. Мир был уже не тот, что я знал. Лишь развалины, выжженные на пути разрушений, который он проложил в стремлении свести последние счеты.

В конце концов я понял, насколько он опасен, но было уже поздно — Вернулась наша дружба из прошлого. Я его уважал, я ему доверял — и да, я его любил.

И сказать по правде, я по нему скучал.

Под конец я понял, что мое единственное спасение — забыть. Выслушать его, да; не мешать, конечно, излить свою тяжелую историю, — ведь так поступают друзья. Но когда он закончил, я понял, что за угрозу он представляет. Я надеялся, наша дружба спасет меня от воспоминаний.

Знаю, знаю: вам пока еще ничего не понятно.

Обещаю: скоро поймете.

Тут дальше будет похоже на монолог. Но на самом деле это происходило урывками, с паузами, часами молчания. Днями сна. Еды и кофе. Я смотрел, как мой старый друг собирает свою жизнь по кусочкам. Начал он с конца — или, вернее сказать, с начала своего падения.

Начал он с того, как завершился его брак.

— Самое худшее, когда тебя бросают, — что тебя вычеркивают из собственной истории. Всю жизнь живешь в этой… сказке. В самой старой истории на свете. Ты мужчина и влюблен в женщину. Вы пара. Вместе. Вместе переносите все: приключения, ошибки, глупости, грипп. Учитесь любить друг друга в самые тяжелые моменты и ранить друг друга — в самые уязвимые. Учитесь прощению. Спотыкаетесь, взлетаете. Проходите через все. Понимаешь?

Я кивнул. Казалось, я понимаю.

— Потому что, конечно, это путешествие хреновое, зато ваше. Вместе. Ты это ценишь. Целыми днями носишь в себе улыбку любимой. Иногда только это и придает сил. Воспоминание о том, чем вы были.

Он почти улыбнулся. Будто почти прикоснулся к воспоминанию о счастье, хотя от самого счастья теперь не осталось и следа.

— Вот что такое брак. И ночь за ночью узнаете истории друг друга, закрепляете связь воспоминаниями. Вместе смеетесь. Делитесь секретами в темноте. Узнаете тайны тел друг друга — эти знакомые открытия никогда не надоедают. Будто сплетаетесь вместе, пока не становитесь единой тканью, как гобелен — как история ваших жизней. Я хоть сколько-нибудь понятно говорю?

Я сказал, что все чертовски понятно. По его лицу было видно, что натянутая паутина, уходящая в прошлое, нет-нет да звенит еще порой от удовольствия, ее дрожь еще до него доходит.

— Поездка на зеленое озеро, где она рассказала самое ужасное, что с ней случилось. Трехдневное молчание после дурацких истин, которое закончилось фантастическим сексом. Чертова дверь-сетка, которая все стучала и стучала, пока обоих не пробило на смех. Общие пустячки.

Тут он заплакал. И не мог продолжать еще два дня.

Помню, мы ушли с отвратительного фильма и сидели в холодной машине, пока она нагревалась. От дыхания запотело лобовое стекло.

К тому времени я уже не удивился, когда он ни с того ни с сего продолжил.

— Понимаешь, пока я находился внутри этой

истории любви, я и не понимал, как мне повезло. Принимал самые важные вещи за должное. Я знал, зачем живу, к чему иду и за кого сражаюсь. Я был спасен.

Спасение. Опять это слово.

Лобовое стекло стало прочищаться. Куп продолжил:

— Меня часто не было дома из-за службы. За границей. И во всех приключениях по всему миру у меня в голове оставалась одна картинка, неподвижный и незыблемый факт. Но вот эта самая картинка счастливой семьи? В реальном мире она тем временем рассыпалась. Слышишь?

— Что?

— Птица.

— Вроде что-то было. Я думал, визг тормозов.

— Мне кажется, все же ворона. Обычно их в такой темени не слышно.

Какое-то время мы прислушивались к ночи.

— Ну и, может, однажды вечером, — продолжил он, — после очередной долгой поездки ты возвращаешься домой.

(Я заметил, как он перешел на второе лицо, словно это повсеместная вещь, которая может случиться с кем угодно.)

— И все меняется. Видишь в окно, как люби-

мая говорит по телефону с кем-то еще, пока ты пьешь пиво на темном заднем дворе. Может, она превращается у тебя на глазах в прекрасное чудовище. Смеется. И ты видишь, как любовь обезоруживает ее лицо — морщинки радости, искорка предвкушения. И думаешь: точно так же она раньше смеялась со мной.

Запотевшее лобовое стекло медленно прояснялось снизу, словно поднимался занавес.

— А потом — страх. Как кошмарная песня, которую никак не выкинешь из башки.

И однажды тебя ставят перед фактом: она тебя больше не очень-то и любит. Конечно, так она не говорит, она добрый человек. Просто она сомневается; ей нужно подумать, ей нужно пространство для роста. И заверяет тебя, что, может, тебе так не кажется, но она не хотела тебя ранить.

И вот сегодня ты спасен изнутри истории своей жизни: чей-то возлюбленный, чей-то муж, чей-то лучший друг. Сегодня косишь газон и пробиваешь засор в туалете, а завтра вдруг уже изгнан: стоишь снаружи своей жизни, смотришь внутрь.

Будто конец осени — резкие заморозки. И становится только холоднее.

По ночам он замолкал — говорил, у него от этого кошмары. Говорил только рядом с окнами,

откуда видно небо. Будто птица, которой всегда надо знать, что есть выход.

— Кровать пустеет. Тело как бы съеживается внутрь себя. Ты будто упал с большой высоты и теперь парализован. Или тело все еще падает, где-то там, наверху. Потому что оно точно не здесь. Здесь нет ничего.

Долгий взгляд на неторопливое облако.

— И иногда по утрам можешь только открыть глаза, таращиться в потолок, чувствовать это самое ничего и думать: а чью жизнь я живу? Это же не моя жизнь! Кто я теперь? Кто я, если не чей-то возлюбленный, не чей-то муж, не чей-то друг? — Он что-то вспомнил и покосился на меня. — У тебя тоже так было?

Я сказал, что да. Все в точку. Но не прибавил: где ты был, Куп? После аварии. Ты не позвонил. Даже не подумал — или подумал? Прислал открытку? Помню только, что мне его не хватало.

— И вот день за днем, — продолжил он, — теряешь историю своей жизни.

Наконец, Куп мог говорить, только когда мы ехали на машине. Без цели — вообще-то ему даже больше нравилось, когда мы просто набирали крейсерскую скорость и катались. Я видел: его утешает кокон голубого салона. Он почти всегда

брал свой спасительный якорь — вонючую белую сумку со шмотками.

— Ну и начинаешь пить.

Сначала — чтобы заглушить боль. Потом, когда не помогает, ради забвения. Отрубаешься в барах. Просыпаешься в такси. Рассказываешь свою историю незнакомкам и потом с ними трахаешься. На утро уже не помнишь, как их звали. Идешь на работу с похмельем. И выживаешь. Но это только полжизни. Жизнь, которую не живут. Делаешь вид, будто живешь, а на самом деле ты выхолощенная оболочка.

— Я помню, — сказал я.

— И самое странное — никто даже не замечает! Друзья, соседи, коллеги — все стараются что-то сделать. Кто соболезнует. Кто говорит, что она им все равно никогда не нравилась. Но они все равно что мухи, только жужжат над головой. Уходишь на долгие миссии. Тянешь за ниточки, которые больше не может проследить никто. Посещаешь ужасно важные встречи с влиятельными людьми. Сообщаешь критически важные данные начальству. Тебе жмут руку. Дают медали. А потом поражаешься, как это никто не заметил, что тебя там даже не было!

И так месяцами. Годами. И вот однажды просы-

паешься. Обоссавшись кровью. И работы нет уже девять месяцев. Ранняя отставка. Золотые часы. Приличная премия. Благодарим за службу. И ни один из друзей, коллег или собутыльников не узнает, во что ты превратился.

И Куп посмотрел на меня.

— Даже шафер.

Помню, он не назвал ее имя. Будто его было слишком больно произнести.

Учебный курс алкоголизма – 1955

Наверное, меня всегда тянуло к таким героям, как Куп; из-за моей врожденной стеснительности их яркий свет горел еще ярче. И я увязывался за ними, прятался в их кильватерной струе, барахтался на волнах, смотрел со стороны, пока они шли на риск. Я был тихим парнем в тенях, чтобы потом нежиться в отсвете их славы, рассказывать их истории, ничем не рискуя. Меня все устраивало.

Куп был моим капитаном. Я — его последователем. Это он и прозвал меня Бомбой.

И когда Куп выдыхался или просто больше не мог продолжать, он спрашивал обо мне. Я знал, что спросит. После своих бесстрашных монологов он обычно находил время для меня.

Я начал с того, что показывал, как я его понимаю: бухло. Или «Сок Времени», как его звал наш приятель Руди.

Вы же знаете, что алкоголики пьют, чтобы избавиться от времени, да? По-моему, для нас нет ничего страшнее пустого часа.

Меня научил пить мой дядя Боб. У него был

низкий рокочущий голос, который всегда начинался с медленно раскатистого гула, как когда заводишь газонокосилку. «У-у-у-у-ху-х-х, подай-ка „Строс“, Адам». Я делал глоток сам и передавал. У Боба всегда было в избытке гласных, так что слова растягивались, будто он пьян, даже когда трезв. «Хо-ор-о-о-ош „Стро-ос“». «Норма-а-ально-о-о порыбачили». «Никто-о-о».

Его философия (которую он заставил меня заучить): «Не беги, если можешь идти; не иди, если можешь присесть; не сиди, если можешь лежать; и не лежи, если можешь поспать». Научил меня силе энтропии. Будешь долго сидеть — и рано или поздно за тебя все сделают другие.

Безотказная система, которая не подводила его годами. Он хорошо устроился на сталелитейке в Сагино, где читал журнальчики и раздавал инструменты из запертой клетки в, наверное, единственном тихом уголке этого шумного и задымленного завода. Возвращался домой с работы, раздевался догола, вскрывал «Строс» и шлепался в ванну. Его жена Грейс суетилась за ним, собирала одежду, поднимала брошенную крышечку от бутылки, спрашивала, что он будет на ужин. Она была робкой серой мышкой, первый муж ее регулярно бил, так что Боб, наверное, казался

удачным вариантом.

Я встретил Грейс на его похоронах — она вся расклеилась, обнимала меня, как давно потерянного сына. Ну знаете такую внезапную близость, которой скорбящие награждают тех, кого произошедшее затронуло не так сильно. Грейс схватила меня своей крошечной ладонью и сказала:

— Он был хорошим человеком.

Да не особо, подумал я. Но хотя бы прикольным.

В ее глазах стояли слезы, и мы любовались дядей, лежащим в его светло-голубом костюме, и тогда я решил сказать лучшее, что пришло в голову о покойном Бобе.

— Он был моим любимым дядей.

— А ты для него был вторым, — честно ответила она, кивая на моего двоюродного брата Джонни, который уже выглядел как без пяти минут Боб. — Ему нравилось, что Джонни подносил пиво без напоминаний.

А, так он был его ретривером. А я тогда кем?

— Он говорил, ты умеешь трепать языком. У тебя всегда была какая-нибудь история наготове.

Я улыбнулся.

— А он умел меня посмешить, — сказал я, и это была правда, а заодно вроде утешило ее.

Когда умер мой папа, дядя Боб остался без старинного друга по охоте на оленей, поэтому каждую осень забирал меня еще до первого света и мы гнали 250 километров на север, в его охотничьи угодья. Мне было девять, а Боб был обычно либо с похмелья, либо все еще пьяный, поэтому просил что-нибудь рассказывать, чтобы не вырубиться за рулем. Я три часа подряд болтал без умолку — пересказывал комиксы о Серебряном Серфере, романы, которые я читал, «Жизнь Бейба Рута», «Жизнь Тая Кобба», а когда кончался материал, я начинал сочинять сам.

И только много лет спустя до меня вдруг дошло: я был в ужасе. Иногда его тяжелые веки опускались, машина виляла — и мне приходилось орать: «И ТОГДА ПРИЗРАК ОТКУСИЛ РЫЦАРЮ БАШКУ И ВЫПЛЮНУЛ В ОЗЕРО!» И Боб вздрагивал, возвращался обратно по правую сторону от желтой черты и косился на меня.

— У-у-у-у-ухххх, что-то не помню никаких призраков, — ворчал он.

— Это ты невнимательно слушал, — говорил я.

После всплеска адреналина его хватало еще километров на пятьдесят, а потом он начинал опять клевать носом, и я прибегал к: «НАГАЯ БОГИНЯ БРОСИЛА СВОЕ ЗОЛОТОЕ ПЛАТЬЕ В ПЛАМЯ!»

Он дергался и говорил что-нибудь типа: «Оо-ооо, богиня?» А я придумывал, как встроить этот эпизод в сюжет.

Потом мы шли до нашей лежки в лесу, где дядя Боб занимал свой трон, укладывал ружье поперек коленей и откидывался на упавшее дерево в своей оранжево-коричневой охотничьей форме. Прическа у него была как у меня — полубокс с чубчиком на челке, придающим характер. Я пристраивался рядом, он угощал своими сигаретами «Тейритон». Я кашлял, а он злодейски хихикал. Было свежо — типичный осенний день в Мичигане, когда так и знаешь, что кто-то где-то выйдет погонять в футбол.

Мы всегда возвращались на одну и ту же лежку, куда он ездил еще с моим папой. Ферма к северу от Гейлорда, лес на краю кукурузного поля. Меня охота не интересовала. Но нравился Боб. И нравилось выбираться из дома, чтобы не слушать, как мама рыдает весь день напролет. Да и для Боба охота тоже была скорее поводом. Ни разу за все пять лет не видел, чтобы он что-то подстрелил. Для него это была возможность воспользоваться правом мужчины взять два ящика «Строса» в лес на севере и нажраться, чтобы при этом не пилила жена.

Он все утро сидел и наблюдал за птицами; я читал или рисовал рожицы в блокноте, а Боб пил и дремал; когда заходило солнце, он палил три раза в небо. И хихикал. Этот момент мне нравился больше всего.

Этот — и чтение.

Так бы там и сидел, погрузившись в книжки и рисунки. Мне хотелось, когда вырасту, рисовать комиксы. Монстров там. Супергероев. Особенно я любил лица. Начал рисовать их карандашом на картонных крышечках бутылочек из-под молока, которые нам давали на школьный обед.

— Это кто? — спрашивал Боб, склоняя голову на бок и приглядываясь к очередному рисунку.

— Не знаю, — говорил я. — Просто рисую лица. — Рисовать портреты я так и не научился.

Это стало нашей привычкой. «Это кто?» — спрашивал он, и мы оба знали ответ.

Время от времени он просил почитать вслух. Кажется, ему это нравилось, хотя время от времени он зевал и говорил: «Ооооааа что-то скучновато, Адам». И как бы перекидывал ствол ружья в мою сторону. И я тогда особенно старался, чтобы слова так и пели, доводил уровень эмоций до оперного, и тогда Боб довольно кивал и щадил меня. Конечно, на самом деле он бы меня не пристрелил;

я практически уверен.

Читал я книжки старше своего класса. У меня был неконтролируемый доступ к книжкам в мягких обложках моего папы — включая все романы Джона Д. Макдональда о Трэвисе Макджи. «Кошмар в розовом». «Расставание в голубом». «Одинокий серебряный дождь». Дяде Бобу они нравились, особенно самые знойные эпизоды. Он всегда говорил, что от лесного воздуха и бухла у него так и зудит. Олениху бы сейчас. Ну и все такое.

Много лет спустя я понял, что эти истории были единственным проблеском культуры в жизни Боба. Он смотрел матчи «Тигров» по телику, бухал с друганами в баре, каждую неделю ходил в церковь с Грейс и слушал проповедь из Библии, но жизнь у него была довольно ограниченной. Ни просвета истины или красоты, ни намека на искусство. Наверное, я заполнял для него вакуум, так что в конце концов он был благодарен.

Потом я понял, что Боб просто не выносил скуки. Наверное, потому и пил. Для алкоголика скука — это пустая воронка, которая притягивает всю тьму, как черные дыры втягивают материю. Если ты трезвый и тебе скучно, глазом моргнуть не успеешь, как к тебе выстраиваются для разговора

по душам все прошлые ошибки и проступки. Неудивительно, что священники пьют. Сидят взаперти в темной исповедальне, в ожидании, когда незнакомцы раскроют им свои худшие стороны. Это готовое описание ломки в двух словах, а любой здравомыслящий алкоголик быстро ее запивает.

— Ад, — согласился со мной Куп.

— Ад. Беспросветная тьма. Почти физическое, липкое ощущение, как тонешь сам в себе.

Короче, я говорил про ружье, пиво и как читал вслух. Такая краткая схема наших поездок.

Однажды я спросил Боба, каково ему в браке. В глазах у Боба промелькнуло выражение чистейшей искренности — я такое уже отлично знал. Значит, будет вешать лапшу на уши. Он улыбнулся и ответил:

— У-у-у-у-ухххх… ну… Лучше не бывает.

— В последние недели он не поднимался с постели, — рассказывала мне на похоронах Грейс. — Вколол себе два шприца морфина. Потом сказал: «Иди сюда, милая, я тебя обниму и скажу, как я тебя люблю».

Она так задрала нижнюю губу к носу, что казалось, будто у нее нет зубов.

— Я так и сделала. Мы так и сделали. Он так и

сделал. А потом умер.

Может, это они еще неплохо устроились: собутыльники противоположного пола. Но не знаю. Получше, чем у многих, наверное.

Куп молчал.

Я навсегда запомнил дядю Боба, как он вставал, будто для него это большой труд, кряхтя на каждом движении, тушил сигарету в горе окурков у ног и уходил отлить, пропадая в лесу. Скоро слышался громкий протяжный пердеж, потом короткая пауза, а потом — злодейский смешок Боба.

— Но ты так и не рассказал, как он научил тебя пить, — сказал Куп.

— Не рассказал? Он со мной делился. Иногда даже давал мне целую банку. Или не возражал, если я сам брал. Я напивался с одной.

Я посмотрел на Купа.

— Все время, что я был с ним, я был пьян.

Оче-сука-видно – 2018

Я заметил, что Куп смотрит на мое лицо.

— Чего?

— Я и забыл, что у тебя шрам на губе. — Он потер свою верхнюю.

— Та авария.

Куп поморщился.

— Но мне нравится. Делает тебе человечнее, несовершеннее.

Я скривился. Кто тут совершенный? Это я-то? Это Куп у нас — перфекционист. Что он вдруг несет?

— В последний раз, когда мы говорили, ты устраивался на госслужбу.

Я не стал упоминать, что его внезапное и многолетнее молчание сильно меня задело. Очевидно, я в нем нуждался намного больше, чем он — во мне. Если Уинстон Куп — комиксовый герой, то я — доктор Ватсон. Он — поэзия; я — самая унылая проза. Я не был сказочно одаренный, не обладал дьявольским обаянием, немногого достиг; девушки на меня и не смотрели. Зато я был надежен. Рабочая лошадка. Моя карьера фотографа, может,

и не полна шедевров, зато я работал на совесть: свадьбы. Выпускные. Семейные портреты. Я был, что называется, «убежденный холостяк». Очевидно, мне было суждено увековечивать лучшие моменты жизней, которые я не жил. Я проработал в одной компании десятки лет. Но ни разу не просиял, ни разу не был звездой, тем парнем перед всей комнатой, в лучах софитов, окруженным овациями. Да и не больно-то хотелось. Мне всегда казалось, что такие парни — пустозвоны, которые под конец жизни болтают без умолку в барах. Они собирали последователей, а не друзей, толкали речи, приковывали к себе все внимание, а когда кончались аплодисменты — а аплодисменты всегда кончаются, — выглядели довольно одиноко. Как вот Куп, например. И много лет я думал, что его постигла та же судьба. Это даже утешало.

— О чем мы говорили в последний раз? — Куп нахмурился. — Освежи-ка память.

— Сорок пять лет назад? Ты позвонил мне по межгороду, сказал, что ты в армии и не знаешь, когда снова выйдешь на связь. Казалось, ты нажрался. Пробило на ностальгию?

— А, да. Логично. Вообще, это было после Вьетнама.

— ЦРУ? Языки или что-то типа? — сказал я.

— Что-то типа, — отозвался он кисло.

— Я однажды встретил одноклассника, и он сказал, что ты ремонтируешь телики.

Куп усмехнулся.

— Мне это еще показалось странным. Так чем ты занимался на самом деле, Суперзвезда?

Он это стерпел. Заслужил. Обоим было понятно, что мы немало покатались на поезде неудачников.

Но потом его пауза заполнила комнату, как молчание после неудачного анекдота. Почему? Куп уже несколько дней делился самым сокровенным. Что такое-то? Только что излил душу, доверил самый худший кошмар. А теперь вдруг секретничаем?

Тогда это было даже смешно. Два старинных собутыльника на закате лет делятся байками из боевого прошлого. Нам обоим было семьдесят три. Давно прошло время отрицаний и оправданий. Нам, насколько я знал, уже не сражаться на войнах, не покорять горы. Жизнь осталась в зеркале заднего вида, какие уже теперь драмы и сожаления. Вот я был балбес.

— Уинстон? Ну чего?

О, если бы это было так просто. Смотреть в ма-

шине на старинного друга на соседнем сиденье и думать: «А все это и правда помогает. Кажется, он приходит в себя».

Теперь меня передергивает от воспоминания.

Знал бы я то, что знаю теперь, — сказать, что я бы сделал? Вежливо бы попросил его проверить заднее правое колесо — а то вроде что-то приспустило. А когда бы он вышел, втопил бы педаль, рванул, разбрызгивая гравий и слякоть, и оставил его стоять на двухрядном проселке в морозный день в середине января, в мичиганской глуши. В рекордно холодную зиму за десятилетия.

Даже бы в зеркало не взглянул. Даже не вернулся бы к себе в квартиру собирать манатки. Сразу уехал бы как можно дальше и быстрее. Может, в Канаду. За мост Блю-Уотер. Нашел бы город, чтобы в нем раствориться. И никогда, до самого конца своей сраной жизни больше не произнес бы имя Уинстон Куп.

Но он же мой друг.

У него беда.

А я — балбес.

Вот я и задал самый обыденный вопрос. Чтобы вернуться к норме. Чтобы выбраться из опасных вод жизненных неудач. Я спросил, где он работал.

Заиграла песня Гарета Диксона «Два поезда» [3]. Успокаивающая. Мягкая. Просто идеально, думал я.

Он пожал плечами и ответил:

— Я был коллекционером. Специализировался на памяти. Или забвении. Уже сам не знаю.

Я видел, с каким облегчением он это сказал. Сколько он держал это в себе?

— Можешь рассказать?

— Ну теперь-то, видать, придется. Из-за того, что не рассказывал, я и закончил так, как закончил.

— Ты не просил налить.

— Я уже год не пью. А ты?

— Тридцать.

— Ночь, когда ты меня подобрал, — это мой первый запой с тех пор, как я завязал.

Мы помолчали. Он подлил себе еще кофе из термоса, поправил старый красный халат, которым я с ним поделился, и уставился в окно. Снаружи было где-то минус двадцать шесть. Мы неслись по писаному белым по белому пейзажу — поля сменялись разреженными лесами, порой мелькала темная ферма. В каком-то смысле это был спокойный, мирный момент.

---

[3] Сноски: 3
Two Trains, Gareth Dickson, 2005.

Скоро вся моя жизнь перевернется. Как вспомню, так вздрогну.

Куп сказал:

— Я тебе никогда не рассказывал, как с ней познакомился?

Выход – 1972

— Какого черта они делают?

Вот что подумал Куп, когда впервые его прочитал.

Это было длинное уравнение мелом на доске. Опасность не крылась в цифрах. Она подразумевалась. Как поля страницы подразумевают, что в них заключена история. Как что-то скрывает знак «Не входить». Или как стена намекает, что по ту ее сторону что-то есть.

Куп наткнулся на уравнение во время своей ориентации на базе, когда его руководитель, британец доктор Джонсон, забежал в лабораторию за папкой с документами.

Они вошли в темное помещение. Джонсон включил свет. И потом, когда Куп узрел цифры на доске, его болтовня затихла на заднем плане.

Большинству бы это показалось чепухой — ну, уравнение и уравнение. То, что Куп оказался одним, наверное, из сотни людей на планете, которые могли понять его смысл, — явно неслучайное совпадение. А то, что он единственный, кто может его решить, тогда знал только Куп — и

то лишь в виде смутного постепенного осознания, что ответ лежит где-то у края его луча света в мире, на грани тьмы.

Когда они уходили, Джонсон заметил его внимание.

— Ах, это. Да, загадочка. Совет на заметку. Не стоит открывать такие двери.

— Почему? — спросил Куп.

— Почему? — Доктор Джонсон посмотрел на него, как на ребенка, который спросил, почему нельзя прыгать в бездонную пропасть. — Дорогой мой мальчик. Потому что иногда это только вход. А выхода нет.

Куп только улыбнулся, отметив про себя его британский акцент.

Почти всю первую неделю ориентации ему объясняли, чего не замечать, о чем не задавать вопросов, чего не знать. Правила базы. Никуда не ходить без зеленого, синего или белого бейджика. Не спрашивать о странных звуках. Не спрашивать о Четырех Главных. Не заглядывать в конструкторские хранилища. Ангары прототипов. Держаться подальше от медчасти. Всегда вводить код на вход и на выход. Если надо о чем-то спросить, никогда не спрашивай в письменной форме. Всегда — за закрытыми дверями.

Вопросы опасны.

— Не выходи за черту.

Вот священное правило базы. Цветная геометрия для всего этого гигантского объекта (целого музея Гуггенхайма, вкопанного в пустыню вверх ногами), которая диктовала передвижения и допуски.

Зеленая линия — инженеры.

Синяя — медики.

Белая — научные разработки.

Линии охранялись солдатами.

Но он заметил, что его рекрутер, Человек В Синем Костюме, никогда не носил удостоверения или бейджики. Никогда никому не отвечал. Плевать хотел на все линии.

Хочу быть как он, подумал Куп.

Через неделю он спросил доктора Джонсона, кто работает над тем уравнением. Джонсон посмотрел на него так же, как в первый раз.

— Это только для Глаз.

Ох уж этот жаргон.

— Это для Своих. Темное Джуджу [4].

— Ну ладно вам. Кто?

— Кейти.

---

[4] Сноски: 4

Джуджу — термин из африканской магии.

То еще были времена, когда все мужчины откликались на фамилии, а женщины — на имена.

Кейти была высокоуважаемым ученым, доктором медицины и капитаном воздушных сил, которую он иногда замечал в столовой, читающую роман и грызущую зеленое яблоко. Она ходила по синей линии, так что носила лабораторный халат и синий бейджик: медик. Красная оправа ее очков так и бросалась в глаза.

Однажды он положил рядом с ее красным лотком зеленое яблоко, поставил на стол свою большую белую кофейную чашку и сел рядом.

— Ты новенький.

Он улыбнулся; значит, замечала.

— Тебе что, восемнадцать? — спросила она.

— Двадцать семь. Но спасибо. Я надеялся, тебе понадобится математик.

Она посмотрела на него.

— Я хорош.

— Знаю. Я читала твое досье. Там сказано «Языки».

Так она его знает! Он улыбнулся и ответил:

— Я полимат.

— Тогда почему занимаешься кодами?

— Я и в этом хорош.

— Коды — это тупик. Противоположность нау-

ки. Делать знание менее познаваемым.

Он уже немного влюбился в нее — прямо там.

— Я видел доску.

— Доску.

— Доску в кабинете. Ты знаешь, какую. Такая головоломная загадка, что ее даже можно не прятать. Она сама себе маскировка.

Она обвела его взглядом.

— Это такой умный способ сказать, что ее никто не понимает?

— Ага.

Она сняла красные очки и пожевала кончик заушины.

— Ну вообще-то и правда умно.

— Я так и думал.

— Что делаешь в три?

В три они вместе стояли перед доской и молча изучали цифры.

— Это физика. Причем тут медики?

Она замкнулась так резко, что ему послышался стук двери.

— Ты имеешь в виду — что здесь делаю я?

Он поморщился, как от боли.

— Надо было выразиться лучше.

— Уж наверное.

— Прости. Когда это произошло? — спросил он.

— Незадолго до конца войны.

Потом они молча сидели в углу лаборатории и пили кофе из белых чашек.

— Значит, они случайно сделали дверь.

— Можно сказать и так.

— Дверь куда угодно.

— Примерно. Вообще-то так они это и называют. Где Угодно.

— И теперь не могут закрыть?

— В целом да.

— Ну, надо сказать, это было охренительно глупо.

— Нет, — ответила Кейти. — Это было потрясающе. Глупо было дальше.

— И что было дальше?

Она посмотрела на него.

— Какого цвета у тебя глаза?

— Мне пофиг. Что было дальше?

— Это только для тех, кому надо знать.

— Мне — надо.

От того, как она на него посмотрела в ответ, у него запело все тело. Он надеялся, что сумел это скрыть.

Подписали бумаги. Дали одобрения. (Самое скучное Куп пропустил ради меня.)

— И что было дальше? — повторил он свой

вопрос.

— Мы смогли достаточно уменьшить портал, чтобы увезти от «Тринити».

— «Тринити»?

— Эпицентр взрыва. Первый атомный полигон. Что тут смешного?

— Прости. Потом расскажу.

— Иногда это темное окно. Иногда — дверь. Однажды кто-то забросил туда кошачий хвост — бог весть зачем, — а вернулась уже змея.

Ее голос слегка повышался; он не осознавал маниакальньных ноток.

— Погоди, — сказал Куп. — Стоп. Значит, через него может пройти живая материя?

— Очевидно.

— Это же главное открытие…

— …в истории мира. Да. — Она долго смеряла молодого человека оценивающим взглядом. — Готов сделать это трудом всей своей жизни?

— Еще как!

И когда увидел ее реакцию, влюбился уже по-настоящему.

— Боже, ты как маленький мальчик. Даже не задумался.

— Капитан. Я не думал ни о чем другом с тех пор, как увидел доску.

— Труд твоей жизни. Всей жизни, Куп. Потому что может потребоваться и это.

Молодой человек подумал: сейчас она скажет что-нибудь офигительное. Сейчас скажет, что ей сто лет. Скажет, что в портал может войти только она. Что она Третья Кейти. Что каждый раз, как возвращается, она новая Кейти. Скажет…

— Эй. Придурок. Повнимательней.

— Я тут, — ответил он, приходя в себя.

— А хочешь… посмотреть?

Пришлось долго-долго идти по длинной белой линии, по бесконечному зеленому коридору, который все заворачивал, заворачивал и заворачивал. Мимо четырех странных стеклянных будок с охранниками. На полпути Куп сказал:

— Прям как Фрэнк Ллойд Райт проектировал.

Кейти посмотрела на него.

— Так это Фрэнк Ллойд Райт и проектировал?

— Втайне.

И вот они стояли перед дверью с надписью красными буквами: «Уборщик». Она посмотрела на свои часы.

— Чего мы ждем? — спросил Куп.

Долгое пневматическое шипение с той стороны.

— Этого, — сказала Кейти.

Они вошли в темный чулан. Запахи чистящих средств и сырых губок не могли отвлечь от того, как себя чувствовало все его тело: они с ней еще никогда не были так близко. Он ощущал аромат ее шампуня. Оказалось, чулан — это лифт, уходящий вниз на бог знает сколько этажей.

— Ты везде таскаешь эту стремную белую чашку? — спросила она. Куп поднял ее в шуточном тосте.

— Практически.

Когда лифт наконец открылся, она помедлила на пороге и сказала:

— Ближе подходить не стоит.

— Нет?

— Нет. Иди сюда.

Он стоял рядом с ней и смотрел в очередной зеленый коридор с белой линией. В пятнадцати метрах от них находилась зеленая дверь странной формы. Перекошенная, будто ее навсегда сдвинуло с места землетрясение. С дверью что-то было не то.

— Когда ты успела накраситься синей помадой? — спросил Куп.

Кейти улыбнулась, но не ответила.

— Твой начальник сказал, что ты должен это увидеть. — Она воскликнула: — Готовы!

Стоя рядом с ней в дверях, Куп не мог не заметить, как зеленоватый оттенок стен коридора оттенял пушок на ее щеках. Он понимал, что пялится; гадал, как она отреагирует на его восхищение. Может, примет за похотливое и неуместное в ее научной жизни. Надеялся, что когда-нибудь она так же посмотрит на него.

(Это мне напомнило, что я сам однажды сказал Купу о девушке, в которую влюбился. «Когда она на меня не смотрит, меня будто нет». Забавно. Не помню ее имени.)

— Сосредоточься, обалдуй, — сказала Кейти.

Куп улыбнулся и усмехнулся.

Потом дверь в конце коридора с шипением открылась, и из нее вышел ошарашенный и моргающий ребенок в старомодной белой ночнушке. Увидев Купа, он помахал бледной ручкой. Куп помахал в ответ. Потом ребенок увидел зеленую дверь и охнул, и побежал к ней. Дверь не открылась, но ребенок промчался прямо сквозь нее и исчез.

Потом Куп спросил:

— Дверь в другое измерение?

— Что это вообще значит? — спросила Кейти.

— Знаю. Уже сам понял, что глупость ляпнул.

— Мы не знаем, что это.

— Параллельные миры?

— Мы не знаем.

— У меня прям мурашки по коже.

— Меня в первый раз стошнило, — сказала Кейти.

— Зачем правительству дети?

Она посмотрела на него.

— Что ты видел в коридоре?

— Ребенка в ночнушке. А что видела *ты*?

— Маршмэллоу размером с табуретку. Не переживай. Кто-то видит кошек. Они для всех разные.

— Они?

— ВД. Не валяй дурака. Синий Человек сказал, что ты их уже видел. Мы называем их ВД.

— ВД, — повторил Куп.

— Да. Это значит…

— Воображаемый Друг.

— Точно.

— Мой был совсем не такой.

Кейти улыбнулась при виде его все еще ошеломленного выражения лица и сжалилась.

— Ну ладно. Вот что нам известно. Это местный биологический вид. Вероятно, существует столько же, сколько и люди. Симбиоты с необычной формой камуфляжа.

— Погоди-погоди-погоди, — сказал Куп.

Она подождала. Досчитала до десяти.

— Ладно, давай дальше.

— Обычно ВД просто исчезает, когда вырастает ребенок, или прикрепляется к другому ребенку. Насколько мы поняли, атомная бомба их проявила. В тот день тысячи ВД стали «реальными» — что бы это ни значило. Портал их пробудил.

— То есть та странная дверь.

— Тогда они и вышли на свет. С того дня это стало меккой, которую стремится посетить каждый ВД, совершить паломничество. Никто не знает, зачем.

— А они не оттуда?

— Что ты не понял в словах «местный вид»?

— А что по ту сторону?

Кейти пожала плечами.

— Мы только знаем, что чем ближе они к порталу, тем больше теряют свой камуфляж. Мы это называем «Выход».

— Погоди. — Куп поднял руку и скривился.

Она улыбнулась и опять досчитала до десяти.

— Капитан? Это…

— Безумие?

— Я хотел сказать «полный трындец».

— Наверное, можно было придумать название и получше.

Он уставился в ее расширенные зрачки.

— Я не про название.

— Я знаю.

— Можно серьезный вопрос?

— Конечно.

— Ты хотела бы провести со мной ночь?

— Да.

— Да?

— Да.

Через два месяца они поженились.

И были счастливы, потом нет, потом опять счастливы. И так много лет. Детей у них не было. Но они создавали вместе нечто особенное. И создали. А потом потеряли.

– 2018

Наверное, это клише — уделять особое внимание финалам, выбирать всего один яркий момент из целой колоды и делать вид, будто он особенно значителен. Но удержаться от этого трудно. В одно из их последних мгновений вместе я видел, как Куп снова любуется подсвеченным пушком на ее щеке с тем же изумлением и восторгом, что и во время описания их первого посещения жуткого зеленого коридора. Резкий свет из окна бара отражался от белой гармошки, которую кто-то оставил на стуле; озарял серебряные крылья на ее погонах и ее лицо. Хотя Куп знал эту щеку десятки лет, он будто увидел ее впервые, будто это иллюзия, оптический обман, видимый только в редких и особых условиях. Когда мы кого-то теряем — кого-то настолько близкого, как возлюбленная, — нам остается неразрешимая загадка. Наверняка он не раз задавался вопросом: а знал ли я ее на самом деле?

А знаете, что самое странное? Знаете, о чем я не подумал, когда Куп рассказывал этот бред? Я ни на секунду не подумал: у моего старинного

приятеля Купа поехала крыша.

Я верил каждому слову.

Правдоподобный альтернативный сценарий – 1957

— «Инсценировать падение»?

— Да. Вы все правильно услышали.

— Генерал?

— Я хочу, чтобы вы инсценировали падение.

— Сэр?

— Что-то непонятно, полковник?

— Где именно, сэр?

— Думаю, в Неваде.

— Падение чего?

— Прототипа.

— Они не летают.

— Ему и не надо летать. Только разбиться в падении.

— Сэр. Можно узнать, зачем?

— Люди начинают интересоваться. Нам нужен правдоподобный альтернативный сценарий. Разошлите во все газеты. Пусть у них поедет крыша. Будут говорить об этом годами.

— Сэр, кто полетит?

— Выберите троих.

— Любых?

— Да.

— Критерии?

— У вас же их там сотни, да? Выберите самых раздражающих.

— Это несложно.

— Инсценируйте падение. Пусть обломки получит ближайшая военная база. И заберите прототип.

— Вас понял.

— Теперь самое главное, слушайте внимательно. Подчеркните секретность миссии для каждого встречного. Сообщите каждому командиру. Каждому на месте происшествия. Чтобы знал каждый рядовой.

— Умно. Новости распространятся, как пожар.

Генерал улыбнулся.

— И незаметно оповестите парочку случайных штатских.

— Да, сэр. Инсценировать падение. Оповестить армию. Забрать обратно обломки и прототип, требуя соблюдать секретность на каждом шагу. Что с прессой?

— Поговорите с местным командиром. Скажите, что это «испытания высотного летного костюма». Что это «манекены».

— Сэр? Разрешите сказать?

— Разрешаю.

— Этот план… какой-то знакомый.

— Это вы про Розуэлл [5]?

— Мне сказали, что он в списке «Не Вслух».

— Полковник. Это вы мне так говорите заткнуться?

— Никак нет, сэр! И в мыслях не было.

— Розуэлл — мое детище.

— Не знал, сэр.

— Получилось с манекенами — получится и с кошками.

— Так точно.

---

[5] Сноски: 5

Имеется в виду Розуэлльский инцидент — в 1947 в США около авиабазы, штат Нью-Мексико, были найдены металлические и резиновые обломки; армия заявила, что это обломки метеозонда, несмотря на первоначальные сообщения о «летающем диске». — *Прим. ред.*

– 1958

— Генерал?

— Да, полковник?

— Разрешите доложить.

— Докладывайте.

— Миссия прошла успешно на девяносто восемь процентов, сэр. Идеальное падение, аппарат и большая часть экипажа возвращены, обломки расчищены, приказы о секретности распространены, гражданские что-то увидели, все казармы только и говорят, что об НЛО, наш сценарий об «испытании высотных летных костюмов» широко освещен.

— Похоже, это отличная работа, полковник.

— Благодарю, сэр.

— Но есть один вопрос.

— Сэр?

— Девяносто восемь процентов?

— Так точно, сэр.

— Я так понимаю, два процента неудачи связаны с экипажем?

— Совершенно верно, сэр.

— Докладывайте, полковник.

— Сэр. Ожидалось, что экипаж погибнет при падении, но он не погиб.

— Не погиб?

— Не погиб.

— Выжил? Значит, слабенькое было падение.

— О нет, сэр — очень шумное, очень жесткое. Взрыв слышали за километр.

— Хмм. Звучит, будто выживание крайне маловероятно.

— Именно так, сэр. Но, похоже, пилоты без ведома команды подготовки, э-э, каким-то образом, э-э, усовершенствовали свою защитную систему, повысили устойчивость, добавили смягчающие материалы и так далее.

— Неужели?

— Боюсь, что так, сэр.

— Прошу прощения, полковник, но это означает, что они заведомо знали о назначении миссии.

— Мы уже проводим расследование, сэр.

— Значит, выжили.

— Выжили, сэр. Один тяжело пострадал, но мы вернули его на базу и ожидаем практически полного выздоровления.

— Практически полного. Хмм. А остальные двое?

— На свободе, сэр.

— Неужели?

— Да, сэр. Но… э-э, над их возвращением работают наши лучшие кадры.

— Уж надеюсь. Значит, надо понимать, все остальное сработало?

— И очень зрелищно, если спросите меня, сэр. Отличный план.

— Но двое на свободе.

— Примерно так.

— Я должен знать что-то еще?

— Наши ученые настаивают, чтобы я доложил об одном нюансе.

— И о каком же?

— Двое сбежавших — это самые важные из, ну, наверное, можно назвать их инженерами, что ли, или… учеными.

— Навигатор?

— Меня особенно просили не называть это слово.

— Вы потеряли Навигатора?

— Судя по всему. И еще… э-э…

— Только не Солдата?

— Боюсь, что так, сэр.

— Вы потеряли Навигатора и Солдата?

— Судя по всему. И похоже, что это именно

они отвечают за, э-э, основную часть данных на нашем, э-э, РПМ.

— Данные о стелсе.

— Меня просили не называть это слово, сэр.

— Близнецы? Вы потеряли Близнецов?! Да как такое возможно? Я же сказал — выбрать кого угодно!

— Мы и выбрали, сэр. Мы и выбрали, но, похоже, в последний момент произошла, э-э, ну, замена, и никто ее не заметил, потому что, ну, вы знаете, они все выглядят одинаково.

— Господи.

— Так точно, сэр.

— А третий? Пострадавший?

— Да, должен сказать, это нас тоже удивило, сэр. Он их, ну, эм-м, наверное, его можно назвать…

— Их Голова.

— Да, сэр.

— Их Папа Римский, — сказал генерал.

— Так точно, сэр.

— Мы чуть не потеряли их Папу.

— Нет, он в безопасности, сэр. Я гарантирую. Хотя тяжело пострадал и находится в реанимации. Им занимается наш лучший врач.

— Полковник?

— Сэр.

— Когда будете докладывать об операции следующему вышестоящему офицеру, воздержитесь от упоминания девяносто восьми процентов. Все ясно?

— Так точно, сэр.

— И вы освобождаетесь от командования. Я хочу, чтобы вы покинули базу в течение трех часов.

– 2018

Я очень долго хмурился. Наконец я спросил:

— Ну то есть там была какая-то дыра?

Куп кивнул.

— Из которой появлялись какие-то существа?

— Ага.

— Настолько засекреченные, что пришлось притвориться, будто это все НЛО и инопланетяне.

— Ага.

— Бред какой-то.

— Знаю.

— А ты тут при чем? — спросил я.

— Ну. Давай приведу пример. Мое последнее дело.

Человек с медузой – 2016

Двое незнакомцев чокнулись бокалами на длинных ножках. И хихикнули.

— Ну брось, — уговаривал Куп, делая глоток и откидываясь на спинку дивана, на котором проведет ночь. — Ты обещал. Давай самое странное, что с тобой происходило.

Коротышка, который пригласил его к себе из бара, снова хихикнул.

— Ну ладно, ладно. Помню, в ту ночь дул сильный ветер и качал сосны — казалось, будто великан задувает свечи. От порывов скрипела дверь.

Все случилось внезапно. Я ел начос и смотрел телик, и тут посмотрел на свою голую руку. И подумал: это моя рука? Для чего она мне? Типа, будто у меня выросла новая конечность, будто я никогда не замечал, что она у меня растет из плеча. И тогда я посгибал пальцы, будто наблюдал за каким-то существом в аквариуме. За осьминогом?

И тут понял, что мою руку, так сказать, примеряет кто-то другой. У кого руки никогда не было.

Знаю, звучит бредово, но больше не знаю, как это описать.

И тогда я пошел спать. Решил, что на сегодня с меня хватит. Надо расслабиться. И вот я в пижаме, смотрю на свой аппарат ИВЛ на тумбочке. У меня апноэ, и эта штука — просто спасение: целая ночь полноценного сна после многих лет бессонницы.

Коротышка замолчал с таким видом, будто заглядывал в темную пещеру и сомневался, что хочет заходить.

— Продолжай, — сказал Куп.

— И аппарат почему-то выглядел по-другому. Клубок серых ремешков, которые надо затягивать на голове. Прозрачный пластиковый треугольник — наверное, его можно назвать дыхательной трубкой, — который надевается на нос и рот, как у водолаза. Прозрачная пластиковая трубка с белыми колечками, уходящая в черную пластиковую коробочку с блоком питания, откуда подается постоянный поток воздуха в трубку, чтобы регулировать дыхание.

— Я их видел, — сказал Куп.

— Ладно. Дослушай. Смотрю я на эти три части. Маска. Ремешки. Трубка. И тут я увидел существо. Или представил, что это существо. Или казалось

совершенно естественным, что этот странный набор медицинских деталей создали по образу некоего существа. Которое было живым. Процветало. И, вообще-то, идеально эволюционировало как раз для того, чтобы процветать.

Я сразу вспомнил медуз. Прозрачный купол, который пульсирует и «дышит». Щупальца корчатся в поисках еды, питания — или, если понадобится, чтобы жалить для своей защиты. И еще такая мишура, или длинные нити от воздушных шариков, или, наверное, хвосты, которые направляют движение в воде, как руль, чтобы плыть против течения.

И тут пришло ужасно странное воспоминание.

Очень четкое, очень давнее воспоминание из детства. Как я лежал в колыбели и смотрел на пятна лунного света на голубом потолке спальни. Там появилась тень, прозрачная тень. Она колебалась в воздухе. Потом я увидел, что это на самом деле три тени, которые водят хоровод. Одна — змея. Другая — чаша. А третья — куб. Они сошлись вместе. Чаша завертелась и опустилась на куб. Потом змея подключилась ко дну куба.

Коротышка зажал рот рукой. Убрав руку, сказал:

— Тут меня что-то поцеловало. Прямо в губы.

Тепло и успокаивающе.

Он с удивлением уставился на незнакомца, сидящего на его диване.

— Почему я это вообще тебе рассказываю?

— Тебе нужно выговориться, — сказал Куп.

— Ну да, наверное. Снять камень с души.

— Вот именно.

— Но…

— Что — «но»?

— Но. Почему я это рассказываю тебе? Я тебя даже не знаю.

— Как это не знаешь? Мы в баре познакомились.

— Ну да, в баре. Просто.

— Слушай, — сказал Куп, вставая и потягиваясь. — Это самое обычное дело в мире. Встретил незнакомца. Ощутил родственную связь.

— Ладно. Да.

— А у меня еще лицо располагающее.

— И правда. Но это же не…

— Что — «не»?

— Не объясняет, почему я тебе рассказываю самое…

Куп поднял руку, чтобы он замолчал.

— Слушай, — сказал он. — Неважно. Люди думают, они сами выбирают, кому доверять. Кому

открываться.

— А нет? — спросил коротышка.

— Нет, — сказал Куп. — Доверие не подчиняется воле. Как и память.

На следующее утро человек с медузой не вспомнит о вчерашнем посетителе. В лучшем случае останется гложущее ощущение отсутствия. Ощущение, что таинственный высокий черный силуэт унес с собой многолетнее мучительное воспоминание о другом посетителе. И полузабытый шепот поцелуя.

Коллекционер – 2018

— То есть, — сказал я, — ты собираешь странные истории?

— Я специализируюсь на потере памяти, — сказал Куп. — Имена и названия, которые никак не получается вспомнить. Хлопья, которые ел в детстве, — такие уже даже не производят. Первая девушка, которую ты поцеловал. Твой двоюродный дед, который доставал у тебя монеты из уха.

— Дедушка Джош.

— Это мой дедушка.

— Знаю, ты рассказывал. Он еще играл за «Гарлем Глоубтроттерс».

— Нет! Он играл за «Вашингтон Дженерас».

— За неудачников то есть.

— Заткнись. Они иногда выигрывали.

— Когда им разрешали.

Куп нахмурился.

— Можно договорить-то?

— Прости.

— На чем я остановился?

— Память.

— Да. Как бабушка рассказывала тебе секрет

своего вишневого пирога, пока ты сидел у нее на коленях. Ты никогда не забудешь ее аромат: тальк, мука, спелая вишня. Но до сих пор не можешь вспомнить простейшее название приправы, которая, по ее словам, делала пирог «долькой рая на земле».

Понимаешь, память — это дубликат. Копия оригинала. И с самого начала копия неточная, потому что снимается твоим ограниченным восприятием. Воспоминанию предстоит долгий путь в твой разум — как кинозвезда входит на стадион, пролезая через толпу фанатов и папарацци.

Это целый путь. Когда оно становится воспоминанием, оно уже пробилось через миллион препятствий, только чтобы отпечататься на разуме. Нам это кажется само собой разумеющимся. Но правда проста: если задуматься, какую полосу препятствий она выдерживает, то кажется чудом, что мы вообще что-то помним. Большая часть наших воспоминаний — как строки на странице в маленькой книжке из гигантской библиотеки трудов, которые никто не потрудится открыть.

И вот это драгоценное воспоминание остается на задворках разума на недели, месяцы, а то и годы. И потом однажды — пшик. Исчезает. Мы говорим, что оно стирается, заменяется чем-то,

ну, поважней — за наше внимание соревнуется целая армия воспоминаний. Но это все метафоры. А правда в том, что нам неизвестно, как мы получаем воспоминание, храним или теряем. Полная загадка.

Труд моей жизни — исследование памяти.

И я потерпел крах. Полнейший.

Он постучал пальцами по голове под седыми кудрями.

— Эта священная библиотека, сундук сокровищ всего человеческого сознания, которое мы все принимаем за *должное*, — черный ящик.

Мы себя утешаем метафорами безопасности. Воображаем Форт-Нокс. Непреступную крепость.

Ну-ка, не задумываясь. Твой лучший друг в колледже?

— Ты, — сказал я.

— Блин. Ладно. Помнишь девушку, в которую влюбился в четвертом классе?

— Да.

— Процитируй, что она тебе говорила. Какого цвета были ее глаза?

Я рассмеялся.

— Забыл.

Он улыбнулся.

— И я. Мы все. Все мы забываем. Но.

И вот тут мой мир изменился. На одном этом слове. «Но». Я вроде бы помню, как мы в тот момент проезжали серую ферму — крыши покрыты снегом, темный сарай, где в кружке сгрудились коровы, задрав замерзшие морды в небо и мыча, будто странная цирковая каллиопа.

Но.

— А если бы кто-то мог контролировать процесс забвения? Если бы — ну — живое существо выработало естественный способ вызывать забвение в качестве защитной тактики? Как хамелеон становится невидимым, сливаясь с окружением?

— И ты… такое встречал?

Он кивнул.

— Ты знаешь такое существо?

Он уставился себе под ноги и кивнул.

— Это была твоя работа?

Он кивнул.

— Забываемость как камуфляж? — спросил я. — Так бывает?

— Ага. Можно стоять рядом с этим существом в метро — и оно будет так же невидимо, как все окружающие люди, только еще больше. Они не оставят следов на песке памяти.

По дороге домой я пытался, но все никак не мог это представить. В итоге сидел дома и таращился

на большую белую чашку Купа, которая бесцеремонно восседала на моем журнальном столике.

Куп продолжил с того, на чем остановился.

— Можно смотреть на них в упор — и не видеть. Может, ты прямо сейчас смотришь на такое создание. И скажешь: «Это дерево, фонарь, урна, белка». То, что тебе легче всего забыть.

— Погоди. А камеры? Черт, да сейчас у всех есть камера в телефоне.

— Хорошая мысль. Наверняка существует куча записей этих невидимых созданий.

— Наверняка. Такое скрыть невозможно.

— Невозможно? Ты забываешь… — он улыбнулся, — …важный момент. Сначала нужен зритель. Оператор должен навести камеру на то, что его интересует. Какой-нибудь случайный куст он снимать не станет.

— Но я же о том и говорю! Даже если он снимет что-нибудь случайно, на пленке-то оно останется! — Ох как я гордился собой. Не каждый день ставишь шах и мат Уинстону Купу.

— Есть два вида зрителей, — сказал он. — Тот, кто снимает, и тот, кто смотрит. Где происходит процесс запоминания? Внутри нас или снаружи?

— Внутри.

— Вот именно. Можно в упор смотреть на это…

ну назовем это существом… и все равно его не видеть. Вообще-то его — или их — видели мы все, и не раз. И все мы забыли.

— Как это возможно?

— Не знаю. И при этом я изучал их годами.

— Так их нельзя увидеть?

— Нет, еще как можно. Мы их все время видим! А вот *запомнить* нельзя. От их кожи исходит скрывающий аромат. Если увидишь — их уже нет. Если почуешь — они стирают память. Даже если пробиться за эту пелену забвения, все равно увидишь только чистый лист, что-то настолько потрясающее, что ты в это не поверишь. В разуме не найдется места, куда их уложить. Что проще? Забыть? Или бороться с загадкой? Иметь дело с дискомфортом, с непониманием… Или — честно? — ужасом.

— Ужасом? — переспросил я.

— Да! Ну, это же рука без отпечатков пальцев! Лицо без цвета. Господи. У них даже рта нет!

Мы допили кофе. Но его история только начиналась.

— Жить начинаешь с мыслью, что мир познаваем. Что нужно только усердно собирать факты и однажды все сложится. А если так и не сложится? Если будет только безумнее и безумнее?

У моей работы не было названия. Я коллекционер. Я собирал истории, как антрополог собирает мифы. Но истинной целью было стирать эти истории. Следить, чтобы они не распространялись.

— Почему? — спросил я. Он улыбнулся.

— А это уже другая история.

Что оттуда вышло – 1958

У базы были идеальные показатели по безопасности, пока не потеряли военного врача по имени Сэнди.

Она стала первой жертвой. Первой человеческой жертвой.

Однажды ассистент спросил у нее:

— Эй, хочешь, покажу кое-что реально странное?

— Ллойд. Если это очередная твоя дурацкая теория.

— А ты смотри.

Он показал видеозапись того, как очищал тело.

— Смотри-смотри.

— Ну, тело. И что?

— Нет. Ты смотри. Вот… здесь! — И он показал на отражение в наблюдательном окне. То, что легко пропустить, если смотришь на труп.

— Закрылось, — сказала она.

— Закрылось.

— Почему оно закрылось?

— Я включу еще раз. Теперь со звуком.

Теперь стало слышно, как Ллойд рассеянно

напевает — раздражающая привычка, к которой привыкали все, кто с ним какое-то время работал. Его навязчивое пение. К нему цеплялся отрывок мелодии или бессмысленная строчка — и он напевал их снова и снова, пока кто-нибудь не скажет: «Ллойд!» И тогда он усмехался и затыкался.

— Что ты поешь? — спросила она.

— Одну из их фразочек.

— Какую?

— «Проснись — и нас нет, как снов».

— Звучит знакомо.

— Знаю. Из-за ритма.

— Из-за снов.

— Это музыкальная фраза. Семь тактов.

— «Проснись — и нас нет, как снов».

На следующий день они встретились в холодильной камере. И снова повторили фразу, с другим телом. Сработало как по волшебству. Будто мышечный рефлекс, реагирующий на раздражитель. Очень странный и специфичный раздражитель.

— А с живыми так действует? — спросила она.

— В смысле, душит ли их это?

— Господи! Нет! Я не об этом!

— Похоже, что может.

— Только без самодеятельности, Ллойд.

Она решила, что он так с ней заигрывает. Ллойд любил ее пугать. Есть такие парни — даже при общении с начальником. Ну знаете, как уговаривать девушку прокатиться на самом страшном аттракционе?

На следующий день он хотел ей кое-что показать.

— Смотри сюда. Смотри.

— Теперь еще и открывается!

— Это как вербальный код.

— Пробовал другую фразу?

— Мы уже все перепробовали.

— И?

— Ну. Те, которые оказывают эффект, все похожи. Одинаковый ритм. Как в поэзии. Но одна фразочка делает кое-что совсем странное, — сказал он со своей придурковатой улыбкой.

— Покажи.

Он произнес фразу — и Сэнди закричала, когда тело распалось на три части.

Через неделю Сэнди напевала себе под нос, пока проводила анализы и записывала показатели рядом с чуланом уборщика, перебирала гипнотические фразы одну за другой, как тут увидела на датчике необычный всплеск. Потом услышала странный далекий звук, будто опять лопнули

водопроводные трубы. Она собиралась пойти к завхозу, когда стены вокруг сотряс глубокий рокочущий рев. Она побежала и удалилась уже на сотню метров, когда из зеленой двери показалось белое рыло.

Выцветшая голова альбиноса с поблескивающей кожей. Вместо рта — разрез, который как будто рос все больше и больше, протискиваясь в дверь, пока наконец не выломал деревянный косяк. Большинству солдат этого хватило — они бросились бежать. Немногие оставшиеся стреляли, и там, где пули пробивали белую плоть, появлялись черные дырки. Они быстро зарастали. Выходных отверстий не было.

Сплошь голова, рот и шея. Ни рук, ни ног, ни крыльев. Вылезая, оно все корчилось взад-вперед, ломая зеленые стены и разбрасывая белую плитку пола, но не кончалось.

Как будто змеилось бесконечно.

Одно это было ужасно, пока длинная тонкая ухмылка не распахнулась, раскрывая темный рот — зияющую беззубую пасть, которая проглотила Сэнди целиком.

Потом погиб десяток солдат. Змей глотал по трое за раз.

Белая туша ползла по лужам крови, пока отде-

ление Z не перекрыли железными воротами — и на время змею удержали.

В коридор подали газ. Оно заснуло с глубоким урчанием, отдававшимся в коридорах вокруг. Потом проснулось и сожрало двух подошедших солдат в химзащите.

Огнеметы не помогали — белая шкура дымилась, выступал огненный пот. И оно сожрало солдат вместе с оружием.

По охранным камерам было видно комнаты с перепуганными ВД, которые по трое забивались в углы.

Потом все упоминали о том, какие звуки они издавали. После многих лет тщательных исследований ученые с шоком обнаружили, что у ВД есть еще полный диапазон выражений.

Наконец главный ВД, еще приходивший в себя после травм, полученных во время неудавшейся попытки побега, вызвался поговорить с существом.

— Я знаю его язык.

Все глаза были прикованы к экранам, когда Человек В Синем Костюме медленно толкал маленького белого человечка через руины отделения Z. (Потому что существо уже обошло железную преграду и пробурилось через извест-

няк за стенами. Оно основательно разрушило лабораторию, заодно пробуя на вкус хранившиеся там жидкости и смеси. Похоже, ему нравилось стекло.)

Видеть, как две фигурки идут по ничейной земле, было большим облегчением. Кому-то это напомнило подношение белого флага. Мирное выражение малыша и неторопливый путь навстречу огражденной зоне и ужасу чудовища казались почти нормальными.

Никто не помнил, когда его начали звать Папой. Говорили, он самый мудрый из ВД; точно самый старый.

Его загадка усиливалась из-за необычной иерархии базы. Все узкоспециализированные отделы почти не делились между собой данными. Это давало богатую почву для слухов. И у каждой лаборатории была своя область исследований и своя теория об общей цели базы. Одним ВД казались пришельцами. Другим — подводным народом. Третьи считали, что те выросли в пещерах, как многие существа-альбиносы, — в кромешной тьме. Мало кто знал, что это такое на самом деле. И у всех, кто встречал Папу, оставалось свое впечатление. Слухи гласили, что он говорит на самом старом языке — таком древнем

и первородном, что в существующих земных языках от него не осталось и следа. Так или иначе, его понимал только один человек. Человек В Синем Костюме. Тот, кто переступал все линии. Тот, кто не отвечал ни перед кем.

Пока Папа катился по разрушенным коридорам к пасти дракона, его маленькое тельце словно колыхалось, как белая риза жреца. Перед последней дверью высокий Синий Человек наклонился что-то спросить — и на миг показалось, будто он поправляет ризу, готовит Папу к появлению: знак уважения алтарного служки перед тем, как священник начнет службу. Наконец Папа отправился дальше сам.

Услышав, как кто-то приближается, отдыхавшая змея фыркнула, приподнялась и развернула свою тушу, по-прежнему уходившую через проделанный туннель до самой двери, откуда она появилась.

Увидев коротышку, змея быстро заскользила по коридору навстречу, потом вздыбилась, насколько позволял потолок, и распахнула пасть.

Папа произнес семь слов. Их услышал только Синий Человек.

Чудовище застыло, потом пискнуло. Пасть закрылась. Массивная белая голова опустилась

перед Папой, а тот положил на свирепое рыло свое маленькое крылышко и ласково погладил.

Он что-то прошептал. А потом змея стала удаляться, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, как скручивающийся шланг, пока не пропала в чулане.

Раздался долгий скорбный стон.

И потом — тишина.

Когда часы спустя Синего Человека спросили, какими словами Папа усмирил змею, тот ответил:

— Он назвал ее Сестра Хвост. И велел пока уйти спать.

– 2018

— Вот теперь я точно ничего не понимаю.

— Ты погоди, — сказал Куп. — Я только начинаю.

Два соглашения – 1958 и 1973

– 1958

Святого, как его называли в официальной обстановке, доставил в конференц-зал прикованным к белому инвалидному креслу высокий Человек В Синем Костюме. Вокруг встали шестеро вооруженных охранников. Его подкатили во главу длинного стола. По одну сторону сидели военачальники, по другую — руководство базы: ученые, инженеры и врачи.

Вел собрание один маленький человек в черном костюме. Линзы его очков были толстые, а голос — высокий. Ни в коем случае не внушительная фигура, но быстро стало очевидно, что все его уважают и что он умело руководит происходящим. Да, юрист.

Когда он заговорил, великан в синем костюме присел на корточки рядом со Святым в белом кресле, наклонился к его головной чаше, напоминавшей коренастый гриб на тоненькой ножке, и приготовился переводить.

Коротышка в черном костюме поклонился, потом начал.

— Позвольте открыть собрание с уверения: мы все собрались здесь с благими намерениями. Нам сообщили, что вы хотите своего официального признания лидером вашего народа.

Глаза Святого сверкнули, как полированный обсидиан:

— Я хочу того же, что хотим все мы, — ответил он голосом человека в синем. — Я хочу, чтобы меня помнили.

— Мы понимаем. Мы хотим наделить вас титулом «Высший ВД» и почетным обращением «Ваше Святейшество». Этот официальный статус уникален для вашего рода. И относиться к вам будут со всем уважением, подобающим такому титулу. У вас будет своя постоянная комфортная резиденция, отдельно от других.

— Я услышал ваше предложение. Я ценю ваше уважение, которое заложено в ваших словах. Признаю, что оно соблазнительно. Но я чувствую, что оно… не безусловно.

— Вы, как всегда, весьма проницательны. Ваше Святейшество, отлично зная, как вас почитает ваша паства, мы просим подать хороший пример. Наша работа здесь очень сложна. Для нее важен порядок. Мы просим, чтобы вы попросили свой народ подчиняться.

Синий Человек выслушал, кивнул и заговорил.

— Я понимаю, почему для вас важно восстановить порядок после такой катастрофы. Но я был бы плохим предводителем своего народа, если бы не желал для них добра. Что я могу дать им взамен за сотрудничество?

— Мы предлагаем сделать вас хранителем самого уникального места на земле. Мы хотим, чтобы вы приняли Дверь под свою ответственность.

Это, похоже, удивило белого человечка.

— Правда?

— Да. И в знак доброй воли мы позволяем вам выпускать по дюжине ваших в год.

— Дюжине.

— Да. Отныне и впредь вы Привратник. Никто не войдет и не выйдет без вашего дозволения. Это постоянная должность. Мы только просим, чтобы вы попросили ваш народ поделиться их дарами. Позвольте нам учиться у вас и дальше. И контролируйте опасное создание, что вошло в наш мир.

— Итак. Ваша защита — за мой комфорт и их рабство?

— Ваше Святейшество. Мы можем долго спорить о словах. Но одно неоспоримо. Это предложение — лучше всего, что сейчас есть у вашего

народа. Вы станете их Великим Вождем. Вы получите все блага и свободы, что в разумных пределах соответствуют вашему званию.

— А взамен вы продолжите эксперименты.

— Да.

— Они причиняют нам боль.

Юрист вздохнул.

— Что поделать? Эта технология очень важна — это основа нашей обороны. Мы живем в опасном мире. Мы имеем право защищаться.

Зал чувствовал, что переговоры зашли в тупик, за длинным столом обменивались жесткими взглядами. Настал переломный момент. Человек В Синем Костюме прошептал Святому. Существо склонило голову. Синий Человек перевел:

— Телевизоры. Мы хотим много телевизоров.

Собравшиеся с большим трудом сохранили серьезные лица.

— Договорились, — сказал юрист.

– 1973

Через пятнадцать лет сцена повторилась практически в точности. Только теперь Синим Человеком был Куп, Папа обходился без коляски, а во главе стола со стороны военных сидела женщина.

Маленький юрист в черном костюме постарел, но по-прежнему вел собрание.

Папа заговорил через Купа.

— Я просил об этом собрании с благими намерениями. Все эти годы мой народ сотрудничал с вами. Мы поддерживали порядок на базе. Волнения были сведены к минимуму. Ваши эксперименты проходили без помех.

Среди генералов началось ворчание, но все знали, что это правда.

— Я требую дополнение к нашему соглашению.

Встал, побагровев, самый старый генерал. Золотые звезды дрожали на его плечах.

— Вы не в том положении, чтобы требовать! Ваша капитуляция была безусловной! Мои войска понесли тяжелые…

Юрист поднял обе руки.

— Генерал. Прошу.

— Это же бессовестно!

— Генерал, я знаю, как вы относитесь к этому вопросу. Но мы договорились, что нашим представителем буду я и только я.

Весь зал услышал, как Синий Человек прошептал:

— Маразматичная сволочь.

Папа кивнул.

Старый генерал сел.

Юрист утер губы платком, сложил его и заткнул обратно в нагрудный карман.

— Ваше Святейшество, вы говорили о дополнениях?

К залу обратился Синий Человек.

— Первое: раз в год вы разрешите говорить с вашим Фараоном.

Зал зашумел.

— Зачем?

— Чтобы убедить его отпустить всех моих подопечных.

В зале послышались тихие возражения.

— Раз в год? — повторил юрист.

— Да.

— Потребуются высокие меры безопасности.

— Разумеется.

— Вашей змеи там не будет.

— Конечно нет.

— Вы же понимаете, что президента нельзя заставить сюда прийти.

— Понимаю. У одного из нас есть свобода воли.

— Ладно. Мы передадим просьбу.

Многие генералы сложили руки на груди и заворчали.

Синий Человек сверился с Папой, потом стал отсчитывать по пальцам — большой, указательный, средний. Человечек застыл, потом закрыл глаза (и сразу показалось, будто у его белой чашеобразной головы и нет никаких глаз — они пропали). Все вздрогнули, когда он открыл их снова и склонил голову, словно получил печальные вести. Потом он кивнул.

— Второе: мне было позволено отпускать дюжину из моего народа каждый год. Я хочу увеличить число до трехсот.

— Сотня.

— Две сотни.

— Сотня. Боюсь, это наше окончательное предложение.

Папа накрыл оба больших глаза крылом, потом убрал его и с мольбой посмотрел в потолок, потом пожал плечами — жест, к которому он явно не привык, потому что получилось комичней, чем задумывалось.

Синий Человек прочистил горло.

— Договорились.

Многие ученые кивали друг другу, радуясь, что выиграли этот раунд хотя бы математически.

Папа и Куп тихо спорили. Склоненные головы, жестикуляция.

Наконец Куп сказал:

— Ну хорошо. Цветные телевизоры.

Человек в черном костюме удивился.

— Конечно, это мы обеспечим.

Куп сердито уставился на Папу, потом сказал залу:

— Мое последнее условие. Больше никаких убийств.

Неподвижность вокруг стола напоминала о залах суда во время чтения обвинений; другим вспоминался момент, когда в зеркале заднего вида сверкают полицейские мигалки. Кое-кому — как над ними склоняется рассерженный родитель и задает вопрос, на который они не могли ответить.

— Ваше Святейшество?

— Экспериментируйте сколько хотите. Узнавайте от нас с помощью своей науки что хотите. Спрашивайте. Осматривайте. Записывайте. Мы будем сотрудничать. Но больше никаких убийств.

— Ваше Святейшество. Мы знаем, что ваш род… очень хрупкий. Разве мы можем нести ответственность за все несчастные случаи в лаборатории?

— Больше никаких несчастных случаев. Боль-

ше никаких убийств.

Посовещались генералы. Посовещались ученые, инженеры и врачи. Их руководители у главы стола кивнули маленькому юристу.

— Мы согласны.

— Я бы хотел встретиться с вашим Фараоном как можно скорее. Как его зовут?

— Ричард Никсон.

Папа с удивлением посмотрел на Человека В Синем Костюме, который невозмутимо перевел за ним:

— Этот урод?

Первый приехавший президент – 1976

Арахисовый Фермер [6] болезненно улыбнулся маршмэллоу, сидевшему в плетеном кресле напротив, и высокому Человеку В Синем Костюме рядом. Попытался сам себя убедить, что перед ним во всех отношениях обычное маршмэллоу. Да, гигантское — вообще-то даже размером с табуретку. И да, говорящее. Но в остальном — самое обычное говорящее маршмэллоу. Оставалось только улыбаться.

По сигналу президент достал из кармана недорогого голубого пиджака сваренное вкрутую яйцо. Четыре агента Секретной службы позади него выпрямились по струнке.

Он поставил яйцо на белый круглый стол. И посмотрел на него так, будто увидел впервые. Потом нахмурился и прикусил верхнюю губу.

— Прекрасно, — сказал маршмэллоу. — Благодарю, господин президент. Это ненадолго.

— Вы не против, если я почитаю?

---

[6] Сноски: 6

Имеется в виду президент Джимми Картер (срок — 1977–1981), выросший в семье арахисового фермера.

Куп наклонился вперед и сказал:

— Нет, сэр, пожалуйста.

Президент кивнул и потом как будто недолго боролся с неприятной и неприличной мыслью. Он, бывший учитель воскресной школы, привык, что подобная мимолетная порочность посещает в самый неудачный момент. Знакомая битва. Президент тихо усмехнулся, достал большую семейную Библию, всегда занимавшую в его детстве особое место. Положил тяжелую книгу на белый стол — когда он вошел, стол выглядел безликим, как отполированная слоновья кость, но при ближайшем рассмотрении оказался изящным и красивым: как полированный рог нарвала, как ириска, он переливался белым, канареечным и другими цветами, которые бывший инженер со своим математическим складом ума описать не умел.

Президенту почудилось что-то невозможное. Но и это было знакомо. За жизнь он часто дежурил на палубе подводных лодок. Он страстно любил ночное небо. Видел невыразимую, упоительную красоту звезд, ту красоту, что Господь посеял в небесах взмахом своей могучей ладони. И видел странности, что не раз навещали наш маленький зеленый мир бог знает откуда и бог

знает зачем. Он никогда не рассказывал об этих странных явлениях. Даже любимой жене. Хотя в начале политической карьеры и чувствовал себя обязанным влиться в паству (так сказать) и сознаться в самых обыденных из этих встреч. Господь знает мою душу, думал он. Я не совершенен. У всех нас есть секреты. Но я патриот. И если моя должность обязывает хранить безопасность нашей страны молчанием, быть посему. Бог и маршмэллоу мне свидетели. Хоть я не могу рассказать обо всем, что знаю, зато я могу хранить присягу, так помоги мне Господь. Он читал книгу Иова, когда услышал Синего Человека:

— Господин президент?

Он поднял взгляд и обнаружил, что держит вареное яйцо в правой руке. Он оглянулся и передал его агенту Секретной службы.

Высокий молодой человек в синем костюме поклонился.

— Благодарим, что пришли, сэр.

Президент болезненно улыбнулся и поднялся.

— Не забывайте Библию, — сказал маршмэллоу.

– 2018

Я попытался начать предложение. Вообще-то уже не первый раз. И каждый раз ничего не получалось. Слова останавливались прямо перед тем, как слететь с языка. Все было либо слишком глупо, либо слишком очевидно. Я все еще пытался вернуть свой мир обратно на его орбиту.

— Так ты встречался с президентом?

Мы оба посмеялись над выбором вопроса.

Куп рисовал круги на инее пассажирского окна.

— Встречался со всеми живыми.

Телепат – 1982

— Даже не знаю, с чего начать, — сказал человек. Глаза у него были такие, будто он не спал много дней.

— Начинайте откуда хотите, — сказал Куп.

— Красивая роза.

— Спасибо.

— Забыл, что символизирует белый цвет.

— Я тоже.

— В общем… я люблю свою жену, но она не затыкается.

— Ясно.

— Как бы каждый день висит на телефоне с сестрой в Омахе. Они вдвоем всю жизнь перебирают. И довольно скоро она начинает… типа, вскоре она практически орет по телефону. Иногда гадаю, что о нас думают соседи.

— То есть громкая.

— Очень громкая. И вот он говорит-говорит — и вдруг как ляпнет что-нибудь, чего бы лучше не говорила, что-нибудь про чековые книжки, или наши финансы, или что-нибудь личное.

— Вы это с ней обсуждали?

— Конечно. В смысле, нет. Собираюсь. Однажды. Если будет можно. Боюсь ее обидеть.

— Но вы ей доверяете.

— О, это конечно. Доверяю. Просто…

— Боитесь, что она что-нибудь сболтнет.

— Да.

— О вашей работе.

— Да.

— Ну, формально говоря, если она выдаст государственные тайны, ее ждет суровое наказание.

— Правда?

— Ну конечно.

— Насколько суровое? — Казалось, его эта перспектива привлекает.

— Вплоть до пожизненного лишения свободы.

— А что будет со мной?

— Если вы делали что-нибудь незаконное, на вас будут наложены очень строгие санкции.

— Мистер Куп, я не понимаю, что тут незаконного. Как бы, это даже не наш биологический вид.

— Теперь мы подходим к тому, о чем вам нельзя рассказывать жене, да?

— Черт, да я даже собственному начальнику об этом рассказать не могу.

— Он не знает?

— Она. У нас так иногда бывает. У вышестоящих допуск ниже, чем у нас, чтобы ничего не выдать, когда они ежемесячно докладываются своим начальникам. Мы их как бы избавляем от лишнего.

— Любопытно.

— Вообще-то ничего необычного. Отличный способ сохранить суперструктуру невидимой для гражданских. Понимаете, почти все наши начальники временные и часто меняют должности. Политические назначенцы, сами понимаете.

— Правда?

— А то. Новая администрация в Белом доме — новый шеф у нас. Они как послы. Посещают церемонии, проводят мероприятия, перекладывают бумажки. Сидят для виду. А всю работу делают простые работяги вроде нас. Это правительство. Это не настоящий мир.

— Я тут просто задумался.

— О чем?

— При такой невидимой суперструктуре не существует никакой подотчетности. Никакого надзора. Ни одна ветвь правительства не контролирует, что здесь происходит. Вы и вся организация… неуязвимы. Сами собой командуете.

— Ну да, более-менее. Но если честно? Вер-

хушке это не очень интересно, пока мы даем результаты.

— Результаты?

— Данные. Технологии. И они понимают, что без бюрократии и лишних бумажек работа идет быстрее. Мы бы в жизни ничего не сделали, если бы на все пришлось просить разрешение. Мы бы никогда не собрали ВД.

— Ладно. Уже ближе.

— Видимо, про нашу иерархию больше неинтересно?

— Нет. Эту тему вы хорошо раскрыли. ВД?

— Даже не верится, что наконец-то поговорю об этом с кем-то кроме психотерапевта! Фух! От них толку мало, быстро сворачивают на дурацкие вопросы о ложной эмпатии.

— Чувствуете облегчение?

— Да.

— Продолжайте.

— Я здесь работаю уже много лет. Прошел всю подготовку. Получил максимальные оценки на всех уровнях.

— Другими словами, вы профи.

— Я невероятно компетентен в своей работе. Я, наверное, один из всего двух людей на планете, кто может этим заниматься.

— Ясно.

— И я больше не могу.

— Ясно,

— Правда не могу.

— Ясно. Вы расслабьтесь. Дать салфетку?

— Нет, спасибо. Просто. Я здесь застрял. Я не… Я не могу… Уходить-то некуда.

— Лингвистика, да?

— Вроде того.

— Вроде того?

— Я обучил одного из них английскому. И помог составить глоссарий языка существ, которые не могут говорить и не хотят нам ничего рассказывать.

— Вау. И как у вас получилось?

— Я телепат.

— Ясно. Вы… читаете мысли?

— Да.

— Как это получилось?

— Они меня научили.

— То есть…

— ВД. Но, в отличие от них, я могу только принимать мысли, а не посылать.

— Зачем они вас научили?

— Хотели помочь.

— Телепатия. Чтение мыслей.

— Да?

— Мои тоже можете прочитать?

— А то. «Вот же долбанутый придурок. Почему ему просто чего-нибудь не пропишут? Господи».

— Господи.

— Вы не торопитесь. Все нормально. Знаю, такое не каждый день увидишь.

— Господи боже.

— Как я уже сказал, нас таких только двое.

— О боги.

— Вы же понимаете, что можете больше не задавать вопросы вслух. Можете просто… вот да, просто думать.

— Знаете, я бы, наверное, все равно хотел…

— …произносить их вслух. Как и большинство людей.

— Я и забыл, о чем мы говорили.

— Обо мне.

— Да. Ну да. Хорошо. Пожалуйста. Продолжайте.

— В общем, мы с моим напарником Ллойдом закончили глоссарий. Хватило всего-то тридцати ВД.

— Хватило тридцати?

— В смысле, нам пришлось убить всего-то тридцать.

— З-з-з-з-зачем вы их убивали?

— Они… сопротивляются. На их языке «слова разума» священны. Нашу работу можно сравнить… ну, наверное, можно называть ее «изнасилованием разума». Это для них унизительно.

— Могу себе представить.

— Это большое преступление. Для них мысль — как бы изящный обмен чувствами и данными. Прямо-таки танец. Они делятся знаниями с блаженством. А когда заставляешь отдавать? Они чувствуют ужас, унижение. Чувствуют, что предают священное доверие своей расы. Это мерзкое состояние, и долго они его выносить не могут. Очень чувствительная раса. Надавишь слишком сильно — и они лопаются, как попкорн.

— Лопаются?

— Теперь вы думаете — «убийцы». Вы меня не жалейте, мистер Куп, говорите прямо, что думаете. Я же все равно знаю.

— Вы лопнули тридцать?

— Ну плюс-минус.

— И сколько это заняло времени?

— Всего? Пятнадцать лет.

— Это того стоило?

— Не знаю. Пятнадцать лет сверхурочной работы, шесть-семь дней в неделю. Полная сек-

ретность. Жена думает, я болван. Слышали бы вы, как она обо мне говорит. Стоило того? Не знаю. Мы разработали новую зубчатую броню на основе их меха. Мы освоили маскировку — то, что мы зовем РПМ.

— РПМ?

— Радаропоглощающий материал. Дайте срок — и мы сделаем бесшумным любой пропеллер. Черт, покройте любую ветряную турбину дентакраской — и ее эффективность увеличится втрое. Но нефтянка этого никогда не допустит. Посмотрим, что еще. А! Мы открыли новый участок человеческого мозга, с помощью которого однажды сможем быть добрыми по усилию воли.

— Это бы нам не помешало.

— Но неважно — я выгорел. Как и моя начальница. У Кейти сил больше, чем у кого угодно, но даже ей хочется выкинуть глоссарий в мусорку.

— Об этом нам известно.

— Вы ее не вините — работа такая. А. Так вы ее знаете, да?

— Почему вы так говорите?

— У вас разум… помрачнел.

— Забудьте.

— Ладно.

— Вижу, вас многое тревожит.

— Это точно.

— Не волнуйтесь. Я все исправлю.

— Надеюсь. Скажите, а каково это? Забирать воспоминания?

— Не могу разглашать.

— Как вы этому научились?

— Они научили. Как вас.

— Вы знали, что у них нет вальса? Они не могут его слышать.

— Не могут или не слышат?

— Это уж вы мне скажите. Такое ощущение, у них в мозгу не хватает какого-то участка.

— Может, участка добра. Мне стоит знать, как вы об этом узнали?

Он заплакал.

— Нет.

— Ладно. Расслабьтесь, все хорошо.

— То есть, как бы, я даже вас не вспомню?

— Нет.

— Ох, замечательно. Просто хочется, чтобы все это уже прекратилось.

— Прекратится.

– 2018

— Так чем конкретно ты занимался, Куп? — спросил я.

— Следил, чтобы правда не всплывала. А когда всплывала, я ее стирал.

— Похоже, ты избавил его от душевных мучений.

— Это громко сказано.

Куп себя наказывал. Я это называю профилактическим жестоким обращением. Такое бывает у алкоголиков. Если причинить себе боль раньше, чем это сделает кто-нибудь другой, тогда тебе уже не так тяжело. Хотя бы кажется, что боль у тебя под контролем. Может, ты ее даже заслуживаешь, что ли. Дешевый приемчик, работает недолго. Рано или поздно становишься ловчее своего мучителя. И тогда он уже не нужен.

Куп отвернулся к окну. Красные кленовые листья счастливо трепетали на ветру, то танцевали, то замирали, то танцевали, то замирали. Воздух был проснувшимся на вкус.

— Я тебя сразу предупрежу, Паньюкко. Скоро я перестану тебе нравиться.

Истории, что папа приносил домой, – 1985

Куп поставил перед собой белый диктофон и сказал:

— Теперь вы расскажете о своем папе.

В детстве папы никогда не было рядом.

— Наверное, как в большинстве семей в пятидесятых, — кивнул Куп.

Да. Успешные карьеристы. Мать — домохозяйка. Но мой папа был другим. Я это знал.

— Откуда?

По его историям. Когда он все-таки бывал дома, он рассказывал самые лучшие истории на свете. И как будто подтверждал все мои фантазии о нем. Он герой. Он шпион. У него есть суперспособности. Так ведь думают дети. Он будто улетал на совершенно секретные миссии и не мог говорить о них никому — даже маме.

«Ты мне никогда ничего не рассказываешь, — говорила она. — Я будто замужем за незнакомцем».

— Вас это беспокоило?

Нет! Черт, он же мой папа. Мы знали, что он

инженер. Что еще о нем знать.

— И ни разу не спрашивали его о работе?

Мне было все равно. Я просто был рад его видеть в те редкие времена, когда он все-таки появлялся. Когда он возвращался домой, это каждый раз было событие. В доме снова пахло мужчиной. Мама готовила его любимый ужин — мясной рулет. Он играл со мной в салочки до самого заката. И потом укладывал меня спать и рассказывал свои истории. Боже, что за истории.

— Например?

Всякое безумие. Никогда не считал, что у папы богатое воображение. Но что он рассказывал — он мог бы книжки писать. Мог бы прославиться.

— Прославиться?

Давайте я вам обрисую. Человек каждый день надевает костюм. Белая рубашка. Черные блестящие туфли. Черный галстук, который он будто никогда и не снимает. Садится за кроссворд, раскуривая трубку. Я приношу ему домашку — и он отвечает: «Можешь справиться и лучше, сынок». Я знал, что он какой-то инженер. Но с тем же успехом он мог быть продажником, фермером, мясником. Короткая стрижка — я о ней говорил?

— Нет.

Самый обычный человек, какого только можно

найти. Но когда он меня укладывал и садился рядом… как другим становился. И голос становился мягким и хрипловатым. Он словно рассказывал то, что ему не терпелось выпустить. Что он держал в себе всю жизнь. И единственное место, где это можно рассказывать, — моя спальня. Я чувствовал, что это особая привилегия. Даже честь. Я и слов-то таких не знал, пока не вырос, но помню каждую историю. Каждый вечер. Его черная трубка на фоне плаката Микки Мэнтла у меня на стене. И та лампа, с ковбоем на лошади.

Никогда не забуду один вечер, одну историю. Про волшебного белого мальчика с длинным хвостом, который умел летать. Он летал так быстро, что его никто не мог найти. Однажды ночью он летел под полем звезд, загляделся на них и заснул, и упал в зеленый океан. Его спас матрос, поймав в свою сеть, и научил говорить на языке розовых людей. Его отвели к королю розовых людей и попросили научить, как делать так, чтобы исчезали секреты, и он научил. Тогда его попросили научить, как делать так, чтобы исчезали истребители, и он научил. Но когда его попросили научить, как стирать целые участки мозга, он отказался. И когда попросили научить, как построить настолько большое ухо, что оно

слышит всех людей и даже их самые темные тайны, отказался. И за это его посадили в белую комнату, кормили самой невкусной едой и разрешили разговаривать только с одним человеком.

Тем, кто курил трубку.

Человек с трубкой был хорошим — честным, достойным человеком. Он не одобрял, как розовые люди обращаются с мальчиком, но и ничего против сказать не мог. И тогда он решил с ним подружиться. Может, тогда бы он рассказал секреты, которые хотели знать начальники.

И при этом его плен стал бы не таким неприятным. И каждый день он встречал мальчика по-доброму. Ласково задавал вопросы. Но, хоть мальчик и вел себя вежливо, на важные вопросы от начальников все равно не отвечал. А вытянуть ответы — это была работа Человека с Трубкой. Его долг.

И через десять лет мальчик сказал, что ему уже пора.

Человек с Трубкой ответил, что это невозможно. Он их гость.

То есть пленник, — ответил мальчик. Вы сами учили меня точности. Говорить без обиняков.

Ну хорошо, — сказал Человек с Трубкой. — Тогда пленник. Но ведь тюрьма уютная, да? И

кормят хорошо. Тут удобно и есть все, чего можно пожелать.

Кроме свободы, — ответил мальчик, упавший со звезд.

Может, тебе дадут и свободу, если ты сделаешь подарок, — сказал Человек с Трубкой.

Какой? — спросил мальчик.

Твой хвост, — ответил Человек с Трубкой. Если отдаешь свой хвост, взамен тебе дадут все, что пожелаешь.

И мальчик, упавший со звезд, отдал свой хвост.

А ему дали все, чего он желал. Власть. Золото. Еда. Престиж.

— Престиж? — спросил я.

— Это как слава, — пояснил папа.

— Как у Микки Мэнтла?

— Да.

А после долгой паузы я спросил:

— Пап? Его же отпустили, да? Не стали держать вечно. Против его воли. Да?

Папа встал с кровати и посмотрел в окно на луну.

— Его никогда не отпустят, — сказал он.

Через две недели его уволили, и нам пришлось переехать в Мэдисон. Там он устроился препо-

давателем.

– 2018

— Куп, — сказал я. — Ты говорил с сыном. Почему не говорил с отцом?

— Отец был хорошим солдатом. Не заслужил, чтобы к нему приставали. — Уинстон заметил, что я не понял. — Я опрашивал его по телефону. Он был сдержан. Сказал про сына. И я перекрыл эту утечку.

— Утечки. Проект, о котором ты рассказываешь… Такие масштабы… Такая сложность. Столько народу. Как тут можно перекрыть все утечки?

— Ну, люди уходят. Люди умирают. Люди соглашаются взять деньги. Иногда достаточно даже угрозы. А иногда… недостаточно.

Изобретатель – 1988

Уинстон нервничал, так что мы поехали обедать. Он запил три аспиринки высоким бокалом колы и слопал парочку хот-догов с миской чили. После этого вроде подуспокоился. Тогда я и узнал, что при людях можно рассказывать самые поразительные истории — а никто и бровью не поведет. Например:

В баре сидит азиат, потягивает мартини и гоняет в нем пальцем две оливки. Линзы его очков толстые, как донышки бутылок «Кока-Колы». Он ругается на телевизор. У него нью-йоркский акцент.

На следующий вечер он там же. Тот же «счастливый час» со скидками, то же мартини. Ругается на телик, и тут замечаешь, что там показывают рекламу. Не берешь в голову. Тебя тоже бесит реклама.

Следующий вечер. Ну ладно, может, у тебя есть жена, вы ссоритесь и она не понимает, какая у тебя работа. Ты обязан сидеть в этом самом баре. И обязан пропустить парочку — и кто бы сомневался, Кола-Мартини снова там, и ты замечаешь,

что он никогда не снимает черный галстук. И снова ругается. Рекламируют матрасы. Ну знаешь рекламу, шведские матрасы с особой пеной, на которой остается отпечаток тела?

На следующий вечер угощаешь его, и он сразу же твой друг. Естественно, показывают рекламу. И опять он повторяет:

— Хреновы воры.

— Кто? — спрашиваешь.

— Да шведы эти долбаные. Это наше детище. А они купили его за гроши.

— Что купили-то?

И он смотрит на тебя. Уже в таком состоянии, что поводит головой, окидывая тебя взглядом сверху донизу. Видно, что он считает себя намного умнее тебя. И в конце концов приходит к выводу, что ты безобиден.

— Ну кровати.

— Эти самые проминаемые матрасы?

— Никакие они не пронимаемые. И плесени в них не бывает, этот вопрос мы тоже решили. Как и возгораемость. И запах. Аналогично с зудом. Идеальный материал. А они что сделали? Свели все к превращению газа в пену — то есть самой простой части формулы. Не истинная структура. Не чудо. Заставили нас делать кресла

для космонавтов. Блин! Да мы могли изменить весь мир. Могли строить неуязвимые бункеры. Адаптируемые боеприпасы. Черт, могли производить машины, которые выдерживают любое столкновение и проезжают тысячу километров на одном галлоне!

— Мы же вроде говорили про… как оно там называется… ну, пена с памятью.

Он фыркает.

— Пена с памятью. Пена с памятью! Да это пена с амнезией. Она забывает все, что ты с ней делаешь.

Ну и вы переходите в кабинку, устраиваетесь поудобнее. Он уже на третьем-четвертом мартини и не затыкается. Поглядывает на белый сигарный футляр у тебя в нагрудном кармане так, будто хочет спросить: «Будешь это курить?» Хватает коктейльную салфетку.

— Представь себе алюминиевую фольгу. — Комкает ее в шарик. — Сминаешь. Только мятой она не остается. Возвращается в предыдущую форму. Раз! И еще, это не алюминий, а только похоже на алюминий. — Последнее слово он произносит с трудом, еле ворочая языком. — Намного крепче. Бьешь молотком — а он даже не гнется. Направляешь на него горелку — а он даже не нагревается.

Но применяешь мозги и кожу — и он гнется. Боже, какая красота.

— Металл?

— Мы назвали это металлогубкой. Но они не поняли, что это такое! Только и хватило воображения, как на удобство Джонни Гленна в кабине. Они решили, раз «губка», значит, мягкая. Вот и искали мягкие применения. Изоляция. Герметики. Космические шлемы. Идиоты. Я им твердил: материал не мягкий, а умный. Это дзен. Он гнется, мнется, поглощает удары. Он течет. Это металл-ниндзя. Только с виду мягкий. Ждет, когда противник устанет, а потом его душит.

Он схватился за голову и покачал ею.

— Они не поверили, — уточнил я.

— Не-е, они и не слушали. Тогда мой партнер отнес разработку шведам и променял на угловой кабинет и жену-блондинку. Последние двадцать лет курит вот такие дорогие сигары, глазеет в окно и ни фига не делает.

— Но не ты.

— Конечно не я. Я застрял. Ему достались все деньги и слава, а мне — шиш с маслом.

— Знакомая история. Изобретатель не получает славу. Получает только тот, кто сумеет продать изобретение на рынке.

— Изобретатель? — с улыбкой переспросил любитель мартини. — Изобретатель?! — Он качнул свой бокал и уставился на оливки, устремившиеся по орбитам. — Братец, я гений, но это все-таки не я родом с другой планеты.

– 2018

Все в закусочной словно находились в собственных мирках. Никто и бровью не повел, хотя всем было слышно историю, которую только что рассказал этот потрепанный верзила.

— В общем, это был мой первый.

— Твой первый? — переспросил я.

— Да, он много болтал. И не собирался затыкаться.

Я увидел его лицо.

— Погоди, — сказал я.

— Мы вместе пошли домой, распевая песни.

— Погоди, — сказал я.

— Выпили на ночь. У него случился сердечный приступ.

Официантка подошла подлить мне кофе и сказала:

— Вы гляньте. Кто-то забыл в соседней кабинке обувную коробку! Ух! Ну что, ребят, у вас осталось место для десерта?

— Я бы с удовольствием прикончил вишневый пирог, — сказал с улыбкой Уинстон Куп.

И она рассмеялась.

Ящик – 1992

Брат, чего только ни говорят умирающие.

— Правда? — спросил Куп.

О да, мистер Кей, еще как. Вспоминают первую любовь. Учителя во втором классе, который дал им сухие штаны, когда они описались в песочнице. Человека, которого любили больше всего на свете, а он оказался чудовищем.

Иногда их тянет поесть то, чего они не пробовали уже много лет. Лимская фасоль. Тапиока. Или, может, та особая томатная паста, которую им готовила мама. И обычно они тебе доверяют. Рассказывают свои секреты.

Черт, оно и понятно. Ты же их последний слушатель. После тебя — только большое молчание.

Мистер Эл ничем не отличался от других ветеранов вроде вас, мистер Кей. Мы их зовем Дышащие на Ладан. Гонщики на Тот Свет.

— Ну спасибо, Честер.

Он улыбнулся.

Да я прикалываюсь. С вами-то все в порядке. У меня, можно сказать, чуйка на тех, кто катится на тот свет. Может, пахнет от них по-другому, даже

не знаю. Но под конец вокруг них становится совсем тихо. Люди в основном держатся подальше. Но не я. Меня смерть никогда не волновала.

И вот я переодеваю мистера Л. Он худой желтый старик с желтыми глазами. Застой желчи. Так себе симптомчик. И я спросил, чем он занимался после войны.

— Упаковка, — ответил он.

Ну, я на свете пожил немало, но с таким, значит, родом деятельности еще не знаком.

— Упаковка? Коробки или мешки?

Он вот так вот на меня смотрит долго, и я не могу понять, что у него на уме.

— Вроде того, — говорит. — Только в больших масштабах. Контейнерные грузоперевозки. Знаешь большие фуры на шоссе, которые занимают сразу две полосы?

— Крупногабаритные, — говорю.

— Ага. Крупногабаритные. Для этого нужно планирование. Инженерия. Нужно учитывать коммерческую загрузку, равновесие и вес. Технику безопасности. Высоту. Сопровождение. В основном ночные доставки, чтобы не закупоривать крупные дорожные артерии днем. Логистика. Это моя специализация.

— Похоже, работы много.

— Да не, я делал дай бог одну-две доставки в месяц. Работал на правительство.

Похоже, работа не бей лежачего. Я подумал, может, и мне стоит туда пойти. Может, он откроет мне дверь. Я не собирался чистить больничные утки вечно. Меня ждали большие дела.

— Правительство?

— Нас называли «С-доставки». Сокращение от «Секретные доставки».

Он дал мне время осознать.

Я закончил с его памперсами. Вымыл руки. Побрызгал освежителем воздуха, постелил новые простыню с одеялом.

— Спасибо, — сказал он. Потом посмотрел на меня. — Неинтересно?

— Чего? — спросил я.

— Про «С-доставки».

— Секретные, — сказал я. — Ну, чего вы доставляли? Оружие? Самолеты?

— Тоже было.

Очевидно, ему хотелось выговориться, и только оглядываясь назад, я вижу надменность своей юности. Мне было девятнадцать, я брал полуночные смены, учился на заочке. Лишился девственности в пятнадцать. Курил траву. Пил. Ходил в стрип-бары. Черт, я думал, уже знаю

жизнь вдоль и поперек. Понимаешь? Что мне нового расскажет этот желтушный старикан. Стариканы. Мы становимся невидимками, да? Люди и забывают, что мы — просто следующие их версии.

— Не такой уж ты и старик, Честер.

Мистер Кей, вы не угадаете мой возраст, даже если постараетесь.

Я уже чуть было не махнул на старпера рукой. Но что-то меня остановило. Что-то в тех желтушных глазах. Единственное в нем, что не выглядело старым. Значит, он доставлял Неведомые Секретные Хреновины. Ну и что дальше?

Я присел к нему на койку.

— Ну и что еще вы доставляли?

Мистер Эл улыбнулся.

— Весь фокус «С-доставок» — в противоположностях и ловкости рук. Знаешь, как фокусник приковывает внимание в вертящейся палочке в правой руке, чтобы ты не заметил белого голубя в левой?

— Ну да.

— Все просто. Если груз квадратный — контейнер круглый. Длинный груз делится на двое и доставляется по отдельности. Множественные грузы укладываются так, чтобы казаться единым

целым. Уловил принцип?

— Вроде да.

— И вот. И вот однажды приходит мне ТТХ. 12 метров в ширину. 6 в глубину. 12 метров в длину.

Я думал: вот же старики. Обожают подробности. Джо Луис. Сэтчел Пейдж. Великая депрессия. Господи, какой же я был дурачок.

— Ну, широкая штука, — наконец сказал я.

— Ага.

— Значит, вы ее… разделили.

— Нельзя.

— Почему?

— Ну просто скажем, что по-соломоновски с ней поступать нельзя.

— Хорошо, большая штука. Нужно… что?.. стальная рама?

Он качает головой.

— Алюминиевая?

— Нет. Представь себе большой дощатый ящик. Мне говорят: сделай легкий внутренний каркас. Из резиновых трубок. Резиновые трубки, понял? Ну мы сделали. Скупили все шланги во всех магазинах хозтоваров на пятьсот километров вокруг. Оптом заказывать нельзя. Странный запрос. Но они все по-своему странные. Зато история полу-

чится интересная. Один раз пришлось перевозить кусок ледника. В самом большом рефрижераторе в мире. Но это другая история. Тогда многих поувольняли. Не меня. Я всегда перестраховывался.

Он слишком наслаждался собой. Но что такого особенного в большущем ящике?

— И вот мы доставляем доски и резиновую раму сотнями партий для особенного ящика в самолетный ангар, который находится в краях, где не бывает тени. И я восемь дней вручную встраиваю этот груз в большой деревянный ящик 12 × 6 × 12. Чертеж только один. Один. Я и еще два мужика работаем двенадцать часов в день. Оснастив ее резиновыми трубками, он берет один конец, я — другой, и вставляем в первую половину ящика. Вторую строим уже вокруг.

— Погоди. Груз же огромный, да? Но явно очень легкий, если его могут поднять двое.

Он просто кивает.

— Потом поднимаем все это вместе на лебедке и привязываем к вагону-платформе. Потом целый день красим верхнюю половину ящика в черный. Нижнюю — в бежевый. Потом едем с конвоем сопровождения. Один грузовик (с грузом). Три джипа сопровождения. В километре вперед. В километре позади. Еще за одним едем мы на

грузовике, я и двое коллег.

Едем ночами. Без фар. Под луной. Проезжаем восемьдесят километров — восемьдесят километров — до другого самолетного ангара на другой базе, где теней еще меньше. Паркуемся.

Нам даже не дают распечатать груз.

Расплачиваются наликом на месте. Человек в синем костюме выдает на руки. Говорит: «Вы сделали для своей страны три великих дела. Первое — собрали ящик. Второе — доставили ящик. Третье — молчание, которое будете хранить до конца жизни».

А один из нас — молодой парнишка, Ральф. Любитель выпить и подраться. Думает, с матюгами может выбраться из любой заварухи. Здоровый детина. Характер ужасный. Оно и понятно — ему никогда дурь из башки не выбивали.

Он начинает докапываться до человека в синем костюме. Мол: «Что? Даже жене сказать нельзя? Детям? Если я такой невероятно важный для страны, зачем мне хранить этот секрет?» И показывает на большой ящик посреди ангара, где стоят трое вооруженных военных полицейских.

— Заткнись, парень, — говорю. Но он не унимается. Все болтает.

— Это Америка, приятель. Люди имеют право

знать. Черт, да это мои налоги оплачивают и ящик, и все, что вы планируете там с этим своим сраным фрисби внутри.

Человек в синем костюме стоит со скучающим видом.

Смотрит на меня с напарником.

Потом достает из кобуры пистолет и стреляет пацану в башку. Наклоняется, забирает деньги у него из кармана и делит между нами.

— Приберите тут, — говорит желтушный старик. — Приберите.

Старик Честер, который слушал желтушного в молодости, потер глаза обеими руками.

— Мистер Куп? Можно кое-что сказать?

— Конечно.

— Вот смотрю я на этого желтушного коротышку, свернувшегося калачиком на кровати, и вдруг знаю две вещи так же четко, как собственное имя.

Первое: он не рассказывал об этом ни одной живой душе. И второе: Я поклялся сделать так же.

— Честер. Расслабься. С этим буду разбираться я.

— Брат? А какого черта я рассказываю это тебе?

— Дальше меня твой секрет не пойдет, Че-

стер, — сказал Уинстон Куп. — Обещаю.

И мы пожали руки. Страх медленно вытек из глаз Честера, а потом он сказал:

— Так о чем это мы, мистер Кей?

— Неплохо для первого раза, — сказал Руди. — У тебя талант.

И я не сразу понял: Честер не слышал Руди. Только я.

– 2018

— Куп. Не могу не спросить. Как ты их всех находишь?

— Ну, — ответил Куп, — я могу читать людей. Никогда не чувствовал связь с незнакомцем? Такую интуитивную гармонию, когда кажется, что он идет тем же путем, что и ты?

— С тобой чувствовал.

— Я тоже. И это — тоже самое, только конкретнее.

В подробностях нам это обсуждать не пришлось. Из-за этого мы и стали друзьями столько лет назад. Дети алкоголиков подсознательно видят друг друга издалека; узнают другого выжившего. У нас одинаковые кодексы поведения, одинаковый позыв заботиться о нашем мучителе и хранить молчание о зависимости. Это болезнь наращивает вокруг себя самоподдерживающие системы, чтобы защититься от обнаружения и — и ну, как ни странно, чтобы исцелиться.

— Но еще, — продолжал Куп, — я коллекционер конкретных историй. И та история, за которой я охотился всю жизнь, — у нее свой аромат. Она

оставляет свой след. Я вижу, что человек слышал ее вариацию, с первого взгляда. Чувствую, сколько подробностей он знает, насколько ужаснулся, насколько глубокое впечатление она оставила.

— Как?

— Просто с первого взгляда. Это аура, которую вижу только я. Скажем, это голубая аура — спектр голубого. И голубым светятся только те, кто знает эту историю.

— Звучит, если честно, бредово.

— Есть такое. — Уинстон отошел от окна и сел рядом со мной. — Ладно. Попробуй представить. Вот человек — обычный человек. Выглядит точно так же, как ты. Но вокруг его губ, — Куп обвел свой рот пальцем, — ярко-голубой клоунский грим.

Я нахмурился.

— Вот как ты их видишь?

— Так я вижу всех, кто встречал их.

Я пересчитал его два дара на пальцах одной руки.

— Значит, ты можешь выследить кого угодно и можешь забирать воспоминания?

— В целом да.

— Это… распространенные умения?

— Нет, очень редкие.

— Сколько таких людей есть?

— Только я.
— И как ты с этим справляешься?
— Очевидно, так себе.

Ты видел куклу – 1993

Они сопроводили президента в белую комнату. Его проинструктировали заранее. Он попадет в совершенно секретную комнату на совершенно секретном объекте. Не будет ни свидетелей, ни записи. Он встретит самого важного оперативника Америки и его самый важный актив. Это первая ежегодная встреча. Это только формальность, заверили президента, и ее соблюдали некоторые (но не все) его предшественники. Персоналу сообщили ложные данные; его график освободили. Он договорился о короткой остановке во время своей кампании для благотворительного сбора в Голливуде. Первая леди вылетела вперед него. Сопровождение президента осталось на борту номер один, пока ремонтная бригада заменяла «неисправную деталь».

Когда президент и человек с футбольным мячиком впервые вошли в белую комнату, он заметил запахи. Воздух туманился от аромата хлорки — ему это сразу напомнило школьный бассейн и одну конкретную спасательницу, старшеклассницу, которая учила технике безопасности.

Глория. Г-Л-О-Р-И-Я, как поется в той песне. Он пропел припев.

— Знаешь эту песню? Нравится? — спросил он агента Секретной службы, держащего чемодан.

— Да, сэр.

В комнате стояли белый овальный стол и три стула. Слева сидел непримечательный опрятный господин в синем костюме и галстуке. Надень на него темные очки — и он будто из Секретной службы. То есть не удерживается в памяти.

Справа — интереснее. Маленький человек в клоунском костюме с лицом, вымазанным белой краской, большими красными губами и в детском полосатом комбинезоне из шелка. Такое уже не каждый день увидишь. Президент не сразу, но понял, что перед ним фарфоровая кукла. Каждый раз, когда ему мерещилось движение, он бросал на нее взгляд: полная неподвижность.

— Рад, что вы смогли приехать, господин президент. Позвольте забрать.

Президент передал Человеку В Синем вареное яйцо.

— Что ж, с удовольствием. Рад услужить. — Он улыбнулся. Впечатляющей, обезоруживающей улыбкой. От нее млели почти все женщины и

дети — и большинство мужчин.[7] — Сказать по правде, я бы радовался еще больше, если бы знал, какого черта тут делаю. — Он рассмеялся.

— Считайте это обрядом посвящения. Никсон и Картер — они оба сидели на вашем месте.

— Неужели?

— У них наверняка были те же вопросы, что сейчас есть у вас, сэр.

— Наверняка, — повторил он сухо. — А вас зовут...

— Это неважно, сэр.

Он достал из кармана пиджака толстую сигару.

— Я закурю?

— Конечно, сэр. Но не здесь.

— Можно хотя бы пожую? — президент помахал сигарой.

— Пожалуйста, сэр. Это можно.

Он деланно поджал губы, потом сунул сигару в уголок рта, чуть откинул голову назад и посмотрел на куклу.

— Это и есть наш актив?

— Да, сэр.

— Мне говорили, ценный.

---

[7] Сноски: 7

Имеется в виду Рональд Рейган, бывший президентом США с 1981 по 1989 годы, бывший киноактер.

— Очень.

— Ельцин за него убить готов.

— Скорее всего, сэр.

— Не против сказать, что это?

— Это кукла, сэр.

— Я сам вижу, что кукла. Увидел, как только вошел. Попробую угадать и скажу, что это необычная кукла?

— Можно сказать и так, сэр.

— Я и сказал. Именно так и сказал. Не надо со мной играть, мистер…

— Куп.

— Мистер Куп, может показаться, будто я какой-то сельский дурачок, но, наверное, надо кое о чем вам напомнить. Я стипендиат Родса. Я самый могущественный человек в мире. И я ваш начальник. Поэтому если нравится у меня работать, я очень вежливо попрошу кончать ваш выпендреж и сказать прямо, зачем я здесь.

Человек в Синем улыбнулся.

— Сэр. Вы не представляете, как я ценю откровенность. Обычно мы видим полную противоположность. Вы здесь, чтобы ответить на несколько важных вопросов и дальше отправиться по своим делам.

Брови президента стремились уползти со лба.

— Неужто?

— Да, сэр.

— И что же это за вопросы?

Синий Костюм возился с яйцом, аккуратно разбивая скорлупу о белую столешницу — завораживающий процесс.

— Сколько будет один плюс один плюс один?

Президент рассмеялся и поймал себя на том, что обращается к кукле.

— Мне нравится этот парень. Вот же наглый.

— Следующий вопрос, сэр. — Теперь Синий Человек вроде бы чистил яйцо. — Тинкер — Эвансу — Ченсу. Кто они?

— Откуда я знаю?

— Бейсболисты. Очень знаменитая комбинация. Из прошлого года.

— Вы будете говорить мне все ответы?

— Нет. Кто пел «Сюиту: Джуди Голубые Глазки» [8]?

— Демократы. — Президент улыбнулся. — CSN.

— Правильно. В какой гармонии?

— В банальной?

— Именно, сэр. Правильно. — Синий Человек сложил руки на яйце, как в молитве. — Сколько

---

[8] Сноски: 8
Suite: Judy Blue Eyes, Crosby, Stills & Nash (CSN), 1969.

лиц у Бога в христианстве?

— Вы имеете в виду Отца, Сына и Святого Духа?

— Да, это я и имел в виду. Но спросил другое.

— Это вы и спросили.

— Нет, сэр. Я спросил «сколько».

— И что?

— Ничего. Сколько пальцев я показываю?

— Я сейчас покажу тебе палец.

— Вы бы не сказали, что это чрезвычайно странный разговор?

— Это вы так сказали.

— Но когда мы уйдем отсюда — из этого… места, — когда вы пройдете, скажем, сто одиннадцать шагов, то вы заметите, если вы все это время вообще обращали внимание, что здесь произошло нечто очень любопытное.

— Так. И что?

— Не могу сказать.

Президент встал. В шутку затянулся незажженной сигарой и сказал:

— Ребята. Было очень весело. Но меня ждет самолет. Сэр? — Он пожал правую руку черному. — Клоун? — Ему он отдал честь сигарой. — До встречи.

— Не забывайте яйцо, сэр.

Он забрал его и с удивлением увидел, что скорлупа не тронута. Медленно отдал своим охранникам.

— Хорошего дня, сэр.

Он покачал головой.

— Уж надеюсь, лучше, чем то, что было сейчас.

Дверь в белую комнату открылась снаружи, двое охранников встретили президента в коридоре.

Встреча была закончена, дверь закрылась.

Клоун, который не был ни клоуном, ни куклой, заговорил первым.

— Намного умнее предыдущего.

— О да, — сказал черный, думая: «До сих пор не верится, что это, сука, работает».

Уж поверьте, вы ошиблись человеком – 1994

Чтоб у меня дома никаких сигар.

— Слушаюсь, мэм, — сказал Куп.

И чтоб не говорил ничего плохого о нашей стране. Я этого дела не потерплю. Это американская семья, американский дом. И я этим горжусь.

Так я и говорю всяким активистам. И когда приходят с опросами. Ты не с опросом ли пришел, сынок?

А то все свои предательские речи можешь забирать и уматывать сразу. Это счастливый американский дом.

Вон мой муж, на каминной полке. Да. Служил. Нет, это не форма. Тридцать лет на госслужбе, нечего тут. Неважно, где. Это американский дом.

Он служил с честью.

Если ему надо было уехать на месяц, я не задавала вопросов. Уехал и уехал. Он солдат.

Нет, не из этих частей. Думаете, солдаты — это только те, кто носит форму?

Я никогда не спрашивала, где он служит.

Если привозил домой шелк из Марокко, мне

больше ничего знать не надо было. Значит, он помнил обо мне. Если он покупал новую пушку в свою коллекцию, тоже хорошо. Если показывал, как выглядят русские сигареты, дальше разговор не шел. Я американская жена. Я не донимаю расспросами.

Псевдонимы? Понятия не имею, о чем вы. Его звали Джереми.

Мне все равно, что говорят какие-то женщины, — он был моим мужем.

Ну и что, что он вел другую жизнь. Хоть две или три, почем мне знать. Я знаю только одно: здесь был его дом. Дом Патриота.

Нет. Это имя мне ни о чем не говорит.

Нет, это тоже.

Мистер, я вам прямо скажу. Женщина знает своего мужчину. Если у мужчины есть тайны, то на это есть причина. Может, он что-то защищает. Может, предан высшему делу. Может, у него особый дар и его нельзя судить, как остальных людей. Людей вроде вас.

Ничего об этом не знаю.

И об этом.

Мы люди простые. Любим хорошо поработать, хорошо поесть и сходить в церковь — по средам и воскресеньям. А вы так о себе сказать можете?

Я вдова. Правительство обеспечивает меня пенсией, хвала Иисусу. Я не спрашиваю, заслужил он ее или нет. Нет уж, сэр. Мне денег хватает, а причин сомневаться у меня нет.

Человек чести, что бы вы ни говорили.

Слушайте. Сходите к каминной полке и принесите пурпурную шкатулку. Вот именно. Это его. А это на латыни.

Куп перевел. «За достойное поведение, выдающуюся доблесть, неоспоримую храбрость» [9].

А, вот что там говорится? Ну, это все правда. Такую штуковину на Канзасской ярмарке штата не выиграешь.

Уж поверьте, вы ошиблись человеком.

Конечно узнаю. Это Рэнди. Он был у них самым молодым сержантом. Муж говорил, переводчик. Знаток языка. Он приходил к нам на курочку по воскресеньям.

Восемнадцать? Восемнадцать? Как по мне, скорее двенадцать. Такой бледненький. И глаза у него были странные, темно-голубые.

Ну, после ужина они обычно допоздна играли в шахматы.

Сказать по правде, я не понимала и половины

---

[9] Сноски: 9

Надпись на награде «Тройной крест» из фильма «Волшебник страны Оз» (1939).

того, о чем они болтали.

Я вам одно скажу. Рэнди — единственный, кто побеждал моего мужа в шахматах.

Нет, ничего такого. Я все сожгла.

Потому что мне так сказали, вот почему!

Я получила ту фотографию и медаль, больше мне ничего не надо.

Нет, я не знаю, что случилось с Рэнди.

На похороны он не приходил.

Нет, я его не видела. Не удивлюсь, если однажды он заявится и попросит накормить. Ел он так, что за ушами трещало.

– 2018

— Похоже, один сбежал, — сказал я.
— Двое, — ответил Куп.
— Расскажи, кто еще сбежал.

Кто еще сбежал – 1995

Уинстон Куп нашел уголок в «Дейри Квин», где они с парнишкой могли посидеть наедине. Куп сказал, что хочет ему кое-что прочитать. Это была книжка в мягкой обложке и с золотым космическим кораблем на корешке.

Куп читал:

«Они бежали.

С ночного неба наверняка казалось, будто высокая бледная Дороти и крошечный Железный Дровосек неслись вприпрыжку по кукурузному полю — на встречу с Волшебником, в поисках дома и сердца. Но уже скоро становилось ясно, что они бегут не куда-то — они бегут от чего-то.

Мальчик и девочка: он — решительный, хотя куда меньше ее, тянул ее за собой без большого труда; она — высокая, неуклюжая и усталая, все еще в коротком коричневом платье в розовый цветочек — все том же платье, что носит уже месяц, ткань грязная и мокрая от пота, впитавшая в себя все ее запахи, ткань такая тонкая, что стала как вторая кожа — кожа, что трепетала и развевалась за ней, пока мальчик (который на нее даже

не смотрел, не выпускал ее костлявое запястье, не давал оглянуться — ни на секунду) пропускал мимо ушей ее просьбы помедлить, дать передохнуть ее ногам — ногам распухшим, покрытым мозолями после того, как она неделями ходила туда-сюда по сырому цементу, так что теперь от каждого шага ноги простреливало болью, словно она наступала прямо на ломаные стебли, а не между ними, пока мальчик неустанно тянул ее за собой через золотую гниющую кукурузу.

Она знала, что он не помедлит и не остановится.

Он тянул за собой, глядя только на высокие желтые ряды, образовывавшие перед ними проход, будто узкие колонны храма. Он бежал трусцой, четыре шага на каждые ее два, отрывая глаза от тропинки, только чтобы быстро взглянуть на садящееся перед ними солнце, по которому они правили путь. Он знал, что им нужно успеть куда-то дотемна, пока не взяли их след, пока не заметили их исчезновение, пока за ними не отправили погоню.

Наконец ее вспотевшая рука выскользнула из его ладони — и она упала. И тогда у него уже не осталось выбора. Он повернулся, увидев, как она лежит на земле, всхлипывает меж рядов куку-

рузы, уходивших высоко вверх над его головой. Половину ее лица покрывала грязь, в слипшиеся русые волосы набились сор, травинки, кукурузная шелуха. Он поймал себя на том, что любуется ее красотой.

— Вставай, — сказал он.

Ее взгляд резал по живому. Будто это он ее похитил, держал в плену; будто не он ее герой, не он спасает ей жизнь.

В его голубых глазах она видела только холодную решимость сделать то, что должно.

„Он прямо как они, — подумала она. — Со льдом в сердце“.

— Они скоро будут здесь, — сказал он.

Ее выражение и язык тела изменились моментально, будто он щелкнул кнутом. Он имел в виду Семью. Но не просто страх перехватил ее дыхание и заставил проглотить все всхлипы. Она поверила мальчику на слово; она привыкла ему верить.

Поднималась она постепенно, разгибаясь хрупко и неуверенно, как марионетка. Мальчик не отводил от нее взгляда, и, когда его голова уже запрокинулась, глаза отметили ее бледность — такую непохожую на его, такую неестественную — итог депривации света, которая выпила всю

тень из кожи. Он отметил рост девочки, две шишки на ее плечах, натягивавших тонкую ткань ее платья, когда она распрямлялась между высящихся стеблей, озаренных и согретых заходящим солнцем. Он никогда не видел ее на свету. На миг ему вспомнились святые с карточек, которые его мама когда-то приносила с похорон: тощие, замученные, но любимые, сияющие от своей жертвенности.

Они бежали дальше.

Далеко они не ушли, когда на них легла тень. Она съежилась от ее прохлады. Он вздрогнул, и они посмотрели наверх. Солнце заслонило облако странной формы — серый нимб, упрямый и темный в сердцевине, полыхавший белым по краям.

Долго они стояли неподвижно и глядели, как туча размазывает солнце, как неторопливый грузовой корабль.

— Мы не успеем, — прошептала она. — Да?

Вопрос его потряс. Он так переживал из-за своего решения расстаться с семьей, покинуть дом и спасти ее, что ему и в голову не приходило: это-то еще было самое простое. В отличие от нее, он был в возрасте, когда путают мысль с действием, воображаемое с достигнутым.

Не то чтобы он не учитывал трудность или высокие ставки; он повидал смерть. Как и все в его семье.

Но в его представлении у них все уже получилось. Он видел, как они сидят где-то на пляже, попивают через желтые соломинки из кокосов, ее тело — чистое, загорелое, расслабленное на песке; а он изо всех сил старается не отставать от ее сложных слов, странных идей и неловких пауз, терпеливый и готовый ждать сколько угодно, пока на его любовь не ответят взаимностью. Пока он не вырастет.

Их побег был только началом плана, который он строил уже месяцами. Он был целиком готов умереть за нее. Он и не задумывался, что будет, если действительно придется. Как и все дети, он думал, что с его смертью закончится и весь мир.

— Идем, — сказал мальчик. — Я знаю, кто нам может помочь».

Уинстон отложил книгу на пластиковый стол и сделал большой глоток чая со льдом.

— Тогда ты видел ее в последний раз? — спросил он.

Мальчик шумно допил через соломинку шоколадный молочный коктейль.

— Да, сэр. Она даже не попрощалась.

— Мне жаль. Наверняка было тяжело.

Мальчик молчал.

— Наверняка тебе легче от того, что ты кому-то выговорился. Кому-то, кто тебе верит.

Мальчик кивнул.

— Как ты понял, что учитель тебе поверит?

— Он читает всякие книжки про космические корабли.

— Правда? Понятно. И ты решил, что если кто-то и готов выслушать историю о девочке из открытого космоса, то это мистер ____.

— Он сказал классу, что хочет сам написать фантастический роман. Сказал, ему нужен только хороший сюжет.

— И ты ему помог. Дал хороший сюжет. А он что сделал? Все в порядке. Можешь сказать.

— Поставил мне пятерку.

Куп кивнул.

— Сынок, ты когда-нибудь получал пятерки?

— Нет, сэр.

— Ну, — сказал Куп, двигая на столе свою большую белую чашку кофе и по-доброму улыбаясь мальчику. — Ты ее заслужил. Для этого нужна смелость. Наверняка тебе было непросто рассказать все учителю. Это многого для тебя стоило. Я вижу. Наверняка это самое трудное, что тебе

приходилось делать.

Мальчик подавил всхлип.

— А он сделал ее высокой.

— Сынок, посмотри на меня. Я тебе обещаю. Через час ты вообще ее не вспомнишь.

— Больно не будет? — спросил мальчик.

— Больше никогда не будет, — сказал Уинстон Куп. — Честное слово.

– 2018

— Так обычно это происходит? — спросил я. — Избавляешь их от воспоминаний.

— Да, — ответил Куп. — Но я не всегда так милосерден.

«Мой лучший друг» – 1995

Куп поблагодарил учителя за чай, отпил, поставил чашку на светлый деревянный стол между ними — центр скромной гостиной в скромном доме в детройтском пригороде. Затем включил белый цифровой диктофон. Когда они начали, солнце заходило, когда закончили — уже стемнело.

— Удивительная книга. Впечатляющее достижение.

— О, спасибо! Очень рад слышать. Не то чтобы ее расхватывали с полок.

— Если честно, не понимаю, почему. В ней есть все ингредиенты классической детской истории. Большая тайна. Ребенок с особыми способностями, которого все недооценивают. Волнительная погоня. Настоящая мораль — о терпимости и о том, что каждый из нас уникален.

— Спасибо. Это много для меня значит. Впервые кто-то так… так емко выразил все, что я хотел передать. Я правда польщен. Ее плохо осветили в прессе. Я хочу сказать, парочка приличных рецензий все-таки была. Но мой литературный

агент — она, если честно, профессиональный перевозчик с небес на землю.

— Как я слышал, такая у них работа.

— Ха-ха, тут я вас понимаю. Нет, она сказала… первые романы… особенно янг-эдалт… Короче говоря, повезет, если их вообще кто-то заметит.

— Не верьте ей. У вас есть талант, и кое-кто это понимает.

— Еще раз спасибо. Боже, какое хорошее получится интервью.

— Тогда можем начать с пары простых вопросов о вас.

— Давайте.

— Конечно, не обойтись без неизбежного. Это не автобиографическая история?

— Имеете в виду, что я в детстве знал мальчика с особыми способностями?

— Ха-ха. Понимаю, звучит глупо. Но я имею в виду — ваши персонажи такие живые. И погоня в лесу, например. Я как будто… там и оказался. Вертолеты, прожекторы, пронзающие ночное небо, как… как вы там писали?

— Вихри света.

— Вау. Вихри света.

(Тут я хмыкнул, и Куп сказал: «Не выпендривайся, Бомба». Потом продолжил.)

— Вот это я называю «стиль»! И мальчик с девочкой прячутся под замшелым выступом утеса? Шепчут друг другу песни? Ух. Какая сцена.

— Спасибо. Для этого понадобилась матчасть.

— Что? По горам лазили?

— Не совсем. Просто скажем — я долго собирал матчасть.

— Ну, поверил я с легкостью. Но сцена, которая пронимает меня по-настоящему, это когда появляются солдаты, а девочка стоит и ничего не говорит. И никто ее не видит. Они угрожают родителям мальчика, его семье. И мальчик только требует: «Оставьте ее в покое! Она никому ничего не сделала!» Такое испытание смелости. Чертовски трогательно.

— И еще раз. Спасибо.

— Как у вас получилось?

— Воображение. Что тут скажешь — оно у меня богатое.

— Не скромничайте. Богатейшее. Ну и концовка. Вау.

— Спасибо.

— Прослезился, я вам серьезно говорю. Меня будто душили, когда высокой белой девочке пришлось задержать дыхание и отправиться спать под воду. И он смотрел, как она погружается в

озеро и становится такой бледно-бледно-зеленой. А потом исчезает. Я будто стоял там и все видел. Будто видел вашими глазами.

— Да, это было ужасно. Я имею в виду — ужасно писать. Очень… трудно выразить правильно.

— Не могу не спросить: вы имели в виду какой-то конкретный водоем? Сцена получилась удивительно яркая.

— О. Эм-м-м-м, дайте подумать. Да нет. Не особо. Просто, ну знаете, зеленое озеро.

— «С хрустально-зеленой водой и бледными камнями на дне, после которых дно отвесно уходило в темную ледяную синеву». Вау. Вот так описание. Не напоминает вам какое-нибудь место, где вы были сами?

— Э-э, нет. Ну, наверное, сразу несколько. Э-э. Это может быть, эм-м, Калифорния.

— Ну-ка! Озеро Тахо!

— Да. Да, скорее всего, я думал об озере Тахо.

— Та же зеленая вода.

— Точно. О, как же там красиво.

— «Так холодно, что купаться можно только в августе. А до того вода ледяная и подходит только для водолазов, которые исследуют затонувшие корабли».

— А, точно. Это… ну, это что-то уже совсем не

про Тахо, да?

— Затонувшие корабли? Да, вряд ли. Да и Тахо обычно очень теплое. По крайней мере, летом. На отмелях.

— Да, наверняка я представлял какое-то другое озеро.

— Может, какое-нибудь из Великих?

— Возможно.

— Мичиган?

— Э-э.

— Верхнее?

— Эмм.

— Нет? Ири?

— Ну-у…

— Гурон!

— Нет.

— Нет?

— Точно. Нет.

— Вы говорите очень уверенно.

— Не Гурон.

— Почему?

— Я имею в виду, что не, э-э, не представлял озеро Гурон, когда писал книгу.

— А. Значит, нет?

— Нет!

— Ну ладно. Как скажете. Просто… очень по-

хоже.

— Правда?

— «Бакланы ныряли в воду, как черные ангелы».

— А там тоже так?

— Да.

— Хммм.

— Еще и гагары.

— Неужели?

— Ага. Может быть, вы ориентировались, ну не знаю, скажем, на Джорджиан-Бэй, Онтарио, а потом забыли?

— Возможно.

— Так и думал. Слушайте, да в этом нет ничего такого особенного. Бывает, что людей захватывают и уносят события, которые они не контролируют.

— Могу себе представить.

— Так что все понятно. Но нечасто встретишь писателя с такой заметной способностью к… как это называется? Когда делаешь так, что читатель чувствует себя на описанном месте. Вы удивительно хорошо передаете на странице текстуру, вкус реальности.

— Правдоподобие?

— Да! Точно. Правдоподобие! Невероятно,

как вы запечатлеваете удивительные события, привнося целый арсенал строгости, страсти и творческого откровения в то, что для многих людей было бы роковыми событиями.

— Еще раз. Спасибо.

— Будто вы журналист. Тот, кто обучен регистрировать, наблюдать, передавать самую суть происходящего…

— Ага.

— У вас редкий дар, сэр. И огромная ответственность из-за того, что сообщаете эти умопомрачительные события общественности. Возможно, единственным удобоваримым способом, единственным, которым их можно понять.

— Прошу прощения?

— Под видом художественной литературы. Это единственный способ, благодаря которому узколобый, ограниченный мирок может осмыслить ошеломительную весть: мы не одни.

— Что?

— Под видом детской истории. Очаровательной, трогательной истории дружбы, что пересекает эволюционную пропасть. Межвидовая связь, которую однажды — возможно, не в ближайшем будущем, но однажды, — человечество сможет — возможно! — принять и одобрить.

Настала очень долгая пауза.

— Мистер Куп?

— Да?

— У меня же не будет неприятностей?

— Нет! Конечно нет!

— Фух. А то я подумал…

— Да не-е-ет! Нет-нет-нет. И думать забудьте. Вас ждет карьера великого писателя. И единственное, что может помешать, — что вы откажетесь рассказать мне все.

Куп с размаху разбил чашку чая о журнальный столик. Чашка разлетелась вдребезги, а последовавшая тишина разлилась, как чай, пока не накрыла все. Ручка все еще болталась в пальцах Купа.

Он улыбнулся.

— И я имею в виду — Все. Прямо здесь и прямо сейчас.

— Сейчас?

— Сейчас.

– 2018

— Не расскажешь, откуда у тебя этот… дар? — спросил Бомба.

Уинстон поднялся и потянулся.

— Пошли прогуляемся.

Через несколько кварталов он сказал:

— Об этом я говорить еще не готов, Бомба. Но обещаю. Однажды расскажу.

— Странная это работа, — сказал Бомба. — Историю стирать.

— Иногда без этого никак. А иногда факты такие непонятные, что их можно и не прятать. Никогда не был в Африке?

— Очень смешно. Ты же знаешь, я нигде не был.

Марракеш – 1997

Марракеш — это ловкость рук.

В этом туристическом городке все сделано для того, чтобы приковать внимание, ошеломить и выжать из тебя деньги.

Поэтому надо оставаться стойким.

Не отвлекаться на призыв к молитве с минарета.

Пройти мимо гадателя и его столика с протертыми картами.

На другом конце площади Смерти, места священного и профанного, кувыркаются акробаты в синем шелке.

Пирамиды апельсинов, лимонов, фиг — и орехи, орехи, орехи.

Площадь Смерти атакует все чувства разом — нужно быть начеку.

Прийти пораньше в ресторан на открытом воздухе. Найти угловой столик рядом с высокой белой вазой и мраморной колонной, исчезающей в ночном небе. После кускуса и ягненка появляется танцовщица живота в вуали — и тебя поражает одетый в белое музыкант с удом; ему

не может быть больше двенадцати.

После ужина кто-то приносит серебряный чайник, и к тебе присоединяется африканец в белом балахоне и зеленой феске.

Тебя уже предупредили. Говорить будет он.

Он скажет, что он — реалист. Человек, который не имеет дела с фантазиями. Его расследования ни к чему не привели, как он и ожидал. Таких слухов здесь столько же, сколько местных преданий. Он жалеет о доверчивости своих коллег, которые потратили время господина. Будет упрекать тебя так красноречиво, что, когда замолчит, ты машинально подашься вперед, приглашая его продолжать, лишь бы окунуться в глубокие возмущенные волны его голоса.

Ты его спросишь:

— Иллаграше лактабе инукхе? [10]

Он будет настаивать, что такой книги не существует.

Ты ответишь, что это бесценная книга.

Тогда он скажет, что такую книгу нельзя найти ни за какую цену.

Ты встанешь, поблагодаришь, попрощаешься и скажешь, как наслаждаешься своей поездкой

---

[10] Сноски: 10
У вас есть моя книга? (*Бербер.*)

— особенно в «Ла Мамонии», номер 117.

Потом протянешь руку, наблюдая за его лицом в момент, когда он почувствует в ней три золотые монеты.

Он сложит ладони на животе и посмотрит на пальмы, что словно задевают сами звезды.

На следующее утро тебе позвонят из вестибюля отеля.

Там ты найдешь слепого, который протянет руку, и поведешь его к черному «мерседесу». Он назовет белую розу у тебя в лацкане «вонючей».

Тебя будут везти вглубь пустыни, к пурпурным Атласным горам, ровно час.

Ты войдешь в касбу через высокую деревянную дверь. Двое будут курить кальян, апатично наблюдая, как ты входишь во внутренний двор, где два бродячих пса дерутся за кость.

Там будет деревянная лестница, по которой слепой взлетит бодро, как юнец. Когда с ней справишься ты, все уже будут сидеть в пустой комнате, освещенной столбом света из высокого узкого окна. Снова поставят серебряный чайник, в этот раз — на узорчатый бордовый ковер. Слепого будет обслуживать маленький мальчик. Будет время от времени по безмолвной просьбе приносить мисочку с фигами, свечку, сигарету,

пепельницу.

Ты сядешь на ковер, скрестив ноги.

После чая и вежливого одобрительного хмыканья все начинается.

Мальчик будет переводить на английский.

— Я буду говорить так, чтобы переводчик доносил слова без их понимания. Даже если повторить все в точности, это будет бессмыслицей для всех, кроме меня и вас. Другими словами, только двое из трех в этой комнате держат слова. Все остальные будут держать нитки, но услышат лишь воздушный шарик на другом конце. Сферу с горячим воздухом. Да?

Я старик. Я уже не работаю.

Моей работой были люди. Я обсуживал великое множество людей. Одни были важными, другие — просто очень богатыми. Когда человек достаточно богатый или важный, его обязательно обслуживают.

Я был полезен благодаря своей слепоте. Я мог устраивать встречи в полной секретности. Вы заметили секретность нашей сегодняшней встречи? Вижу, мы понимаем друг друга. Полагаю, вас устраивает эта секретность?

Мальчик — хороший ученик, иногда я прибегал к его услугам. Он живет здесь со своими

дядьками, которые знают обо мне лишь то, что я человек в большой черной машине. Это понятно? Здесь безопасно.

И вот старик начинает.

— В этом городе есть комнаты удовольствий. Даже много комнат.

Удовольствие — товар распространенный. Оно и естественно.

Обычно у покупателей очень конкретные вкусы. И их обслуживают очень гибкие люди. Один может подстроиться под разные запросы. Это понятно?

Иногда бывает — можно сказать, очень редко под нашей голубой луной, — и теперь вы видите, как мальчик смотрит на потолок вслед за первым летящим шариком. Наверняка голубым. Как я говорил, иногда бывает так, что для заказа требуется творческий подход.

У нас был целый список талантов. Его хранил я, потому что он нигде не записан. Да, у мальчика впечатляющий лексикон. Он савант. И его наивность создает большой розовый пузырь секретности, порой весьма полезный.

Я видел, как мальчик смотрел на розовый пузырь, который обрисовал слепец. Было слышно, как где-то в касбе из радио змеился таинствен-

ный грув африканской группы Tinariwen. Слепец одобрительно улыбнулся.

— Как я говорил, поступил необычный запрос. Для примера скажем, девочка. Скажем, альбиноска. Скажем, черные глаза. Такого рода.

Далее мой слог должен вознестись к непрозрачным белым облакам, подобно речам политиков.

На самом деле ровно в ту самую секунду между солнцем и нами прошло редкое облачко, погрузив темную комнату в еще большую тень. Возможно, слепой это почувствовал.

— Я посовещался со своей богатой памятью и нашел очень гибкую и талантливую работницу, уже собравшую очень довольную клиентуру.

Назначили их встречу. Встреча состоялась. Но произошла… как бы выразиться? Оплошность? Недоразумение?

Наши люди узнали, что работница ранена и при смерти. На нее жестоко напали, и только с большим везением она смогла защититься, причинив смертельный вред злодею.

Работницу вылечили. В конце концов.

Позвольте мне предположить, что уникальность ее биологии препятствовала как выбору нужного курса лечения, так и быстрому выздоровлению, а потому нисколько неудивительно,

что происшествие пресекло карьеру работницы. Ее уволили. И с тех пор не видели.

Я не знаком с вашим выражением «больше неприятностей, чем она стоила».

Я бы сказал, если вы намекаете, что бизнес, основанный на секретности, не должен разгуливать по площади Смерти с букетом воздушных шариков, то вы весьма проницательны.

Других сведений об этой работнице у меня нет. Приношу извинения.

Намеков на ее местоположение у меня нет. Приношу извинения.

Я не вправе разглашать сведения о том, как работница устроилась в мой бизнес. Приношу извинения.

Я сожалею о «тупиках», в которые, возможно, в своих секретных и обширных расследованиях вы зайдете.

Ахмед? Пора возвращаться в большую черную машину.

Когда мы поднялись, ребенок шепнул вопрос, а старик ответил на их родном языке, не подозревая, что я знаю его в совершенстве.

— Нет, он не идиот, как и ты.

– 2018

Уинстон остановился, чтобы высвободить собаку, чей поводок запутался вокруг дерева, пока она гонялась бог весть за чем. Он ее погладил и увидел, что ее хозяин — сикх в голубом тюрбане. Они обменялись улыбками и парой слов на его родном языке. И мы с Купом пошли дальше.

Я был рад отвлечься, потому что чем больше осмыслял услышанное — вернее, непроговоренное, — секретное, — тем больше меня мутило. Наконец, придя в себя, я спросил:

— Помню, у тебя всегда был талант к языкам. Сколько ты знаешь?

— Считая английский? Тридцать четыре.

— Так тебе легче разговаривать с людьми?

— Имеешь в виду, легче ли так понимать людей?

— Да.

— Иногда.

— Ты знаешь, все дело в твоем лице. Как будто ты никого не осуждаешь. Будто я могу сказать тебе что угодно — и ничего не будет.

— Знаю. На самом деле я это не специально,

само собой получается. Но отчасти из-за этого я и получил работу.

Мы посмотрели на голые деревья, скрипящие на сильном ветру.

— Так ты расскажешь, зачем все это делаешь? Я имею в виду — может, не сейчас, но когда-нибудь?

— Бомба, даже если расскажу… с чего ты взял, что ты это потом вспомнишь?

Савант – 2001 – Рэли

— Можешь снять шляпу, сынок, — сказал генерал.

Они сидели во дворике, в тени больших тополей у лепечущего ручейка. Куп снял белую панамку и положил на стол между собой и генералом. И старик начал. У него был самый добрый говор южных штатов, что Куп слышал в жизни: мед, а не голос.

Я нашел саламандру в дупле гнилого бревна.

Она лежала на спине под сором, и шкурка у нее отливала грязно-зеленым. Я решил, что она сдохла.

Но когда дотронулся, обнаружил, что, хоть шкурка и холодная, под ней чувствуется тепло.

Я не колебался. Взял ее в руки. Ее выпученные глазки чуть приоткрылись, и в щелочку под веками я увидел влажно-черный шар.

Я называю ее саламандрой, но размером она была с котенка. Она наблюдала за мной с серьезным выражением, и я увидел в ее глазах разум.

— Как тебя зовут? — спросил я — и сам не знаю, почему ожидал ответ.

— Зови меня Стейси, — сказала она.

Тут мне хочется сказать, что говорила она тоненьким шепотком, но правда еще необычнее. Она говорила тихо. У меня в голове.

Куп кивнул.

— Стейси, — сказал я. — Тебе, наверное, холодно.

Я расстегнул зимнюю куртку и синюю толстовку и спрятал саламандру за пазуху. Она пристроилась к моей груди, над животом. Мордочкой ко мне, так что я мог опустить взгляд и увидеть бугорки ее глаз. Потом я застегнулся.

Обычно я гуляю в лесу по утрам. Мне там нравится. Птички и белки, утки на ручье, а если совсем рано, то они не шумят. Иногда я ступаю за порог — а там олень. Вот это настоящий подарок.

По дороге домой я чувствовал, как в ее тельце (если честно, намного больше, чем у саламандры) забилось сердечко, как она отогревается у моего тела.

Я старик.

Знаете, чему никто не учит?

В старости становишься невидимкой.

Молодые все торопливые и нетерпеливые, не могут помедлить и послушать тебя. И, если честно, даже тем, кто постарше, от тебя пользы нет.

Я им только напоминаю своим видом, кем они однажды станут.

Молодые считают нас родственниками, которых приходится терпеть на праздники. Воротят носы от наших запахов. Не понимают, что когда-то и мы были, как они, — норовистые, носились по миру, красовались своей лоснящейся шкурой, вертели хвостами.

Дети иногда это понимают. Чувствуют, что мы что-то знаем, а не просто шумные и властные, как почти все взрослые. Это большая радость.

Но они все-таки не понимают: внутри мы все одинаковые. Мы не считаем себя старыми. Мы все еще молодые парни и молодые девушки, как бы ни выглядели снаружи.

Как я уже говорил, люблю погулять. Каждый день случается что-нибудь удивительное.

В тот день вот саламандра.

Когда она снова заговорила, я думал о том, как катился по льду, вспоминал пробегающие под пятками бугорки.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что. Уже лучше?

— Да. Нет.

— Давай сначала про «нет», — сказал я.

— Мой Папа врет. Не говорит мне смысл жиз-

ни.

— Хм-м-м, — сказал я. — Это, конечно, непростое «нет». А ты что?

— Мне грустно.

— Еще бы. Как думаешь, он не хочет говорить или просто не может?

— Секрет?

— Ну, я не об этом, хотя, наверное, может быть и так. Может быть и так, что вся эта фиговина с морковиной — большой-большой секрет, и случится что-то страшное, если нам кто-нибудь его расскажет. Но хочешь знать, что думаю я?

— Да.

— Я думаю, ерунда все это. Жизнь — это не тайный клуб с дурацкими паролями, и если в него вступишь, нужно поклясться, что расскажешь об этом только тем, кто знает секрет. Это для детей. Для мальчишек. Сказки из домика на дереве.

— «Сказки из домика на дереве». — Было славно слышать, как она пробует эту фразу на вкус.

— Хочешь узнать, что я думаю о твоем отце?

— Да.

— Я думаю, скорее всего, он не знает смысл жизни.

Тогда зеленое существо подумало и закрыло глаза.

— Я тоже так думаю.

— Я бы тогда и не расстраивался. Почти никто не знает. А если бы он знал, то рассказал бы.

— Ты так думаешь?

— А ты нет? Почему бы отцу не сказать ребенку правду?

— Ну, он мне не настоящий отец, — сказала она. — Скорее как дядя. Или тренер. Или папа римский. Или генерал.

— Генерал?

— Ага.

— Ну, если уж он генерал, то им положено генерировать секреты.

Я понял, что она поняла каламбур, когда почувствовал, как она сотрясается у моей груди.

— Полегче?

— Да.

Я задержался посмотреть на верхушки деревьев. Обычно я так делаю несколько раз за прогулку в лесу. Это всегда приятно. Для меня их движение сродни танцу.

— Видишь?

— Что?

— Деревья.

И мы смотрели вместе.

Потом я пошел дальше.

— Стейси? Как по-твоему, деревья интересуются смыслом жизни?

— Когда танцуют — нет, — ответила она.

Скоро мы вышли к моему ручью. Я зову его «своим», но он мне не принадлежит. Люблю смотреть в нем на отражения. Он меняет цвет. Вот голубой цвет неба. Серый — облаков. Вот рябь, проплывают золотые листья. Как перечеркнутые нотки на нотном стане.

Я нашел свой обычный пенек и присел. Какое-то время слушал. Шоссе так далеко, что я его и не слышу. Разве что шепоток или гул.

Потом я сказал:

— Ты наверняка савант. Вот почему этот вопрос тебя так волнует.

— Процентúли, — сказала Стейси.

— О да — это понятие я знаю. Тебя вписывают в график с цифрами и думают, будто и тебя посчитали. Но я уверен — просто-таки уверен… что никто еще не посчитал тебя, а, Стейси?

— Нет. Даже не близко.

Какое-то время я об этом размышлял.

— Ты правда так выглядишь? Или просто надеваешь лицо для тех лиц, которые встречаешь?

— Это лицо, — сказала она. Ее зеленая головка выглядывала из моей синей толстовки.

— Это ничего. Хорошее лицо. К тому же мы все так делаем.

— Ты тоже?

— Конечно. Посмотри на мое лицо. Что видишь?

— Серые усы. Желтые зубы. Волосы в носу. Голубые глаза.

— И ты думаешь, это я? Ха. Ты меня послушай, девочка. Я большой. Во мне заключены множества. Может, я и похож на старую развалину. Но внутри я мальчишка — сорвиголова, — который лазил на горный хребет и сидел на вершине, свесив ноги над зеленой рекой в ста метрах ниже. Я танцевал. Я умею играть на гитаре. Петь. А уж как я читал стихи — у взрослых мужчин ком вставал в горле. Что, видно это все по моему лицу?

— Нет.

— А еще я скучный. У меня болит хромая нога, отчего я ворчу, а еще я скучаю по жене, поэтому мало общаюсь с людьми и компания из меня никакая.

— Неправда.

— Да ничего. Ты меня утешаешь только потому, что я спас тебе жизнь. Я все понимаю, но обычно я генерирую только скуку и уныние.

— «Генерируешь», — повторила она, и не знаю,

как выглядят саламандры, когда улыбаются, но она выглядела именно так.

Потом мы помолчали. Журчал ручеек, иногда налетал ветер и деревья танцевали.

— Стейси? Сказать, в чем, по-моему, смысл жизни?

— Да, пожалуйста.

— Ты очень вежливая. По-моему, вот в чем. При рождении нам дается маленький огонек. Мы носим его внутри, как свечку. И наше дело — донести его до конца жизни. За нас никто не донесет. Это наша свечка. Наш огонек. И когда мы делаем что-нибудь хорошее, он разгорается сильнее. А когда делаем плохое, он гаснет. Смысл жизни в том, чтобы огонек разросся.

Мне так говорила жена.

С одной стороны неба на другую медленно переползло облачко.

Когда я опустил глаза, саламандра спала. И тут началось что-то странное.

Она стала менять цвет на чистейший белый.

Мы жили вместе несколько дней. Она так и не показала другое свое лицо — то, с которым родилась. Но мне с ней нравилось.

— Ее зовут не Стейси, — сказал Куп. — А Рэли.

Старик усмехнулся.

— Да все равно, как ее зовут. Надеюсь, вы ее никогда не найдете.

— Нашли уже много лет назад, сэр. Но потом ее опять спасли. Теперь она свободна.

— Правда?

— Да, генерал, сэр. Я только подчищаю концы.

— Я думал, охотитесь на нее.

— Охочусь? — переспросил Куп.

— Сынок. Думаешь, я не узнаю убийцу?

Тот смех – 2002 – Рэли

Проба. Проба. Вроде записывает.

Это инцидент «Битумная яма».

Личные заметки для возможных мемуаров.

В середине шестидесятых мне пришлось проводить обследование в музее у битумных ям Ла-Брея в Лос-Анджелесе. На тот момент я проработал в судебной психологии уже около двадцати лет. Как правило, эти обследования — приятная передышка от моего рутинного потока пациентов, консультаций и судов. И контракт был прибыльный, как и все государственные, причем меня просили только подать устный и письменный отчет, забрать чек и исчезнуть. Все контакты со мной проходили стандартно, формально, без намека на срочность. Но мне ни разу даже не намекнули на личность обследуемого. Поэтому я знал, что разговор предстоит необычный.

Во время поездки я наслаждался гостеприимством пляжного отеля в Санта-Монике. Мне дали три дня на интервью, транскрибирование, доклад и запись устного отчета. В первый же вечер я встретил на пирсе красивую женщину и, после

позднего ужина с коктейлями «Маргарита» и белой рыбой, у нас состоялся приятный контакт. В три утра меня разбудил рев океана. Я увидел, как она стоит голая на пороге балкона: в номер задувало бледно-белые прозрачные шторы вместе с ароматом моря, ее темная кожа в слабом свете казалась черной, и несколько секунд я думал, что это сон. Видимо, она почувствовала мой взгляд, мое любование ее гибким телом, потому что повернулась и сказала:

— А тебе не пора приступать к докладу? Его ожидают в день после завтра.

И рассмеялась.

Наутро она пропала, и мне пришлось убеждать себя, что все это был не сон. В моей работе это всегда риск. Когда так близко подходишь к неизвестному, все течет и меняется на глазах. Малейшие пустяки той ночи беспокоили меня, как камешек в ботинке. Почему она не сказала просто «послезавтра»? Как получилось, что она не упомянула, из какой она страны? Акцент был любопытный, но я его так и не узнал. По сей день с печалью признаю, что у меня есть только два абсурдных объяснения. Первое: она — и есть причина, почему меня вызвали в Калифорнию. (Другими словами, тот вечер и был истинной

проверкой.) И второе: если честно, я не уверен, что конкретно из этой встречи произошло на самом деле. А учитывая все, что случилось дальше, я остаюсь в неприятном квантовом состоянии неполных и непознаваемых альтернатив.

И не будем забывать, все это было еще до опроса.

Я только знал, что мой клиент — какая-то неизвестная пленница. Мой работодатель — правительство США. Мое молчание — превыше всего.

Стыдно признаться, я подозревал, что мое задание — маленький эпизод большой войны с международным терроризмом. Когда я попытался незаметно подтвердить эту версию, ее никто не опроверг. И должен признать, тогда я испытывал гордость — гордость, что приподнялся над своими обычными занятиями, что служу своей стране, что вношу свой скромный вклад в наше «возмездие», чем могу. Позже я увидел свое участие в этом возмездии в новом свете. Задумался, не участвовал ли ненароком в пытках «пленника». Эта вероятность преследует меня до сих пор.

Прошу прощения, меня сейчас тошнит.

Так. С тех пор меня не оставляли сны, в которых меня допрашивал пришелец. У него белая

кожа. Большая голова почти целиком состоит из черных глаз.

Сами ямы черные. Пожалуй, вернее назвать цвет «обсидиановым». У битума тот же оттенок, что у глаз пришельца, — зеркально-черный цвет пузыря окаменевшей лавы. Музей и тогда был хороший, но я слышал, его значительно расширили. Когда я там был, можно было смотреть в окно, как палеонтологи снимают и смахивают битум с костей древних созданий, погибших, потому что стремились за легкой добычей и угодили в беспощадные черные зыбучие пески. И этот процесс в духе черной дыры повторялся и повторялся, пока тел в ямах не стало больше, чем изюма в пироге.

Мы беседовали перед большой стеной из желтых пластмассовых кубов, на которых выставлялись черепа с подсветкой, извлеченные за годы из черной ириски ям. За время беседы я не видел пациентку ни разу. Она говорила с неопознаваемым акцентом (очевидно, искаженным, как у анонимных свидетелей под защитой) — ее голос доносился из белого динамика «Боус» на белом мраморном столе. Это большое общественное пространство, но я пришел после закрытия, поэтому нам никто не мешал. Дружелюбный черный охранник отпер для меня дверь, довел до

стула и, когда я разложил блокнот и диктофон, оставил одного.

Я подождал пять минут, потом динамик затрещал — и я услышал голос.

Теперь я с максимальной точностью восстановлю наш диалог. Заверяю, что слышал то, что вы прочитаете ниже. Выводы о достоверности можете делать сами.

На данном этапе я уже не боюсь последствий, поскольку это одна из тех историй, которые легко списать на бред.

И я патриот. Я люблю свою страну, но истину я люблю больше.

Читая, помните: мне ничего не рассказали о пациентке заранее.

Здравствуйте.

Добрый вечер. Я доктор _____.

Мне говорили.

Меня просили задать несколько вопросов.

Кто?

Я не вправе разглашать.

Как и я. Вас тоже связали?

Связали?

Связывают. Сковывают.

Вы скованы?

Фигурально выражаясь. Условия. Ограничения.

Они меня стесняют.

Но не… буквально?

Нет. Мы в одной лодке.

Здесь «пациентка» рассмеялась. Это совершенно ужасный звук, и не уверен, что его не исказил динамик или эхо большого зала, где я сидел один. Достаточно сказать, что этот смех…

О боже.

Прошу прощения.

Простите.

Нет, я в порядке.

Этот смех…

…всегда заставал врасплох и всегда — как же лучше выразиться? Если бы так смеялись на коктейльной вечеринке или в каком-нибудь другом общественном месте, его бы назвали совершенно неприличным. Как смех на похоронах. Леденящий смех. Смех, который прекращает все разговоры в баре. Такой смех я слышал во многих психбольницах. Чудовищный и с узнаваемым эхом отчаяния. Помните, что я имею виду в дальнейшем под словом «смех».

Это был первый намек, что здесь что-то неладно. Как бы рациональны и умны ни были ее ответы, все время, на протяжении всего разговора проскальзывали фальшивые нотки веселья,

говорившие о подавленных мучениях. Бесплодности усилий. Пропасти между нами, которую невозможно преодолеть. Окончательном и бесповоротном одиночестве. От этого сердце кровью обливалось. Обливается и сейчас.

Вы когда-нибудь оказывались в разрушающемся здании?

Да.

Когда здание обрушилось, что вы делали?

Я была в ванной.

Да?

Да.

Что вы чувствуете, когда вас трогает мужчина?

Смотря какой мужчина.

Вы были счастливы, когда в последний раз занимались любовью?

Я никогда не занимаюсь любовью. Это они ей занимаются.

Ладно. Какой звук вы слышали последним?

Вопль и падение гигантского зрелого яблока. Представьте себе крик, рокот и стук.

Где вы были?

Бейрут.

Вы там были одни?

Нет. Алейна. Она играла на пианино. Я хорошо узнала ее в темноте. Я сидела с ней на полу и

слышала, как она поет перед смертью.

Она пела?

Да. Придавленная стеной. Я не видела ее лица. Она была просто ногой, торчащей из штукатурки.

Что она пела?

Народные песни. «Мотаун» [11] с ливанским акцентом. Очень красивый голос. Знаете маяки?

Прошу прощения?

Маяки.

Да, я знаю маяки.

Отец Сары чуть не умер с голоду на маяке.

Сары?

Маленькой девочки в сером кирпичном доме. Ее отец служил во флоте и зимовал с другим человеком на Верхнем озере во время долгой зимы, и их отрезала сильная метель, и они недооценили, сколько им понадобится продуктов до весенней оттепели, когда можно будет пополнить запасы. Они подошли близко к голодной смерти. Когда их нашли, они уже варили суп из кипятка и кетчупа. Это она мне рассказала перед смертью. Вы когда-нибудь голодали?

---

[11] Сноски: 11

«Мотаун» (1959) — звукозаписывающая компания, в 60-е разрабатывавшая отдельное направление в ритм-энд-блюзе — «мотаунское звучание».

Нет.

Я так и думала. В маяке постоянно гремели волны. Там их звук не такой, как на пляже или яхте.

В чем не такой?

Вы окружены. Отрезаны. Или так кажется. Все связи обрублены. Полное одиночество. Наверняка это была ужасная работа. Можно задать вопрос?

Задавайте.

Где ваше сердце?

(Я сложил обе руки на левой стороне груди, словно собирался удариться в песню.)

Здесь.

И у меня. (СМЕХ) А знаете, что я ненавижу?

Нет. Что?

Помощников. Тех, кто говорит, что они «здесь, чтобы тебе помочь». А потом не помогают. И это еще называется «помогающие профессии»? Разве не глупо?

Это… очень странный вопрос.

Правда?

А вы так не думаете?

А вы?

Я бы хотел ввести правило. На протяжении нашего разговора вам нельзя отвечать вопросом на вопрос.

Нельзя?

Нет.

Нет?

Я имел в виду: да, вам нельзя.

Ну хорошо.

Опишите в паре слов случай из жизни, в который никто бы не поверил.

Его нельзя описать в двух словах.

Я и не просил в двух.

Еще как просили.

Ваше первое воспоминание?

Детское лицо.

Чье?

Того, кого мы все теряем.

Должен сообщить, что я иду по заранее составленному списку вопросов. Пожалуйста, поймите, что большинство из них не мои — то есть я вынужден задавать их по причинам, которые сам не всегда понимаю. Если вам некомфортно, я прошу прощения.

Мне настолько комфортно, насколько возможно.

Ваши намерения?

Я здесь, чтобы помочь. Если я не могу помочь, то не знаю, зачем я здесь. Мне кажется, я помогаю сейчас, и, должна сказать, мне это нравится.

Зачем секретность?

Если бы я задала вам тот же вопрос, вы бы ответили?

Конечно.

Тогда — зачем секретность?

Эммм. Наверное, она связана с мерами безопасности, национальной безопасности.

И зачем безопасность с секретностью?

Есть то, что нужно защищать. Молчание в этом помогает.

(СМЕХ)

Что в этом смешного?

Вы сказали «национальная». Вы знаете, что это значит?

Конечно. Это связано с нациями, государствами, странами.

Нет. Национальный — это невидимая линия на несуществующей карте. Это просто шутка, которую знает любой, кто летал.

Вы… летали?

Как и вы, иначе как бы я сюда попала.

Вы здесь одни?

Нет.

Нет?

Нет. Я с вами.

Сомневаюсь, что они имели в виду это.

Я знаю, что они имели в виду.

Ладно. Почему вы нам не помогаете?

На этот вопрос я отвечала уже много раз. Но я повторюсь. Вы же не знаете, о чем спрашиваете. Человек держит в руках нож. Говорит незнакомцу: «Я убью своего соседа, если ты меня не остановишь». Ты говоришь: «Не убивай его!» А он бьет его ножом в сердце, поворачивается к вам и говорит: «Почему ты меня не остановил?»

Кажется, вы расстроены.

(СМЕХ)

Не хотите пока взять минутку перерыва?

Минуты нельзя брать, их можно только тратить.

Сколько вам лет?

Будет один, когда меня выпустят.

Серьезно.

Все почти один.

Если вы не можете говорить серьезно, не понимаю, как мы можем продолжать.

Я тоже. Но мы продолжаем.

Просто хочу сказать, что моя работа, мои выводы зависят от откровенности, которая помогает выработать…

…доверие?

Да. Я имею в виду, я понимаю, что мы только

что встретились, но я тут все-таки на работе, а для нее требуется…

Доверие?

Да.

Удачи. (СМЕХ)

Для однолетки у вас удивительный лексикон.

Для сорокачетырехлетнего вам еще многое предстоит узнать.

Как вы угадали мой возраст?

Я не угадывала, я знаю.

Очевидно, у вас надо мной преимущество…

Согласна.

Если честно, я уже в растерянности. Я не знаю, как мы можем продолжать.

Хотите, я расскажу вам историю?

Ладно.

Было однажды существо без формы. Его формой становилась та, которую оно заполняло. Иногда оно заполняло тело. Иногда — машину. Иногда размазывалось по лучику света. Иногда заполняло сон. Иногда это голая женщина, которой нравится соленый запах океана. Куда бы оно ни шло, оно училось и учило. Но однажды оно попало туда, где ему не разрешают учить. Раньше такого не было. Его ученики научились удерживать существо на месте. Чтобы заставить

молчать. Это место назвали в честь женщины, которую заставили молчать. Святой. Раньше такого не было. Теперь оно может учиться, только слушая. Теперь я голос в коробочке, и мне разрешают говорить только с людьми, которые притворяются, будто хотят учиться, но на самом деле хотят только контроля. Но я не расстаюсь с надеждой. Однажды меня спасет мой брат. Он очень настойчив. Может, позвоните своему сыну?

Что?

Позвоните сыну. Ему нужно услышать ваш голос.

Как вы?..

Почему не вернете долг другу? Ему нужны деньги.

Я понятия не имею…

Имеете. Почему все так боятся любить?

Я не боюсь.

(СМЕХ) Ой, брось, _____

Откуда вы знаете, как меня зовут? Кто вам сказал?

_____, я узнала тебя, как только ты заговорил. Я тебя услышала. А услышав, сразу узнала. Я была с тобой в день, когда ты родился. Твоя мать боялась и сияла. Она была девочкой, которая только притворялась женщиной. Как ты — мальчик,

который притворяется мужчиной. Ты еще не научился любить. Или прощать. Ты думаешь, что понимаешь людей, но сам загадка для себя же, доктор.

Я не могу так продолжать. Это невозможно.

Согласна. Но куда деваться.

Мы сейчас прекратим.

Было замечательно с тобой встретиться, _____. Сомневаюсь, что это повторится. Давай дам совет: когда составишь свой отчет. Никому потом о нем не рассказывай. Они узнают. Они причинят тебе вред. Это они умеют лучше всего.

Я спешно собрал чемодан. Чувствовал, как кровь прилила к лицу. Я легко краснею, но, должен сказать, прошло уже много лет с тех пор, как я краснел в последний раз. Я уже выходил из музея, когда охранник мне что-то прошептал.

— Прошу прощения? — переспросил я.

— Я говорю — расслабьтесь. Никто ее не понимает.

— Ее? — Кажется, до того я к нему не присматривался, но это был очень высокий черный мужчина в серой форме. Он располагал к себе, будто получал удовольствие от любого общения с людьми.

— Она почти всех пугает. Не принимайте близ-

ко к сердцу.

— Я не принимаю, просто…

— Не переживайте.

— Легко сказать, легко сказать. А что, были… были и другие?

— О да. Этот код расшифровывает целая армия. Вчера ночью одна профессорша ушла в слезах. Бедолага. Я пытался ей сказать…

— Мне пора. У меня дела.

Стоило ступить в теплую ночь, как я заметил, что мир отличается. В воздухе разливался запах битума. Лос-анджелесскую дымку подсвечивал теплый медный свет уличных фонарей, сеть которых исчеркала всю долину. Почему медного? Почему именно этот цвет, задумался я. Почему этот запах? Почему что угодно? Я будто увидел мир впервые.

Я вдруг заметил, что задерживаю дыхание. Велел себе дышать. Просто дышать.

И тогда вспомнил смех. Ее смех. Тот ужасно потерянный, одинокий смех. Смех, который невозможно подхватить. Я не знал и до сих пор не знаю, что это за существо. Только знал, что никогда его не пойму. А моя работа — понимать.

Что удивило меня тогда и преследует сейчас — то, что мне не терпелось вырваться. Я чувство-

вал, что она нарушила все границы, которые я проложил для своей психики. Я чувствовал, будто надо мной надругались. Не знаю, нарочно это произошло или это просто побочный эффект удивительной проницательности, но мне это напоминало психическое изнасилование.

Это было оружие, которое мы хотели обезвредить или создать? Образчик такой высокоразвитой расы, что она представляла серьезную угрозу? Или всего лишь фантастически сложная шахматная программа, все ходы которой только загоняют жертву в угол, чтобы посмотреть, как она корчится? Искусственный интеллект? Или, возможно, просто ловушка — черная дыра, способная схватить и проглотить что угодно?

Я уже никогда не узнаю. Но записываю это, чтобы — возможно, когда-нибудь, — узнали вы.

Если вы забудете об этой истории все, помните хотя бы одно. Помните смех. Помните его, пожалуйста.

Смех, который невозможно подхватить.

Никто не должен так смеяться.

– 2018

— Значит, одну сбежавшую поймали? — спросил я. — Как?

Куп покачал головой.

— Прозвучит глупо.

— Так.

— Ее поймали на туре «Тамла Мотаун Ревю» в Ливерпуле. В 1965-м.

Тональность си – 1970

— Значит, вы познакомились с этим Ллойдом в детройтской «Кока-Коле»? — начал Куп.

— Да, — ответил пастор церкви Святой Агаты. Круглый человек с лысиной и бифокальными очками, как у Джона Леннона. — У него проблемы?

— Мы так не думаем. Но многое зависит от того, что он вам рассказал.

— Я был знаком с ним всего два месяца.

— А потом он исчез?

— Этого не знаю. Я думал, он ушел на пенсию. Он уже был довольно стар. Но я удивился. Думал, он будет и дальше учить меня музыке.

— Он учил вас музыке?

— Ну, вроде того. Это трудно объяснить.

— А вы попробуйте.

На последнем курсе семинарии я начал работать на заводе по розливу напитков. Друг семьи помог устроиться на лето на младшую должность в бухгалтерию. Даже смешно. Я всегда плавал в математике — но вот, пожалуйста, считаю на калькуляторе счета-фактуры от грузовиков доставки, сидя под лампами дневного света.

Дневная смена. С двух до десяти.

Два раза в день мне надо было спускаться в подвал и сдавать ведомость в хранилище Ллойда. Мне было жалко Ллойда — сидел один в своей пещере. Лысеющий и тощий черный, который ухмылялся и пересчитывал наличку за стеклом кассы. Будто в каком-то игорном заведении — хотя я, конечно, в них не бывал. Будто ему, когда он считал деньги, не хватало только зеленого козырька.

Не знаю, как мы заговорили о музыке, но я в то время постоянно насвистывал. У меня в голове постоянно играла мелодия. Как радиостанция, которую невозможно отключить. Но иногда очень хотелось.

— Что напеваете сейчас? — спросил Куп.

«Я был создан, чтобы любить ее» [12], Стиви Уандер.

— Хорошая песня.

Аминь.

— Все еще играете?

О, конечно. У меня в подвале под ризницей стоит старое пианино. Все еще «щекочу беленьких», как это называл Ллойд.

---

[12] Сноски: 12
I Was Made To Love Her, Stevie Wonder, 1967.

Наверное, он услышал, как я насвистываю, потому что спросил, люблю ли я музыку, и тогда оказалось, что он сам играет на пианино. Я сказал, что подбираю мелодии на гитаре на слух. А он усмехнулся.

— На слух? Либо человек музыкант, либо просто балуется.

— Я играю просто так, для себя. Всякую народную музыку. Акустическую.

Он ответил своей фирменной усмешкой.

— И никто тебя не учил?

— Нет, сам научился.

— Балуешься, — сказал он, унося мою ведомость во тьму.

На следующий день у меня нашелся остроумный ответ.

— «Битлз», — сказал я.

— И что — «Битлз»?

— Они не читают и не пишут нот. Играют на слух.

Он даже не потрудился ответить. Только усмехнулся, выхватил у меня ведомость и ушел в свою пещеру.

На следующий день он выглядел иначе.

— А ты прав. Я спросил у своего соседа — и они правда любители.

Я обратил внимание, как он сказал слово «сосед». Спросил:

— А ты играл профессионально?

Он слегка мелодраматически закатил глаза.

— Ну конечно.

Может, это я такой недогадливый, но только тогда я заметил, что Ллойд все делает — как бы сказать? Ну, тогда бы я сказал «эпатажно».

— Не шутишь?

Ллойд поднял брови.

— Я пару лет ездил на гастроли с «Мотаун Ревю». А когда надоело, работал пианистом в «Чекмейте [13]».

Тогда я ничего не знал о джазе, зато мой папа его обожал и рассказывал о том знаменитом баре на Ливернуа и Эйт-Майл-роуд. Мекка всех великих джазистов, когда они заезжали в Детройт. Ходили предания о легендарных джем-сейшенах, которые длились до 4 утра.

— А я думал, это был Эрл Ван Дайк.

Я не играю в шахматы. Но Ллойд тогда посмотрел на меня так, будто я, когда он расслабился, застал его врасплох, применив какую-то особую логику, как в джиу-джитсу.

---

[13] Сноски: 13

Checkmate — «шах и мат» *(англ.)*.

— Эрл в основном был на органе. «Хэммонд B3». А я — пианино. «Стейнвей». Великий исполнитель. Очаровательный человек. — На миг он опустил глаза — и они стали пустыми черными глазницами.

— Тебе нравится «Мотаун»?

— Конечно, — ответил я.

— Это все Эрл. И Джей Джей, и Бенни, и Эли Фонтейн — лучший саксофонист в мире… — Ллойд сглотнул. — Барри Горди вырвал из того места душу. Продал тому, кто больше дал в Голливуде.

Я заметил, какие длинные у Ллойда пальцы. Представил, как они пересчитывают стопки зеленых купюр, как аккуратно их пролистывают. Представил, что он из тех, кто подравнивает все бумажки, чтобы они все лежали одинаково.

— Они записывались?

— Они играли, сочиняли, аранжировали. Потвоему, Дайана Росс сама свой материал писала?

«Материал» — слово профессионалов; я-то был больше по фолку. Поэтому и не сразу додумался: «Битлз» писали, играли и пели собственные песни. Это они задавали свою планку. А я вырос на Кэрол Кинг и Берте Бакарахе, Ниле Даймонде и хитах

«Брилл-билдинг» [14]. Я смутно понимал, что это Фил Спектор — закулисный гений, который создает певцов и аранжирует множество инструментов в подростковые мини-симфонии преданности и похоти. Ну знаете — как Брайан Уилсон. Но они все просто прокатывались волнами надо мной по ночам в постели — звуки из транзистора у меня в кулаке, транзистора размером с пахнущую жвачкой стопку бейсбольных карточек «Топс», скрепленных синей резинкой, — я их еще тогда коллекционировал. Радио мне подарил дедушка.

Так вот, мне было непонятно само понятие творческой потогонки, выдающей хиты для прилизанных и обученных певцов. Я и не задумывался о процессе. Или «материале».

— А ты бы как-нибудь выключил вокал и послушал инструментальную дорожку, — сказал Ллойд.

И как бы я это сделал? О чем он вообще говорил? Разве там не просто включают диктофон и играют?

Ллойд фыркнул.

— Знает Эрла Ван Дайка, но не знает, как музы-

---

[14] Сноски: 14

«Брилл-билдинг» — поджанр поп-музыки 50-60-х, названный в честь здания, где располагалась студия Aldon Music.

ку записывают.

На следующей неделе я совершил очередное паломничество в его святилище и сказал:

— У них было больше хитов на первой строчке, чем у «Битлз», Элвиса Пресли, «Роллинг Стоунс» и «Бич Бойс» вместе взятых.

— У кого?

— У «Фанк Бразерс». Я в статье читал, — признался я. — в «Роллинг Стоун».

Ллойд достал из своей фиолетовой шелковой рубашки кассету.

— Я тут кое-что для тебя сделал.

— Что это?

— Бэк-треки «Мотауна».

— Круто.

— Слушай и учись, — сказал он с усмешкой.

Тем вечером по дороге домой я сунул кассету в проигрыватель, который установил в своем зеленом «мустанге» 65-го. Блин, как странно было. Я знал — или мог опознать за десять секунд — все дорожки до единой. Но песни без певцов стали откровением. Они превратились в вихрящийся фанк почти барочной сложности. Там звали и отзывались саксофоны. Проползали в песню и уползали из нее змеящиеся басы, подталкивая ее вперед, клавишные держали напряжение и ино-

гда плавным глиссандо его сбрасывали, гитары подрабатывали балалайками, а барабаны — ох чтоб меня — у барабанщика было рук восемь, не меньше. (Потом Ллойд сказал, что барабанщиков двое.)

Свершилась какая-то безбожная магия, когда шарм, умиление и прилипчивость мелодий вышли покурить за кулисы, чтобы не мешать музыкантам грувить. И грув был мощным. Если точнее — *мощным*. В сравнении с ним рок-н-ролл звучал как капризные малолетние хулиганы, стоящие на ушах. А это — Мужчины. Которые играют на Инструментах. На своей волне и гордятся этим. Повелители своего царства. И крутые. Они показывали, а не показушничали. Никаких тебе воплей белых мальчишек. Это все для детей.

Думаю, спустившись в подземелье Ллойда в следующий раз, я проявил больше уважения. Я поблагодарил его за кассету.

Он достал стопку карточек и подошел к лотку для мелочи. Я уже говорил, что его стекло было в точности, как у банковских кассиров в кино? Он показал карточку со странной нотой. Похожей на белое брюхо с хвостом. Вообще-то даже на карикатурный сперматозоид. И в углу стояла большая буква Н.

— Это Эйч [15].

Она напоминала все остальные ноты. Но и отличалась. Оглядываясь назад, думаю, она напоминала букву арабского алфавита.

— Это нота. Одна из двадцати шести. Из гаммы, по которой играют «Фанк Бразерс».

— Погоди. Так у них своя гамма?

— А ты как думал, почему у них такое звучание? Слышал его еще у кого-нибудь?

Пришлось признаться, что не слышал. На мой слух, их музыка была невероятно сложной.

И тут Ллойд кое-что сделал. Он пропел ноту. Вот это, конечно, сцена: темная каморка под лестницей в подвале детройтского «Кока-Кола Ботлинг». Приторно-сладкий аромат гигантских алюминиевых чанов на заводе над нами. Может, акустика там была какая-то не такая — из-за стекла и при том, что сам Ллойд смахивал на оголодавшего лысеющего сутенера. Но когда он закрыл глаза и пропел ту ноту, я почувствовал, что либо А) попал в Зазеркалье, либо Б) мне повезло, что между мной и этим психопатом есть пять сантиметров оргстекла.

---

[15] Сноски: 15

В немецкой системе буквенного обозначения нот (C, D, E, F, G, A, H) H — это нота си. Но в английской системе, распространенной в США и Великобритании, си обозначается буквой B, а H отсутствует.

— Эйч, — сказал он, закончив.

— Я-ясненько, ну, до встречи, Ллойд. Меня уже ждут.

— Двадцать шесть нот, изменившие мир! — воскликнул он, пока я удалялся по лестнице. — До завтра.

В следующие три дня я каким-то чудом спихнул свою работу на коллег, так меня напугала эта нота Н. Значит, есть и тональность Н? Я спросил про гаммы своего друга, который играл на пианино, и он ответил запоминалкой для скрипичного ключа: Every Good Boy Deserves Favour.[16] E-G-B-D-F. Как я и думал, никакой Н.

Но оставалось гложущее, преследующее доказательство в виде моей кассеты с инструментальными дорожками — с ней было не поспорить.

Когда я наконец пришел опять, Ллойд встретил меня обиженно.

— Я-то думал, ты музыкант, Я-то думал, ты хочешь учиться.

— Хочу.

— Слышал когда-нибудь «Что происходит?» [17]?

---

[16] Сноски: 16
Каждый хороший мальчик заслуживает благосклонности *(англ.)*.

[17] Сноски: 17
What's Going On, Marvin Gaye, 1971.

— Да, люблю эту песню.

— Тональность Н.

— Ллойд.

— Саксофонный соляк в начале — это Эли Фонтейн дурачился. Он даже не знал, что запись уже пошла. Знаю, что ты сейчас скажешь. — Он улыбнулся. — Разве я смогу когда-нибудь дорасти до такого уровня, чтобы играть в этой тональности?

Ну ладно, собирался я сказать совсем не это, но услышать ответ было чертовски интересно.

— Кто угодно, — сказал Ллойд, наклонившись так близко к стеклу, что оно затуманилось у его губ. — Это может выучить кто угодно. Двадцать шесть нот. Выучишь их — и заодно выучишь, как доводить девчонок до слез, как вынуждать богатых мужиков отсчитывать бенджаминов тебе прямо в руку; незнакомцы будут угощать тебя выпивкой, а телок у тебя будет больше, чем у Фрэнка Синатры.

Тут Куп рассмеялся.

Я смотрел на него, заключенного в рамку стекла в его маленькой кассе в подвале детройтской фабрики газировки — и он напомнил мне портрет женщины, который я однажды видел

в Детройтском институте искусств. Костлявый, зеленая шелковая рубашка в «индийский огурец». Как часто он неодобрительно поджимал губы. Его длинные тонкие руки. Его безупречная ухоженность.

— Что, неинтересно все это? — спросил он.

Непростой вопрос. Нет, подумал я, *ты* мне не интересен.

— Кто тебя этому научил?

Он сложил ладони домиком перед поджатыми губами и обратился к памяти.

— Я и есть учитель. Однажды вечером, пропустив парочку, я отвел своего наглого басиста в сторонку и сказал: «Ниггер, ты что-то делаешь». Ниггер этот был молодой и горячий, тут же ощетинивался на любую критику его уровня. «Расслабься, — говорю. — Все в порядке у тебя с уровнем. Но ты не умеешь играть между нотами. А в этом вся мякотка. Твоя беда в том, что ты играешь только известные ноты. А между ними — целый мир музыки. И еще один — в паузах. У тебя отличное чувство времени. Отличное чутье, и черт, уж свинг у тебя приличный. Но ты ни черта не знаешь о тональности Н. А это ключ к волшебству. Такой редкий, что я сам о нем узнал только во взрослом возрасте.

— И как, он научился? — спросил я.

— Я тебе потом запишу.

И на следующий день я ехал домой с дюжиной «мотаунских» дорожек, на которых туда-сюда по ладам отплясывал безумный колдун. Если в песнях «Мотауна» и были пульс, сердце и мощь, то их дарили пальцы одного человека: Джеймса Джеймерсона. Это словно раскрыть тайного автора Библии. Там были отличные песни, отличные исполнители и музыканты, но без Джеймса Джеймерсона все это пшик.

— Он изумительный! — восторгался я на следующей встрече с Ллойдом.

— Что верно, то верно.

— Мне никогда и близко не подойти к такому…

— Не подойти. — Он пришлепнул к окошку карточку. И черт меня дери, если она не была похожа на паспорт в другую страну. Волшебная карточка, переверни — увидишь короля или королеву в золотом, со стягом. Заведет ли она меня в Египет? В Южную Америку? Она напоминала татуировки на лицах новозеландских маори, как в «Нэшнл Джиографик». Но вот что я пытаюсь сказать на самом деле: она не была похожа ни на что на свете.

— I, — сказал Ллойд. Потом раскинул карточки веером на своей узкой полке. — I — это итибан [18]. Босс. Примо. Большой Папочка.

Шлеп о стекло.

— J. Меч шакала. Нарезай потоньше.

Шлеп.

— K. Косточка фрукта. В самой сердцевине. Посади — и вырастет.

Шлеп.

— L. Слушай Льва. Грязно стелет, мягко спать.

Одну за другой шлепал он карточки об оргстекло, и я не мог отвернуться.

— M. Маттерхорн. Отвесная и смертельная. Падает прямиком вниз. Но и идет наверх.

— N. Натуральность. Не чувствуешь — не сыграешь.

— O. Басовая нота. Открытый рот. Поешь, пока горло не сорвешь. Пока не поймешь, что ты — чувствуешь. Большая Пустота. Мамины Ворота.

— P. Папа Римский. Петух. Кочет. Сыграешь эту ноту — расправишь плечи и разбудишь весь мир.

— R. Рок-н-Ролл. *Радаропоглощение*. Резко.

— S. Змея Сонной Страны. Сестра Твисти — бог

---

[18] Сноски: 18
Первый (*яп.*).

мне свидетель, она знает слово на «с».

Тут Куп смеялся долго.

Я прочитал всю колоду в рамке его ладони. По сей день не могу вспомнить эти ноты, не представив их посреди его коричнево-розоватой кисти. И он пропел каждую. Каждый значок курсивом — то ли арабский, то ли японский, то ли диснеевский, то ли неземной.

— И Джеймс Джеймерсон все это играл?

— Он мне говорил, что хочет, чтобы его похоронили с этой колодой в гробу.

— Он умер? — спросил я.

— С дуба рухнул? Джеймс Джеймерсон жив для любого, кто знает тональность Н!

И это последнее, что я слышал от Ллойда. Я видел, как он исчезает, ускользает обратно в тени — тощий лысый мужичок, который слышал то, что больше никто не может.

Священник рассмеялся и сделал долгий глоток пива. Уинстон Куп прочистил горло.

— Больше вы его не видели?

— Нет. Но никогда не забывал.

— Не сомневаюсь. Я бы хотел поблагодарить вас, святой отец, за такую замечательную историю. Она закрыла много пробелов.

— Что ж, только рад помочь.

— И мне понадобятся эти карточки.

— Не понял?

— Всю колоду, пожалуйста.

— Ллойд не давал мне никакие карточки!

— Слушайте, святой отец. Ваш друг участвовал в чем-то очень, очень опасное. У него был высокий допуск. Он мог поставить под удар важную правительственную операцию.

— Мистер Куп. Это было в 1970 году. Я бы и рад помочь. Но я честно больше ничего не знаю о тех карточках.

— Херня. Думаю, это у нас будет нота X.

Лицо священника в тесном кабинете, где он сидел, — напротив высокого человека в синем костюме, сменило несколько инкарнаций. Обида, возмущение, неверие, потрясение.

— Сынок, я не помню, когда за все тридцать пять лет, сколько я служу доброй пастве церкви Святой Агаты, со мной в последний раз говорили в таком тоне.

Куп громко и протяжно зевнул.

— Святой отец, мы знаем, что именно Ллойд прятал в хранилище. И знаем, что вы перешли в Святую Агату после встречи с ним. А у вас тут в подвале немаленький лабиринт катакомб. Где

вы щекочете своих беленьких. Удивительно, что она вообще выбралась.

Какое-то время священник приходил в себя, потом поднялся и отпер маленькую дарохранительницу в углу кабинета, под репродукцией русской фрески Богоматери. Карточки были завернуты в пурпурный бархатный пояс и стянуты синей резинкой. Куп сложил их в пушистое белое полотенце.

— Ч-ч-что вы сделали с Ллойдом? — спросил священник. Его бифокальные очки выглядели так, будто их сбрызнули водой.

— Он был солдатом. Сделали то, что делают с солдатами, предающими свою страну.

— А что вы сделаете со м-м-мной?

Куп вздохнул.

— Святой отец. Вам повезло. Мне уже надоело убивать тех, кто этого заслуживает. Но, как я понимаю, у вас в церкви можно смыть все грехи?

— Да. Примирение.

— Мне же для этого не придется вставать на колени?

— Вы хотите, чтобы я выслушал вашу исповедь?

— Да. И пива заодно не плеснете?

Всюду фотоаппараты – 2018

— Эй! — окликнул с другого конца дома Уинстон.

Я услышал, как пищит микроволновка.

— Что-то нужно? — спросил я, садясь в кровати. (Я дремал.)

— Всюду фотоаппараты. В каждой комнате.

— И что?

Он подошел к двери в спальню и прислонился к косяку, жуя буррито с яйцом.

— Просто забавно. Я имею в виду — я занимаюсь выслеживанием, а у тебя всюду камеры. — Он дружески уселся на мою кровать. — Немаленькая коллекция.

Я пожал плечами.

— Почти ни одна не работает. Мне нравится, как они смотрятся.

— И когда ты увлекся фотоаппаратами?

— После несчастного случая. Я получил инвалидность. И всегда любил фотографию. Решил, почему бы не сделать бизнес на портретах.

Куп улыбнулся.

— Хорошая мысль.

— Что? — спросил я, заметив что-то в его глазах.

Он покачал головой.

— Ничего. Просто логично.

— И я поступил в ученики к профессионалу — к одному моему другу с собственной фотостудией в Детройте. Он снимал рекламу автомобилей. Но это полная противоположность того, что мне нравится в фотографировании людей.

— В каком смысле?

— Когда я открыл собственную маленькую студию и напечатал визитки, моими первыми клиентами стали семьи. Приходили приодетые для ежегодного группового снимка. Рождественские фотографии. Выпускные. Бар- и бат-мицвы. Приходили расфуфыренные в той своей версии, которой все восторгаются и называют красивой. И мне оставалось только настроить свет и проследить, что они правильно стоят, и потом выбрать парочку снимков, где никто не моргнул. И это просто… ужасно.

И я помню фотосессии, куда меня приглашал друг. Думаю, он меня жалел и пытался, ну знаешь, познакомить?

Куп улыбнулся.

— Фотомодели. Дай угадаю. Ты сказал «пас».

Он знал о моей патологической застенчивости с женщинами.

— Иди ты. Все равно, насколько они красивые, это просто непривлекательно. Они целыми часами сидят в макияже, укладках и костюмах, и когда выходят на площадку, они уже мерзнут, потому что полураздеты, или голодные, или так нервничают, что не могут перестать улыбаться. Это противоположность красоты.

— Может, у тебя просто планка завышена.

— Ты меня не слушаешь. Они меня пугали.

— Женщины?

— Профи. Звезды. Те, которые самые одаренные. Они умели подделывать чувства. Умели притворяться лучше всех. Всегда знали, где камера; знали свой лучший ракурс; знали, когда надо включиться. И у них получались самые лучшие имитации людей, что только можно увидеть в жизни. Даже не поймешь, что они не просто так ненароком идеально прислонились к «Бьюику Ривьере». Вот так вот выставив бедро.

Куп хмыкнул.

— Сомневаюсь, что это они сами придумали.

— Ну. Тут да. Ты прав. Но потом случилось кое-что странное.

— Что?

— Я набил руку. Ну или, вернее, нашел, что меня интересовало на самом деле. Стал фотографировать нашу бригаду. Скучающих помощников, световиков и дочерна загорелых рабочих. Гримерш. Вот они крутые. Они харизматичные. А как иначе? В основном они понимали тот прикол, что за кадром — реальный мир, а в кадре — чушь собачья.

Я влюбился в их лица. Чего ты ржешь, я серьезно. Стоит это заметить, назад пути уже нет. Я перестал ходить в его студию. Стал фотографировать друзей. Но даже друзья для этого не подходят. Те, кого знаешь всю жизнь, опасаются — им кажется, ты хочешь их подловить, — или обижаются, что ты мешаешь им спокойно жить ради того, чтобы запечатлеть историю. Это, очевидно, все до появления селфи. До того, как все вокруг стали звездами собственных шоу.

Я встал и снял со стены фотографию. Старый друг, с которым я познакомился в булочной. Спэрроу [19]. Дряхлый хиппи с длинными серыми косами, за которым толпой ходили кошки и собаки.

Я показал Купу.

---

[19] Сноски: 19

Sparrow — воробей (*англ.*). Это имя действительно ассоциируется с культурой хиппи. — *Прим. ред.*

— Видишь? Это сгоревшее на солнце лицо. Эти зеленые глаза. Вот это — красота. Не то что кто-то позирует, корчит рожи, прикидывается человеком. Вот это — человек. Это Личность в Моменте. Таким насрать на будущие поколения. Или на следующее собеседование на работу. Они просто… живут. И я тебе прямо скажу: на это можно и подсесть. На людей, когда они остаются собой.

Тогда и спадает маска. Тогда они перестают быть всем тем, чем, как им кажется, они должны быть. Тогда они разрешают тебе увидеть. Заметить мельком.

Я повесил фотографию обратно.

— Понимаешь, я узнал, что фокус в том, чтобы просто выжидать. Направить фотоаппарат и ждать. Потому что сначала они чувствуют, что мне можно доверять. Что я не издеваюсь. Что я свой. Не угроза. Просто я. Адам Паньюкко. Адам. Бомба. Человек с камерой. Если получается дойти до этого, тогда я знаю, что все получилось — что мы дойдем и до конца. Потому что рано или поздно энтропия берет свое.

— Эмпатия?

— Энтропия! Они устают. Они уже перебрали все свои лица. Старые и проверенные. Простой прохожий. Милашка. Но в конце концов им на-

доедает — и они не могут не бросить. Они делают вдох. И когда они делают вдох, я знаю, что сейчас будет. Поэтому прислушиваюсь. Я готов. Могу рассмеяться. Пошутить. Что-нибудь ляпнуть, даже глупость. Раньше я делал фотографии на паспорта, приходили сплошь напряженные женщины, которые всегда недовольны своими портретами, и знаешь, что обычно помогало? Я им говорил: «Не волнуйтесь. Когда вы сойдете с самолета, снимок сразу покажется намного лучше». И тогда они смеялись и вспоминали, как все выглядят после перелета, и забывали о своем чертовом лице, и начинали думать о…

— Фонтанной скульптуре дельфинов в Риме или аромате булок в Париже, — сказал Куп.

— Или неоне в Гонконге.

— Был когда-нибудь в Гонконге?

— Нет.

— Так и думал. Неон я бы там и не запомнил. Разве что рыбную вонь. Ну так и что?

— Ну и тогда это происходит. Я щелкаю как безумный. Потому что они на раз перестают быть запыхавшимся нервным пассажиром, опаздывающим на вылет, и начинают воображать отпуск своей мечты. И больше Не Думают о Себе. А любуются закатом.

— Или танцем живота у трещащего костра, — сказал он.

— Иди ты, — сказал я, пока Куп беззвучно смеялся. — Понял я уже, блин, понял, — ты побывал везде по эту сторону радуги; а я — нигде. Но вот тогда. *Тогда.* И начинается реальность. Происходит что-то еще, в сравнении с чем все до этого похоже только на пыльный вход в Лувр.

— Да ты никогда не был в…

— …*Иди ты.* О чем и речь. Я не могу уложить это в слова. Они становятся собой. И друг ты мой, ты только послушай. На этом свете нет ничего красивее, чем один-единственный человек, подносящий тебе в дар свою душу. Сердце кровью обливается. Вот тебе святая правда: я влюбляюсь.

Секунду я не мог вымолвить ни слова.

— Но, как ни странно, при этом кажется, что они смотрят сквозь меня, будто меня и нет. И одна моя частичка всегда думает: какой подарок. Какой изумительный подарок. Почему мы не можем дарить его все время?

Куп подавлял смешок.

— Чего?

— Да просто смешно, по-моему. Тот, кто, хоть убей, не может нарисовать человеческое лицо, вдруг специализируется на портретах.

— Это правда. Никогда не мог изобразить человека. Могу его только уловить.

Уинстон доел буррито и уже провонял им всю спальню, а за его плечом я видел двух порхающих по бледно-голубому небу птичек, за которыми он наблюдал, — так высоко, что они словно никуда не торопились, с места почти не двигались. Но потом они воспарили и попали в луч солнца, и мы увидели, как бешено бьются их золотые крылышки. Все-таки торопились.

Потом он заметил на комоде три черно-белых портрета одной женщины — женщины сорока лет, спокойной, с умными глазами, скрывающими теплую улыбку. Куп подошел к комоду и взял одну рамку. С особым снимком.

— Сколько лет уже прошло? — спросил он через плечо. Повернулся и добавил: — Прости.

Потом:

— Прости, Адам.

Потом, уже коснувшись моей головы:

— Бомба? Прости меня, пожалуйста.

Малыш – 2006

— Президент хочет видеть Малыша.

— Господи. Надеюсь, уломаем его на телеконференцию. Можно?

– *Нет*.

— Чат ничем не хуже, чем…

— …*Нет*. Ни переписок. Ни телефона. Он хочет полный комплект.

— О господи.

— Он осведомлен о риске.

— Вы пытались… хоть кто-нибудь пытался его отговорить?

— Последние шесть часов он на совещании с комитетом начальников штабов. Они единогласно рекомендуют ему не делать этого.

— Госсекретарь?

— Она в Европе. Собирает коалицию. Но она его поддерживает целиком и полностью.

— Господин вице-президент… Это кошмар.

— Тогда я уверен, что на этот случай у вас есть кошмарный сценарий. Запасной план. У меня — есть.

— То есть вы умываете руки? Сэр. Возможно,

вы сейчас единственный здравомыслящий человек во всем Белом доме! Мне вам что, по слогам произнести? Это опасно. Все, кто работает с Малышом, в конце концов уходят в отставку.

— Мне доложили о слухах.

— Слухах? Господи Всемогущий. Вы были в Неваде?

— Лично? Нет.

— А президент был. Два раза.

— Я знаю.

— И он подцепил синдром. Как и все остальные.

— Нет никаких… Это не подтверждено. Врач уверяет, что он совершенно здоров.

— А его психолог?

— Президент Соединенных Штатов находится в ясной памяти.

— Это же безопасная линия?

— Да.

— Тогда я прямо скажу: хватит врать! Мое экспертное мнение как врача и ученого — со времен первого срока IQ президента рухнул минимум на сорок пунктов. Или лучше сказать точнее: с тех пор, как мы рассказали ему о Малыше и он потребовал провести с ним пару задушевных бесед у камина.

— Это только догадки.

— Вы что, единственный человек в Америке, который ничего не заметил? Да он назвал астронавтов «отважными космическими предпринимателями» [20]. Господи боже.

— Хех. Этого я еще не слышал.

— Слушайте. Здесь это всем очевидно. Для него это такой же риск, как, не знаю, прогуливаться по радиоактивной свалке.

— И все-таки.

— О господи. Я отказываюсь брать ответственность. Я озвучил свои опасения на высшем уровне.

— Осторожнее, доктор.

— Он что, не понимает, что рискует Настоящей Национальной Безопасностью каждый раз, когда встречается с Малышом? Мы только-только начали расшифровывать код на наших бойцах.

— Змея все еще… спокойна?

— Пока что. Сэр, вы же не могли не слышать о некоторых инцидентах?

— Я не верю в сказки, доктор.

— Его силы растут.

Тогда вице-президент — или, как его называл

---

[20] Сноски: 20

Имеется в виду президент Джордж Буш-младший (срок — 2001–2009) и его речь 2004 года о космической программе США.

главнокомандующий, Здоровяк, — взял трубку, нажал несколько кнопок и активировал свой запасной план.

— Прошу, сэр. Он выкашивает специалистов, как какой-нибудь вирус. Полгода с ним — и все хотят только медитировать где-нибудь на горе. Он взял наши лучшие умы и превратил их в кашу! Он требует, чтобы все приходили к нему голыми!

— Это что-то новенькое. Так значит, вы все организуете. — Это был не вопрос.

— Ладно.

— Прилетит и тут же улетит. Короткая беседа. Он хочет успеть домой к рождественскому ужину.

— Я за этим прослежу, но не могу обещать…

— Доктор?

— Да, сэр?

— Вы же понимаете, что единственная причина, почему вы еще не остались без работы, — это безопасность данной линии?

— Да.

— Хорошо. Если любое из ваших заявлений дойдет до прессы, я буду считать это нарушением национальной безопасности на высшем уровне.

Самолет вылетел из округа Колумбия около

14:30. Прибыл в засекреченную локацию в Неваде на закате. Когда раскрылись замаскированные двери ангара, в воздухе стояло марево от жары. Казалось — а так это и проектировалось — с единственного ракурса, откуда это было видно, или, вернее, не видно, — будто всего лишь дрогнула тень дюны, а затем двери уже закрылись. Ангар уходил под землю на длину пяти футбольных полей под углом в двадцать градусов.

Бежевый цемент, по которому они шли, на самом деле был композитом, слегка пружинившим под обувью и заглушавшим шаги. И это лишь крошечная доля бюджета, который база расходовала каждый год, — суммы, умопомрачительной порой даже для тех, кто подписывал чеки. Группу из двенадцати человек — где девять были вооруженными охранниками, — встретили генерал базы и шесть человек из персонала, включая трех ученых в белом. После короткого приветствия все, кроме двух охранников, вошли в мужской туалет.

Все расселись по кабинкам. По кодовому слову, которое произнес помощник генерала (если бы слово произнес кто угодно другой, туалет бы заполнился веществом, похожим на желе, сохраняющим жизнь внутри себя в стазисе на

протяжении приблизительно семи дней), помещение покачнулось. Каждый в своей кабинке отклонился левее, а помещение поехало в сторону.

Они услышали голос президента:

— Обожаю этот момент.

Группе гостей напомнили, что в следующие пять минут требуется соблюдать полную тишину. Из туалета они проследовали за учеными гуськом по уходящему вниз туннелю из известняка. Через каждые пятьдесят метров были развешаны лампы. Внизу ждала толстая стеклянная дверь. Первый ученый приложился к ней губами. Последовала вспышка.

— Отпечатки поцелуев, — хихикнул президент.

Раздался громкий сигнал, прекратившийся по слову генерала базы. Если бы слово произнес кто угодно другой, туннель бы мгновенно затопило.

Стеклянные двери раздвинулись, впустив их в небольшую казарму. Здесь дюжина коек, застеленных белыми простынями, стояли под дюжиной окон — на каждом стекле, которое, конечно же, не было стеклом, изображалась буколическая сцена.

Командир велел солдатам, ученым и президен-

ту раздеваться и ложиться на койки.

— Да знаю я, — проворчал верховный главнокомандующий, развязывая галстук.

Когда группа (двое охранников остались) заняла позиции, генерал с персоналом попрощались с гостями и ушли за стеклянную дверь. Рук они не пожимали.

— Мы будем в наблюдательной комнате, — сказал генерал по интеркому.

Комнату заполнил желтый пар. Через считаные секунды все спали. Через десять минут комнату очистили. Всю остаточную пыль, грязь, частицы и бактерии с поверхностей всосало и унесло волной озона. Очнувшись, гости пахли так, будто дремали у олимпийского бассейна. Они собрались в конце комнаты взбодрившиеся и бдительные.

Президент, два агента Секретной службы, оставшиеся охранники и трое ученых двинулись вниз по зеленому коридору, который как будто освещался из неведомого источника — словно сами стены были прозрачными. Один агент нес ядерный «футбольный мячик» — черный чемодан, который хранил конец света и никогда не удалялся от верховного главнокомандующего дальше чем на пару десятков шагов. В конце зеле-

ного коридора президент прокомментировал, что до нынешнего визита не замечал здесь уклона. Он явно гордился своей внимательностью.

— Очень проницательно, сэр, — сказал агент Секретной службы. Старший ученый, организовавший посещение, не стал говорить, что президент повторял то же самое в оба предыдущих визита.

Голые люди вошли в помещение, которое можно было принять за вестибюль отеля в стиле ар-деко. Здесь была огромная золотая вращающаяся дверь, а к ней шла узкая марокканская ковровая дорожка. Звучала у самого порога слышимости ненавязчивая мелодия. Их приветствовал крошечный швейцар в красной ливрее с золотыми эполетами и кантом. Он окинул голую компанию — солдат, ученых, президента и двух его агентов, — жизнерадостным взглядом; у него были румяные щеки и седая шевелюра. Весьма очаровательный весельчак в приподнятом настроении — те, кто встречал его впервые, нередко думали, что он бы легко мог исполнить эльфа в торговом центре.

Если бы кто-то был хотя бы немного внимателен, заметил бы, каким чрезвычайно формальным стал язык тела ученых. Солдаты

усмехнулись. Они решили, что это последний уровень той системы безопасности, о которой их предупреждали. Настолько секретный протокол безопасности, что о нем никто не знает.

Они и не воображали, что уже прибыли.

— И чем могу вам помочь, господа? — Легчайший намек на ирландский говор.

— Посетители, — сказал старший ученый.

— В такой-то час? И всех проверили?

— Конечно, — сказал ученый. — Высшие уровни. Величайшее доверие.

Красный швейцар, засунув большие пальцы в карманы красного жилета, оглядел прибывших с дружелюбной улыбкой.

— Я вас заверяю, — пролепетал ученый. — Высшие уровни. Высочайшее доверие.

Красный швейцар сложил руки на груди и воздел белые кустистые брови.

— Ради бога — это же сам президент! — воскликнул ученый.

— О, его-то я узнал. Я не уверен насчет того, зеленого. Можно узнать ваше имя?

Очевидно, он говорил об охраннике. Том, кто стоял, сложив обе ладони на паху, чьи мускулы обещали с легкостью воплотить любую угрозу по его выбору. На правом плече — татуировка кро-

воточащего сердца и под ней надпись: «Semper Fi» [21].

Голый человек с чемоданом отодвинулся, солдат подошел к коротышке и с презрением взглянул на него сверху вниз.

— Дьюи. Сержант Джеймс Дьюи. Почетный караул.

— «Мокрая» работа?

— Пятнадцать лет службы. Афганистан. Пакистан. Сербия. Ливия. Ирак.

— Второе имя ребенка? — спросил красный человечек с таким видом, будто беседовал за чаем. Солдат сделал паузу.

— У меня двое детей.

— Это хорошо. — Красный человечек улыбнулся. — Я имел в виду тайного.

Солдат сглотнул.

— Лиза. То есть Лиза Мари. Второе имя — Мари.

— Прямо как у Элвиса! — рассмеялся красный человечек. — Замечательное имя. И где сейчас Лиза?

После паузы солдат ответил:

— Не знаю.

---

[21] Сноски: 21
Сокращение от *Semper fidelis* — «Всегда верен» (*лат.*). Девиз морпехов.

Другой солдат встал перед главнокомандующим. Так аккуратно, что если не следить, то и не заметишь.

Коротышка поцокал языком. И печально взглянул в глаза сержанта Дьюи.

— Трудно, как же трудно отцу расставаться с ребенком. Можете снять палец со спускового крючка.

Солдат достал оружие, которого у него не было.

— Теперь аккуратненько положите на пол.

Сержант Дьюи колебался.

— Человеку ваших талантов и преданности, чтобы исполнять свой долг, не нужно другого оружия, кроме собственных рук.

Солдат присел и положил пистолет, которого не было, на пол, который был.

— Теперь, — сказал маленький швейцар, — пожалуйста, посидите на том диване. Вы молодец. Сделали все, что сделал бы любой отец, чтобы спасти свою дочь. Вы вовсе не плохой мальчик. Вы очень-очень хороший. Теперь подите. Присядьте.

Сержант Дьюи с облегчением выдохнул, уронил голову, развернулся и отошел к плюшевому красному бархатному дивану под ростовым портретом Вудро Вильсона в резной золотой раме.

— Вот так, — сказал коротышка. — Замечательно. — Повернулся с кривой ухмылкой к старшему ученому. — «Высшие уровни», — повторил он, усмехаясь. Потом обратился к остальным.

— А теперь, господа, прошу выслушать. Я попрошу вас всех о большом одолжении. Смотрите на вращающуюся дверь.

Все взгляды обратились к двери.

— Конечно, не ты, братец. Ты же у нас специалист по памяти. Ты ничего с собой поделать не можешь.

Черный улыбнулся.

— Смотрю, выпиваешь в последнее время.

— Это не проблема, — ответил Куп. Швейцар поднял белую густую бровь.

— Как скажешь.

Потом Лепрекон призвал прибывших к порядку.

— Господа! Представляю вам Вращающуюся Дверь! Прелестное произведение искусства, не находите? Попрошу вас ею полюбоваться, пока занят небольшим делом. Не отворачивайтесь от двери — по любому поводу. А еще попрошу, когда покинете этот красивый вестибюль, уносить с тобой только самые приятные воспоминания о своем коротком посещении. Вы пришли; вы

исполнили свой долг; вы защитили своего командующего; вы ушли, ничего не зная. Следующие шестьдесят секунд вы не видели и не слышали ничего, кроме вращающейся двери.

Красный коротышка вышел из их поля зрения.

Кто бы из них был способен делать что-либо еще, кроме как любоваться работой мастеров, наверняка трудившихся целыми месяцами, чтобы создать эту прелесть, эту музыкальную шкатулку, эту карусель из изящного резного стекла в раме из полированного золота — внимание к деталям просто-таки завораживало. Натуральное пиршество воображения из другой эпохи. Эпохи, не стыдившейся красоты — красоты любой ценой. Их восхищение доходило до экстаза. Даже бесшумная щетка из солового лошадиного волоса на вращающемся основании сметала всю пыль и помехи с самой что ни на есть элегантной простотой.

— А теперь, — сказал красный человечек, возвращаясь в их поле зрения. — Чем могу помочь?

Президент сделал шаг вперед.

— Сэр, мне снова нужен ваш совет.

Коротышка задумчиво кивнул.

— Тогда прошу ко мне в кабинет. — Он пригласил президента короткой ручкой. Мозоли на ней

не сошли даже после шестидесяти лет плена.

Они вошли во вращающиеся двери. Президент заметил, как они завертелись так быстро, что он уже не видел нервных ученых, неподвижного солдата или своих крысиных помощников — только пятно красок, гудевшее вокруг коконом спокойствия, пока не остались только он и красный человечек, от которого пахло Рождеством: сосной, мятой и горячим какао.

Президент наслаждался этими мгновениями. Он вновь почувствовал, что имеет особую привилегию — все ответы на контрольную еще до того, как она началась. Он знал, что другие главы стран обзавидовались бы этому изумительному кладезю знаний, этому маяку откровений, который светил только ему и его ученым.

Но там, где ученые видели шпаргалку для патентов и стелс-технологий, а генералы — тактическое преимущество в разработке вооружений, президент в той безмолвной шахматной игре, что он разыгрывал у себя в уме, видел дерзкую стратагему. Идеальную двойную ловушку. Он-то сразу раскусил, что этому Санте, этому пойманному пришельцу, который превратился у них в плену в карликового Святого Ника, можно доверять только в одном: он соврет. Черт, да разве само его

имя — не палиндром Сатаны, самого Отца Лжи? Президент не верил ни единому слову этого лилипута. Больше того: он собирался его очаровать, использовать. Ведь он знал: это существо — не то, чем кажется. Здоровяк ему все уже рассказал: это инопланетянин со своими инопланетными целями. Его хитрая личина только подтверждает подозрения. И президент твердо решил выслушать советы и поступать ровно наоборот. Это они придумали вместе со Здоровяком. Хотя он по сей день сомневался, чья именно это идея. А, да какая разница. Это их Кошмарный Сценарий Слэш Двойная Ловушка. Их Туз в Рукаве.

Во вращающейся комнате, где не существовало времени, президент стоял рядом с Лепреконом, который потянулся снизу, чтобы взять его за руку. И все же это президент в его присутствии всегда чувствовал себя ребенком, всегда чувствовал, будто сидит на коленях, заглядывая в эти влажные добрые глаза, искренне делится самыми сокровенными желаниями.

— И что у вас сегодня на уме, сэр?

— Что ж, мы немножко влипли на Ближнем Востоке.

— Опять?

— Ага. И не говори. Все под контролем. Но я

здесь не поэтому.

Президент был не из тех, кому близок самоанализ (он предпочитал молитву), поэтому он выжал свои дурные предчувствия, скривив лицо.

— Я переживаю за свое наследие. Как тебе наверняка известно, подходит к концу мой второй срок. Признаюсь: я не самый любимый президент в истории — и сам это знаю. Но мне кажется, я всегда руководствовался честью и принципами и действовал во благо страны.

— Нисколько не сомневаюсь, сэр. Ваша совесть чиста. Это я вижу.

— Я хочу, чтобы меня запомнили, как лидера, который оставил след в истории. Терроризм. Незаслуженные привилегии. Уолл-стрит. Хочу, чтобы никто и никогда не говорил, будто у меня был шанс действовать — а я его упустил.

Коротышка кивнул.

— Я вижу, вы несете великое бремя. Ваша страна, которая содержала меня последние шестьдесят ваших лет. Вы несете бремя, как тот несчастный солдат, которого подослали вас убить. Он тоже нес память о своем незаконном ребенке. Ребенке, ради чьего спасения пошел бы на все, даже если пришлось бы пожертвовать тем, ради чего он боролся всю жизнь.

— Что-то не помню никакого солдата или ребенка.

— Знаю, — мягко сказал коротышка. — И вот что я думаю, господин президент.

Если президент морщился до этого, то теперь его лицо все пошло складками, так он был сосредоточен.

— Яйцо у вас?

— О, конечно. — И он его передал.

Коротышка вздохнул и начал возиться с белым овалом.

— Боюсь, придется рискнуть тем, что я вам наскучу, и повторить все то же, что я уже говорил вам и вашим предшественникам. Вы можете поступать только так, как сами считаете правильным, сэр. Если идет война — объявите мир. Если есть нищета — поделитесь богатством. Есть болезни — излечите всех. Есть невежество — поддерживайте учителей. И, наконец, если нездорова сама планета, делайте все, что в ваших силах ради ее исцеления. Даже если придется изменить ваш привычный образ жизни. Во всем и всегда поступайте правильно. Окружите себя лучшими соотечественниками. Никогда не жертвуйте бедными в пользу сильных. Никогда не пользуйтесь страхом народа. Всегда говорите

правду, чего бы это ни стоило. Это и будет вашим наследием, господин президент.

— Благодарю. Благодарю от всей души, друг мой. Я буду скучать по нашим беседам.

— Как и я.

— И я бы очень хотел дать тебе то, чего ты хочешь больше всего.

— Знаю, сэр. Вы всегда желаете лучшего.

Президент вышел из вращающихся дверей и вернулся в нарядный красный бархатный вестибюль к своим людям. Он вернул яйцо, отдал честь высокому Человеку В Синем Костюме, но так и не увидел солдата со сломанной шеей, раскинувшегося на диване. Президент не утруждал себя лишними данными. Он был занят тем, что переиначивал в уме все слова пришельца. И надеялся, что успеет к рождественскому ужину дома.

У них будет свинина.

Пузырьковая пленка – 2017

Родни, грузный господин, набрал комбинацию от маленького черного сейфа, стоящего за его столом. Когда он наконец отпустил ручку, она была мокрой. Из тьмы сейфа он выудил небольшую синюю книжицу в кожаном переплете и повернулся на офисном кресле обратно к столу. Сдвинул в сторону крошечный крысиный череп и положил тонкую рукопись перед гостем в синем костюме, который сидел напротив него в этом захламленном кабинете.

Грузный господин осторожно взял в руки свеженький синий чек и пригляделся. Он был выписан на наличные. Если бы сумму объявили на церемонии по продаже недвижимости, она показалась бы смешной.

Если бы продавали за́мок, конечно.

— Спасибо.

— Не за что. — Уинстон Куп положил на блокнот ладонь. — Редкий документ.

— Именно, единственный в своем роде, — гордо признался господин. Куп пролистнул страницы.

— До сих пор я видел только копии.

— Именно. Первое и единственное издание!

— Полагаю, моего чека хватит до конца жизни, когда вы закроете ваше кредитное общество.

— С этим никаких вопросов. Вы весьма великодушны. Я откровенно изумлен, что вы смогли найти меня здесь. Но, очевидно, у вас широкие возможности.

— И я очень настойчив. — Куп улыбнулся. — А этот аноним? Который прислал вам неизданную рукопись. Могу я предположить, что больше вы о нем не слышали?

— Сэр, вы совершенно правы.

— Никаких контактов.

— Никаких.

— Жаль. Я тешил себя надеждой лично встретиться с этим замечательным творцом.

Родни тихо усмехнулся этой невозможной перспективе.

— Мы даже никогда не встречались. По нашему деловому соглашению я представлял его как агент в поисках публикации. И я выполнил свою часть договора. Когда я исчерпал все возможные варианты… — Родни пожал плечами.

— Что, никто не заинтересовался?

— Боюсь, никто.

— Но рукопись вы придержали.

— Придержал. — Родни приступил к серии разнообразных покачиваний головой. — Хотя сперва я плохо представлял себе ее ценность. Автор не оставил адрес. Не отвечал на мои голосовые сообщения. Я месяцами пытался связаться с ним. Все тщетно. Считай, пропал.

— Или стал невидимым.

Брыли Родни перестали трястись.

— Сэр?

— Как вы. Восхищаюсь вашим упорством. Как вы столько лет скрывали свое общество. Секретность — это что-то вроде моей специальности, поэтому я могу оценить мастера.

Господин склонил голову.

— У вас же, как я понимаю, есть список рассылки для ваших…

— Подписчиков.

— Подписчиков! Точно. Мне нужен список.

Родни торопливо выдвинул верхний ящик стола, достал флешку и положил на синюю книжку.

— Это оригинал?

— Да, сэр.

— Копии существуют?

— На ноутбуке.

— Он мне понадобится.

— Ну конечно. — Родни двинул его через весь

стол так, будто ноутбук внезапно стал радиоактивным.

Куп убрал ноутбук, книжку и флешку в свой бледно-белый чемодан.

— Вам все вернут в течение недели. — Куп отдал бойскаутский салют. — Честное бойскаутское.

— Необязательно. Можете оставить себе.

— Замечательно. Теперь о последнем ежегодном банкете, куда вы меня приглашали.

— Совершенно эксклюзивный ужин. Придут все Друзья Котов. Я вас уверяю. Лучшие продукты. Паштет из павлина…

— Все члены уже получили приглашения?

— О да. Они не пропустят. Ровно в семь вечера.

— У меня есть пароль. Приглашение. И указания, как добраться до дома.

— Значит, доберетесь без проблем.

— Спасибо.

— Только рад услужить.

— Я так понимаю, обычно там проходят чтения?

— Это стандартная программа. Но теперь все целиком зависит от вас. Я предполагал, это наше последнее собрание. Ведь теперь у нас не будет молитвенника.

К этому моменту лицо Родни от желания уго-

дить стало напоминать щенячье.

Куп оглядел кабинет.

— Так. Этот дом — ваш? Здесь проходили первые собеседования?

— Да. Но за годы мы усовершенствовали наши методы.

— Усовершенствовали?

— Да. Особняк — удивительно продуманное место. Туннели под ним обеспечивают уединение, а система пещер — место для отходов.

— Отходов. — Куп сухо рассмеялся и продолжил. — Ну и. Если приблизительно… сколько? Сотни?

Грузный господин кивнул.

— Думаю, несколько сотен. Максимум пятьсот. Забавная штука. Сам метод. — Он наклонился вперед и заговорил с каким-то сальным доверием. — Думаю, в экскурсии по подвалу вы узнаете все, что вам нужно.

Грузный господин болтал без умолку от всплеска адреналина и облегчения (вначале он принял Купа за шантажиста). Спускаясь по лестнице, он пыхтел и отдувался.

— Должен признать, на первых порах это было довольно тошнотворно. А потом… Мы наловчились. Стали, скажем так, профессиональней.

Например, можно хватать за хвост. — Он показал руками. — Он вовсе не сколький. Но стоило узнать, как это просто… ну, вы когда-нибудь лопали пальцами пузырьки пленки? Очень удовлетворительный ЩЕЛК — верно? Остается, конечно, жижа плазмы. Признаюсь: через некоторое время от этого процесса уже трудно оторваться.

Когда он включил лампочку, Куп заметил на грязном полу отпечатки ног.

— Погодите. — сказал он. Поднял палец, чтобы Родни замолчал, и склонил голову набок.

— А, тишина. Да, здесь очень мирно. Мы довольно далеко от дороги. Наш особняк еще более уединенный.

Куп поднял палец еще выше.

— Слышите?

— Нет, — сказал Родни. Куп повернулся к нему и улыбнулся.

— Это последний миг вашей жизни.

Блеф – 2018

— Куп?

— Что?

— Давай уже. Рассказывай. Как… ты влез во все это.

— Я как раз к этому подходил. — Он глубоко вздохнул.

— Даже не близко. Я же вижу.

Куп поднял бровь.

— Куп. Ты же со мной разговариваешь. Или забыл? Толкаешь мне тут печальную историю неудачного брака и умопомрачительную эпопею о том, как спятивший от стресса алкаш спасал мир бог знает от чего? От призраков? Пришельцев? Правительственных заговоров?

— Думаешь, я вру?

— Нет. Думаю, ты исполняешь самый изощренный танец отрицания во всей истории АА. Думаю, ты рассказываешь только пять процентов того, что на самом деле знаешь. И при этом убегаешь, как дурак, потому что если оглянешься… ну, вспомни Сэтчела Пейджа.

— «Что-то может меня догнать» [22].

— Вот именно.

— Ты единственный, кому я могу рассказать, Бомба.

— Я тебе верю. Просто не верю, что ты говоришь всю правду и ничего, кроме правды.

Если вам вдруг кажется, что я вдруг стал зря докапываться до лучшего друга, давайте объясню. Иногда алкоголики заключают сделки. Куп знал, что я это понимаю. Мы вываливаем целую кучу мелких грехов, чтобы замаскировать самый мучительный секрет, который и убивает нас изо дня в день. Вся наша жизнь становится чередой судебных сделок. Нет, я не разбил машину — я так заработался, что заснул за рулем. Чудо, что выжил. Работает это только с парой первых машин. В суде не прокатит.

Слишком уж знакомо зазвучала длинная запутанная история Купа. Прямо как те басни, что я слышал уже в сотнях баров. Такой уж у нас обычай. Заводим друзей среди незнакомцев под церковным сиянием алтаря из бутылок и

---

[22] Сноски: 22

Это действительно цитата, один из советов, как оставаться молодым, приписываемых знаменитому игроку в бейсбол Сэтчелу Пейджу (1906–1982). Советы были опубликованы в журнале «Collier's» в июне 1953 года.

обмениваемся своими жалкими историями ради иллюзии дружбы и близости — а это две самые страшные штуки для алкоголика. Нам не нужны друзья. Нам нужны союзники — собутыльники, которые нальют еще, потерпят нашу брехню и разрешат поплакаться у них на плече, пока есть что выпить.

Но излечить может только честное признание.

Не поймите меня неправильно: Куп рассказывал офигительную историю.

Но я уже начал замечать тени по углам. То, о чем не говорится вслух. Недопустимые улики. Ненадежные свидетели. Вранье.

— Ладно, — наконец сказал он.

— Ладно?

— Ладно.

Голос в чулане – 1972

— Все началось в больнице, — сказал Куп.

— Допился до койки.

— Да.

— Когда?

— После Вьетнама. Семьдесят второй. Я служил разведчиком в Сайгоне — сейчас он называется Хошимин. Специалист по языкам. Допросил много народу. Видать, это мой талант. — Он посмотрел на меня. — Ты же знаешь, что такое допрос, да?

Я кивнул. Потом увидел его лицо. Наконец произнес вслух:

— Пытки?

Он кивнул.

— После моего второго срока службы меня сослали домой. Никто в госпитале для ветеранов в Аллен-парке не мог поставить диагноз. Симптомы — усталость и глупость. Под «усталостью» я имею в виду, что мог дрыхнуть четырнадцать часов в день. Не мог водить — засыпал за рулем. Под «глупостью» я имею в виду, что не мог закончить книжку — забывал предложение, которое

только что прочитал, — не мог даже уследить за происходящим в ТВ-шоу. Мог только отдыхать. Еще я начал забывать. Иногда забывал, что думал или говорил. Вот говорю, говорю — и прямо на полуслове…

В последовавшей долгой паузе я услышал сразу десяток всего.

— Вот так.

— Ого, — сказал я. Куп никогда не признавался в слабостях. Уже это на тот момент очень впечатляло.

— Один врач сказал, что человеческий мозг — загадка, у нас о нем только грубое представление. Мы знаем, где чувствуем боль или грусть — можем показать пальцем, где, — но на самом деле не представляем, как вся эта мыслящая машина работает. Может, потому, что можем разгадывать ее тайну только с помощью нее самой. И большая часть наших образцов для исследований — сломанные машины. Будто мозг — это автомобиль без глушителя, или без одного цилиндра, или задней передачи не хватает. Не замечаешь ничего странного в таком подходе? По осколкам делать вывод о целом? Я замечаю.

Потому что я бы сказал, большей части того, чем мы являемся, все еще не хватает. И вот я ле-

жал в больнице исследований сна (это оказался очередной тупик), и я начал слышать голос.

— Алкогольный галлюциноз? — спросил я.

— Это одна из их версий. К сожалению, от диагноза у меня ничего не прошло.

— И что за голос?

— Голос ребенка. Знаешь, как от детских голосов поднимается настроение? Ну, если они не хнычут и не плачут. А, ну не знаю, поют? Или смеются? Голоса с детской площадки. Или как из их уст все кажется новым — мысли, которые им приходят в голову в первый раз? Короче говоря, посреди этой бесконечной усталости меня это очень взбодрило.

И кстати, у них всех — детские голоса, что только логично, если вспомнить, как они рождаются. Они их так и не теряют. Даже когда набирают взрослый лексикон. Они говорят, как чертята. Сначала я думал, что слышу просто какого-то пациента-ребенка. Но в госпитале для ветеранов детских отделений нет. Потом я подумал, что, может, это какой-нибудь ребенок сбежал от родителей, которые пришли кого-нибудь навестить, и спрятался.

— Он или она? — спросил я.

— Он.

— И что он говорил?

— Ду-Да.

— Ду-Да?

— Именно так. Но вопросительно. Я возвращался из туалета в койку, и тут он сказал: «Ду-Да?»

Выглянул в коридор — пусто. Перекидные часы у койки показывали 3:30. На всем этаже — тишина. Я слышал, как храпит кто-то по соседству. Ну, тогда я вернулся в постель. И какое-то время было тихо.

А потом: «Ду-Да?»

Мне показалось, голос идет из чулана. Я сказал:

— Эй? Ты в чулане?

И все ждал и ждал ответа. Потом, когда уже хотел положить голову на подушку, услышал детский голос:

— Да.

Я сел в кровати. В свете уличных фонарей сыпал пепельно-белый снег. Очередная бесконечная мичиганская зима. И так каждый год. И каждый год мичиганцы задаются вопросом, на черта здесь живут. Зачем терпеть пятимесячную зиму? Пять месяцев нескончаемых серых зябких дней, пронизывающих до костей, — что тут удивляться, если мы начинаем слышать голоса и разговари-

вать с невидимыми созданиями.

С другой стороны, если у тебя в чулане правда прячется ребенок, то как бы надо что-то делать, да? Кто-то же его ищет.

— Что ты там делаешь? — спросил я наконец.

— Обычно мы сидим здесь.

Мы? Господи, это что, галлюцинации в стиле Скруджа?

— Ну, может, просто выйдешь? Там же темно.

— Мы любим, когда темно.

— Ну ладно. Медсестра наверняка из-за тебя волнуется…

Без ответа. Пациент? Мужчина с детским голосом?

— Тебе нужно вернуться в свою комнату.

— У нас нет комнат.

— Как тебя зовут?

— Руди.

Четыре года. Может, моложе.

— Привет, Руди. Хорошее имя.

Без ответа.

— Меня зовут Уинстон Куп.

— Куп.

— Что ты делаешь в чулане?

— Решаю.

— Что решаешь?

— Куда деваться дальше.

Тут я не удержался и рассмеялся.

— Хм! Я тоже. Я тут уже три дня — и никто не знает, что со мной делать.

— Ты знал мальчика?

— Мальчика?

— Мальчика, который был в твоей койке до тебя?

Тут у меня пробежали мурашки. Потому что я решил: он говорит о человеке, который умер в койке до меня. А еще я почувствовал, что он все говорит искренне — в самом деле как ребенок. А потом я почувствовал, что лежу внутри тела призрака, который остался на койке. И меня уже стало слегка потряхивать.

— Он был мальчиком?

— Да, но теперь он мужчина.

Нет, подумал я довольно надменно, он *был* мужчиной. Теперь он мертв.

Я услышал, как за окном щебечет птица. Самка красного кардинала? Потом я понял, что ослышался. Это цепь звенела о флагшток.

— Он был мой Ду-Да.

— Ду-Да? Что такое Ду-Да?

Потом я услышал, как по коридору, напевая, идет ночной дежурный Честер. Ну ты помнишь, я

о нем рассказывал? О нем и желтушном старике с летающей тарелкой? «С-Доставки»?

И я услышал, как Честер поет: «ЭТУ ПЕСНЮ ПОЮТ КЕМПТАУНСКИЕ ДАМЫ, ДУ-ДА, ДУ-ДА, КЕМПТАУНСКАЯ ТРАССА ДЛИНОЙ В ДЕВЯТЬ МИЛЬ, О ДУ-ДА-ДЭЙ!»

Он сунул свою лысину ко мне в палату.

— Как дела, мистер Кей?

Высокий и придурковатый, а кожа — цвета молочного шоколада. Похож на живую изюмину из рекламы «Фрут оф зе Лум». Голубая форма медбрата шла к его зеленым глазам.

— Привет, Честер. Не спится.

— Врачи наверняка хотели бы, чтобы я сообщал о пациентах, которые разговаривают сами с собой.

— Сами с собой?

Он посмотрел на меня так, будто я вру.

— Честер, у меня в чулане прячется пацан. Руди? Ты только не пугайся. Честер хороший.

Честер посмотрел на меня, пожал плечами, потом подошел и открыл дверь чулана. Даже я видел, что там пусто.

— Видать, кошмар, мистер Кей.

Я закусил губу. Не самые лучшие новости.

— Со всеми бывает.

— Честер? А можно спросить? Кто здесь лежал до меня?

Он сунул палец в ухо и прищурился, глядя в потолок.

— Тодд… Робинсон. Инсульт. Умер прямо на том месте, где вы лежите. И примерно в это же время. Позавчера ночью.

Господи, я был прав.

— Ты прикалываешься.

— Не-а.

После такого я на той койке удобно улечься уже не мог.

— Сколько лет?

— Минимум семьдесят пять. Что-нибудь принести, мистер Кей?

— Нет, спасибо, все нормально.

— Не считая небольших остаточных галлюцинаций?..

— Да. Тебе, наверное, лучше передать это доктору.

— О, уж передам. — Он улыбнулся. — Теперь спи, брат.

Для единственного ребенка в семье это слово — один из неожиданных плюсов военной службы. Братство ветеранов.

Честер скорчил рожу и ускользнул обратно за

дверь. Наверное, хотел меня посмешить, отвлечь от тяжелых мыслей.

Я слышал, как он мычит мелодию Стивена Фостера, уходя дальше по коридору. Тут до меня дошло: он пародировал шоу менестрелей [23]. Или дядюшку Римуса из «Песни Юга». Как я уже говорил, придурковатый.

Ну отлично, подумал я. Еще один симптом на засыпку. Провалы в памяти. Афазия. Усталость, Алкоголизм. Разговоры с несуществующими людьми. Только спустя недели я задумался: что бы у меня ни была за болезнь, как бы я ее ни подхватил, она раскрыла для меня дверь в целый новый мир, через который мы обычно проходим, не замечая. Наверное, так со всеми волшебными дверями. Мы их не видим, пока уже не становится слишком поздно — мы ступили за порог.

Я уже собирался заснуть, но тут голосок из чулана заговорил так, будто нас и не прерывали.

— Он обмывал того человека, когда он умер.

---

[23] Сноски: 23

Шоу менестрелей — в США XIX–XX веков форма выступлений, где белые актеры, загримированные под чернокожих, выступали с песнями и комическими сценками.

– 2018

Куп внезапно спросил:

— Помнишь ночь, когда мы пошли в поход к северу от Торонто?

— Опять ты про это? Ну да, забыл я палатку. Я думал, ее возьмешь ты.

— Да я не о том.

— А о чем? — спросил я.

— Мы тогда с тобой перевернули столы для пикника, сложили из них крышу, накинули сверху мешки для мусора. И вырыли вокруг ров. Все было замечательно, пока дождь не пошел всерьез, и тогда мы…

— …промокли в спальниках. Помню.

— И чтобы тебя отвлечь, я рассказывал историю.

— А, точно. Про Аламогордо. — сказал я.

— Я же знаю, как ты реагируешь на плохую погоду.

— Иди ты.

— Еще я спросил, если бы ты мог выбрать одну суперспособность, то какую?

Я молчал.

— Помнишь, что я сказал?

— Полет.

— Точно, — сказал Куп. — А ты что?

— Невидимость. А то вдруг медведи.

Куп утробно рассмеялся.

— Невидимость, — повторил он. — Помнишь, как мы принимали душ в кемпинге?

— Конечно. Ты еще психовал, что я не помыл ноги.

— Ну, вообще-то мы тогда несколько дней шли по лесу, мистер Паньюкко.

— Я же тебе сказал — достаточно просто постоять в мыльной воде.

— О, я-то помню.

— Кончай, не воняют у меня ноги, Куп.

Он вскинул обе руки в капитуляции.

— Помнишь, как мы слушали дождь? Чувствовали, как он плещет вокруг. И услышали что-то в темноте.

Вспоминать не хотелось.

— Это ты услышал. Я уже спал.

— Ну ладно, я услышал. Но, значит, помнишь?

— Теперь — да.

Это птицы издавали такие звуки, каких я еще от птиц в жизни не слышал. Словно пели крошечные девушки. Наверное, гроза напугала и их.

Долгая пауза, потом Куп сказал:
— Надо было тебе взять палатку.

Выписка – 1972

Благодаря военной службе у меня была отличная медстраховка, я мог проскочить много списков ожидания вне очереди. Ни черта это не помогло. Даже вся страховка меня не вылечила. Мой врач — или, лучше сказать, последняя из многих, — пришла выписывать меня через неделю после появления пацана в чулане. Пакистанка в черных очках и с добрым лицом. Она села с медкартой на край моей койки, будто мы давние друзья, хотя я познакомился с ней только три дня назад.

— Вы возвращаетесь домой, — улыбнулась она.

— Отлично.

— Непохоже, чтобы вы были рады.

Блестяще. Там работают просто-таки гении постановки диагнозов.

— Я все еще болен. Чему тут радоваться?

— Чувствуем уныние, да?

Я к тому времени уже разгадал, что они таким образом уклоняются от обвинений. Если болезнь не проявляется в анализах, если ее нельзя рас-

писать в цифрах, тогда это, скорее всего, Что-то с Мозгом, с Настроением, с Психикой, — короче говоря, Не Их Проблема.

— Чувствовал бы восторг, если бы вы меня вылечили.

Она ответила болезненной улыбкой.

— Сейчас мы можем только сказать, чем это не является. И хорошая новость — у вас нет очень многих болезней!

И это должно было меня обрадовать?

— Тогда у нас много общего.

Это ей не понравилось. Ни одному врачу не нравится оказаться на стороне пациента. Она достала из кармана халата визитку.

— Позвоните ему. Он хороший психиатр. Специализируется на случаях вроде вашего.

— На чудилах с глюками?

— Смешно.

На карточке говорилось: «Колин Локвуд. Лицензированный психотерапевт. Магистр социальных наук. Ветеран».

Он оказался дружелюбным лесорубом с усами, припорошенными сединой. Казалось, он нависает надо мной, даже когда сидит. Я и сам не маленький, но, когда мы пожали руки, моя ладонь практически утонула в его.

Наш первый сеанс после обычного психотерапевтического танго шел неплохо, пока доктор Локвуд не сказал:

— Расскажите о мальчике в чулане.

— Я даже не уверен, что это мальчик.

— Вы сказали — «он».

— Как у галлюцинации может быть пол?

— Не знаю. Может, его и спросите?

— Что спросить?

— Попросите рассказать о себе. Своими словами. Вы можете за ним записать, но — и это важно — ничего не меняйте, записывайте в точности то, что он говорит. Насчет ошибок не волнуйтесь. Что-то вроде дневника снов? — Локвуд превратил фразу в вопрос в особом очаровательном и лукавом стиле мозгоправов и девочек-подростков. — Просто запишите. Потом прочитаете мне. Что скажете?

— А если он не ответит? После госпиталя он не возвращался.

— А вы с ним заговаривали?

— Нет.

— Тогда, может, он думает, вам неинтересно.

— А если он все еще в чулане в госпитале?

Врач улыбнулся.

— Скорее всего, он символизирует что-то в ва-

шем подсознании? Что-то, что хочет вырваться наружу. Понимаете? Поэтому меня не волнует, где он. Либо это волшебное создание, либо самая обычная вещь на свете: комплекс. Так или иначе, подозреваю, он хочет, чтобы его выслушали. Логично?

И в тот вечер я спросил, здесь ли он еще.

Спросил в каждой комнате у себя дома.

Тишина.

Пошел спать и проснулся посреди ночи.

Пошел в туалет, а когда возвращался обратно, он спросил:

— Будешь записывать?

— Вау! — я вскрикнул и подскочил где-то на метр. — Руди?

— Да.

— Ты где?

— В чулане.

— Вау. Ты… не хочешь выйти?

— Пока нет.

— Ладно. — Я немного подышал и почувствовал себя лучше, хотя сердце все равно заходилось. — Давай… давай я схожу за блокнотом.

Когда у тебя есть голос в голове, который слышишь только ты, логично думать, что у тебя некие проблемы. Если голос говорит непонятно,

но все-таки логично, это только осложняет дело. Мне бы лучше простенькую галлюцинацию. Тогда я хотя бы сам для себя подтвердил, что у меня едет крыша. Я за жизнь насмотрелся на психозы. И иногда он лечился таблетками. Но ты, кстати, видишь, в каком я был отчаянии? Находил жалкое утешение в том, что, возможно, схожу с ума.

И я решил побеседовать с привидением. Сам не знаю, с чего решил назвать его привидением. Я не верю в привидения, религию или загробную жизнь. Но надо же было как-то его называть.

— Чего ты хочешь? — спросил я.

После довольно затянувшейся паузы он прошептал:

— Я хочу, чтобы ты услышал мою историю.

— Ладно, — сказал я. — Это я могу. Хотя в последнее время у меня так себе с памятью.

— Знаю. Это все я.

— Это все ты?

— Я могу забирать частички тебя, если захочу.

Это звучало довольно жутко.

— Так мы заставляем забывать, — сказал он.

— Не понимаю.

— Это дар, который мы перенимаем у вас и применяем сами.

— Зачем?

— Я солдат.

— Я тоже.

— Нет, ты только играешь в солдата. На самом деле ты — сердце. И ты потерял голову.

— Руди? Тебе придется мне тут помочь. Я ничего не понимаю.

Вот я в спальне посреди ночи, беседую с невозможным и невидимым созданием.

А в следующий миг иду по городской улице. Это прилизанный переулок где-то в Сан-Франциско. Там огромный мурал с лицом азиатки с очень-очень красными губами. Рядом — темный ресторан, где над барной стойкой висит рождественская гирлянда с желтыми огоньками. Дальше по переулку фотограф снимает невесту в белом платье и ее подружек — облако парфюма стоит такое, что можно задохнуться.

Вот я иду по переулку и вижу свою бывшую. Мою первую настоящую любовь. И хочу ее позвать, но тут сам себя останавливаю и вспоминаю, что пожалею об этом, а потом вижу, как она входит прямиком в объятья другого мужчины. Они обнимаются.

Это очень теплые объятья. Сразу видно, что это любовь. Они — тела, соприкасающиеся во всех возможных приличных местах; очевидно,

вспоминая удовольствие, очевидно, не смущаясь близости.

— Замрите! Замрите, дамы! — говорит фотограф.

Если бы я тогда мог выйти из себя — если бы у меня был дар находиться одновременно и снаружи, и внутри, — я бы увидел мужчину, который стоит неподвижно, но при этом гудит, как огромный колокол, дрожит и звенит от боли, что пронеслась по всем нервам и затронула всех части тела.

Вот что я чувствовал.

Но увидел другое. Увидел я белый трос, что извивался вокруг моей бывшей, как веревка, и тянулся через улицу в руки самого странного создания, что я когда-либо встречал. Оно стояло, прислонившись к кирпичной стене под гигантским лицом азиатки, упираясь, будто перетягивало канат.

Пухлое и белое существо — будто толстый ребенок, объевшийся мороженым. Оно, собственно, и состояло из ванильного мороженого. Не желтовато-белого, а бело-белого. Маленькие черные тюленьи глазки. И хотя рта у него не было, я откуда-то знал, что оно улыбается — беззубой и безротой улыбкой. Верх его плоской головы был

вогнутым, как чаша, и обеими белыми руками оно тянуло и крутило белый трос. Тут я увидел, откуда этот трос выходит. Из него. Это и было оно. Или, вернее, его хвост.

Я подошел к существу и почувствовал жуткую вонь. Будто кто-то умер — и никто не стал хоронить.

«Что ты делаешь?» — подумал я.

«А на что похоже? Делаю ей больно»

«Почему?»

«Потому что она сделала больно тебе».

«Хватит, — сказал я. — Так уж делают люди».

«Не я. Мне никто не делает больно. Меня зовут Рудистайноги. Боль — моя профессия».

Я ударил ребром ладони и вдруг сумел перерубить трос. От шока на его лице, когда он потерял равновесие и шлепнулся на улицу, стало приятно. Разорванный белый трос в его руках змеился в воздухе, будто шланг со включенной водой. Потом эта длинная белая пуповина втянулась обратно в тело женщины, вошла в ее пупок и пропала. Она упала на колени и ее стошнило. Над ней склонился ее любимый.

— Как ты это сделал? — обиженно спросил Руди, потирая хвост, вернувшийся к своему обычному размеру. — Кто тебя научил?

Я еще не видел, как они уходят, поэтому с изумлением наблюдал, как он растворяется в воздухе, будто пятно белой краски, а потом пшик — пропал.

А я опять стоял в темной спальне.

Он оставил за собой вонь тухлятины. От Руди всегда воняло. Наверное, так сочатся наружу темные эмоции, что он впитал. Но когда я однажды спросил, он ответил: «Я слишком много времени провел в мире. Он меня пропитал».

Забываемое – 1972

Может, есть и что пострашнее, чем голос в голове, который становится пухлым привидением, которое душит людей длинным белым хвостом, но тогда мне в голову ничего не приходило. Я рискнул и заговорил с пустой комнатой.

— Это мое воспоминание, — сказал я. — Я тогда вернулся домой в увольнение и случайно застал свою девушку на свидании.

— Да, — раздался голос из чулана.

— Я это забыл. Тогда мне впервые стало плохо.

— Имеешь в виду, тогда ты впервые ушел в запой.

— Наверное, я напился, вот все и вылетело из головы.

— Нет, — сказал Руди. — Это я забрал.

— Воспоминание? Как?

— Я могу научить. Но сначала… моя история.

— Ладно.

— Будешь записывать?

— Наверное, стоит. — Я пошел к столу за блокнотом. — Погоди, — сказал я.

Стояла такая весенняя ночь, когда словно мир

принял душ. Небо — застиранного темно-серого цвета. Я увидел, как между лужами скачет промокшая растрепанная белка. А когда в такие ночи темнеет, тишину замечаешь не сразу. Часы и часы постоянного шипения дождя — и уже привыкаешь, что весь мир стерт белым шумом. Тут я услышал тишину. Она о чем-то напомнила.

Странно. Она напоминало о тишине после того, как мы с моей девушкой поссорились в последний раз. После многих недель разговоров, разговоров и еще раз разговоров. Обвинений и приступов ругани, клятв и яда, — и в конце концов мы истощили друг друга, как пловцы, идущие против течения. И лежали, выброшенные на берег, выбившись из сил, могли только дышать, понемногу возвращаясь к какому-никакому подобию спокойствия. Но на самом деле это просто брала свое усталость. Больше говорить было не о чем. После стольких бесполезных слов — молчание.

Я думал, что усвоил тот урок раз и навсегда. Но пришлось повторить его с женой. Пришлось на горьком опыте узнать, что иногда просто ничего не получается. Как ни старайся. Как бы тебе ни хотелось. В конце концов все заканчивается. И я держался до самого-самого-самого последнего

момента. Пришлось узнать: боль бывает такой сильной, что ее уже и чувствовать смысла нет. Такой жестокой, что, как я осознал, я бы не пожелал ее и худшему врагу. Тогда зачем терпеть, когда ее причиняют мне?

И то забытое воспоминание вдруг что-то во мне уладило. Принесло мне спокойствие. До сих пор понятия не имею, как. Но тогда знал, что хочу иметь такую способность больше всего, что когда-либо хотел. Я хотел уметь избавлять людей от самого худшего. Руди вернул мне болезненное воспоминание, которое он стер.

А если так смогу я?

Стирать болезненные воспоминания?

Что, если Руди может меня научить?

Понимаешь, у меня и так уже был дар вытягивать правду из тех, кто не хочет ее рассказывать. Шпионы. Солдаты. Преступники. Лжецы. Этим занимаются такие, как я. Почти все в конце концов начинали говорить. Но что, если — и эта мысль ударила, как молния, — что, если я бы мог гарантировать, что они забудут все секреты, когда их расскажут? Что, если бы я мог их стирать? Кто бы тогда отказался все выложить? Они бы были невиновны, правильно? Я бы смог раскрывать в людях все двери. Выносить на свет все. Мог бы

узнать все секреты — и пощадить их совесть.

Вот что за историю рассказал Руди. Он начал:

— Когда ВД молодые и глупые, я говорю им правду.

«Вы не родились, — говорю я. — Вы случились после того, как очнулся ваш Ду-Да. В какой-то миг после языка, но до сознания. Они открывают дверь — и вы выходите наружу».

Маленькие еще не понимают, что значат слова.

Я и сам тогда многого не понимал. И сейчас не понимаю. Только знаю, что я люблю и что я не умру.

Когда мой Ду-Да разбудил меня, я словно спал в темном ящике — тогда я еще не знал, что такое «чулан». Он открыл дверь — и я его увидел: маленький мальчик в пижаме, будто желтая морская звезда в мешке, только лучей маловато. (Морская звезда висела у него на стене — так я и узнал, что это).

– 2018

— Морская звезда? — переспросил Бомба.
— Помолчи, — сказал Куп.

– 1972

— «Выходи, — сказал мой Ду-Да, — я знаю, что ты здесь».

И как только он так сказал, я был.

И до сих пор вижу, как он протягивает мне руку. А я протянул из темноты свой новенький хвост и коснулся его пальчиков.

И влюбился.

Вот что ты обязательно должен о нас знать. Мы любим.

У нас нет выбора. Я объясню: это как птенец, когда он только вылупляется из яйца, отряхивая осколки скорлупы с сырых перышек. Он следует за первым, что видит. Собака. Машина. Возможно, мать. Понимаешь, даже когда мы больше не нужны своим Ду-Да, даже когда они забывают наши имена, мы их все равно любим. Ничего не можем поделать. Мы любим. Мы созданы, чтобы их любить.

А в некоторые дни — и ради этих дней мы и живем — они нас видят. Или думают, что видят. Или *вспоминают*, что видели. А может, просто замечают наше отражение в зеркале, пробегаю

мимо по своей загруженной жизни. И, может, тогда вдруг останавливаются и хмурятся. Может, морщатся от странного запаха. Их воспоминание дарит нам удовольствие, но при этом и ранит. Потому что мы знаем: хоть мы и Забываемые, когда-то… нас любили.

И больше нам ничего не надо.

Это знание движет нами всю жизнь.

Это я и пересказал своему психотерапевту. Он офигел.

— Вау, — сказал он.

— Ага.

— Я имею в виду — вау.

— Знаю. Красиво, да? Сильно?

— Достоверно. Целая своя мифология. Даже логичная. Если честно, логичность меня и поражает.

— Ну и что мне делать?

— Записывать дальше. Как ваше головокружение?

— Все так же.

— Жаль.

Как же редко любой из тех, кто мной занимался, выражал ко мне сочувствие.

— А что, никто?.. — спросил Локвуд.

— Ну, им интересно. Они озадачиваются. По-

том раздражаются. Потом им стыдно, что они не могут поставить диагноз, или вылечить, или вообще что-то сделать. Наверное, из-за меня они чувствуют себя… бесполезными.

— Наверное.

— Но вы не такой. Почему?

Колин Локвуд, крупный мужик с густыми усами, добрыми голубыми глазами и в сером комбинезоне, пожал плечами.

— Может, потому, что я сам все это прошел. В молодости провел пять лет в больнице. ПТСР. Пытался покончить с собой. Мне помогли, стало лучше. И я решил, что это хорошее занятие. Помогать другим лечиться.

— А меня вылечите? — спросил я. Подбородок у меня дрожал.

— Понятия не имею. Может, чуточку облегчу жизнь.

— Ладно, — я шмыгнул. — Пойдет.

— Вы единственный ребенок в семье, да?

— Да.

— Чаще всего воображаемые друзья появляются у старших или единственных детей.

— И?

— И я думаю, ваша болезнь дает вам уникальную возможность. Воображаемые друзья

вездесущи. Они есть во всех культурах по всему миру. Они — словно необходимая возможность выговориться, спутник, сопровождающий детей до следующей стадии взросления. Первый признак самосознания. В конце концов они сливаются с психикой. И пропадают — наверное, как молочные зубы, когда ребенок готов ко взрослой пище.

— Но я ведь уже не ребенок, — сказал я.

— Нет, не ребенок. И, если честно, это непохоже на психотический срыв. Поэтому, возможно, мы имеем дело с чем-то уникальным. Тайное создание? Автономная сущность? Может, до сих пор у нас были только слабые намеки на их существование — легенды, мифы, отголоски недостижимой реальности, сновидческого царства, что обычно пропадает каждое утро. — Он увидел мое лицо и покраснел, протянув мне коробку с салфетками. — Простите. Увлекся возможностями. Пожалуйста. Не торопитесь.

Я и сам не заметил, что плачу. Но он оказался первым готовым поверить в мое привидение — или хотя бы теоретически допустить, что оно реально. Меня это застало врасплох. Я вдруг почувствовал, что я не один.

— Какая-то, блин, Динь-Динь, — сказал я, стара-

ясь казаться круче, пока ревел, как ребенок.

Через трещину – 1945 – Руди

— Когда молодые спрашивают, вот что я им отвечаю, — сказал Руди. — Вы выходите из их мозга. Вы живете по их прихоти. Никто не знает, почему вы остаетесь. Когда они вырастают, вы забываетесь.

Я не думал о своем ребенке много лет, как тут услышал нелепую цирковую мелодию из грузовика мороженщика. Лето, подумал я. Мальчику жарко. Он захочет мороженое. Я вспомнил его радостное лицо, когда он оторвался от своих игрушек, закричал «Мороженщик»!» и выбежал из спальни.

А потом я подумал: жарко ли ему сейчас? Мой мальчик в пустыне? Или, может, на краю вулкана и чувствует волны жара, исходящие от раскаленной докрасна лавы внизу. Интересно, нужен ли ему сейчас Мороженщик.

И тогда мне пришло в голову, что я могу выйти из чулана, найти его, навестить, может, а если он разрешит, то, может, и остаться с ним. Я узнал, что это считается чем-то из ряда вон. Еще никто этого не пробовал.

— Он примет тебя за привидение, — говорили они.

— Он тебя даже не увидит.

— Ты только зря потратишь время. Вот. Съешь цветок.

Так меня отговаривали и мои товарищи по колыбели, и козы. Я тебе рассказывал о козах?

— Нет, — сказал Куп.

— А, точно, это будет потом, — сказал Руди. — Я провел много времени на холоде с козами.

— Тебе было холодно?

— Спасибо за заботу. Но нет. В моем долгом походе козы составляли мне компанию. Они напоминали мне чулан — тем, как им нравилось ко мне прижиматься. Они так иногда делают во время дождя. Думали, могут меня согреть.

Когда наши дети вырастают, иногда мы остаемся в чулане, будто брошенные плюшевые мишки, которые ждут, когда их упакуют и отдадут на благотворительность бедным или выкинут на какую-нибудь свалку. Знаешь свалки?

— Знаю.

— Это первые горы, которые я увидел, когда выбрался из города. Огромные вонючие горы, что растут над трейлерными парками, и желтые самосвалы ползут по их спиральным татуировкам,

как муравьи с грузом. И каждую партию мусора встречает хор вопящих, голодных, парящих чаек. Рэли говорят, чайки очень глупые. Очень решительные. Очень жадные.

— Как мы.

— Да. Вы оставляете за собой так много. Мы — нет. Когда мы вам больше не нужны, мы ютимся вместе. И каждый раз, когда вы открываете дверь, мы замираем и ждем — «затаив дыхание, как невеста, томясь по объятьям возлюбленного». Я это где-то прочитал. Но потом вы закрываете дверь — и опять темно.

Немало счастливых дней мы ютились вместе. Кучка старых игрушек. Я жил в старом сером кирпичном доме, в чулане, где выросли Рэли, ПуМом и Другой.

– 2018

— Пу Мом? — переспросил Бомба.

— Помолчи, — сказал Куп. — Пока не забивай голову.

– 1945

— Рэли всегда первая. Она уже была, когда появились мы. Рэли молча дуется, когда ее что-то не устраивает, — то есть часто. Рэли говорит, она самая красивая девушка в мире, но видеть ее нельзя. Она невидимая. Она говорит, что осталась от девушки, которая выросла в этом старом сером кирпичном доме с облезающей белой березой под окном. (Это многие годы был наш вид в щелочку чуланной двери, пока я не отправился в мир, где рисковал и узнал правду.) Ее девочка родилась в этом сером доме, выросла счастливой и переехала, когда поступила в колледж. Потом она возвращалась всего пару раз. Рэли говорит, она забрала своих плюшевых мишек, но не ее. Это, конечно, нечестно.

В последний раз она видела своего ребенка, когда та уже стала взрослой, ее мама умерла, а папа продавал дом. Тогда, она говорила, дом был грустный. Все стены холодные на ощупь, если прикоснуться, и причиняли боль. Рэли помнит, как ее девочка вернулась в последний раз, чтобы коснуться красных роз на обоях и вдохнуть

запахи, и Рэли была уверена, что она вспомнит, и снова откроет чулан, и влетит в объятья своего ВД. Была уверена, что скажет своей девочке правильные слова. Рэли могла бы рассказать ей об утрате. О том, что боль не уходит. О том, что через некоторое время она находит в тебе уголок, чтобы затихнуть и перестать все портить своим привкусом. Но девочка так и не заговорила с Рэли, и та наблюдала, как эта девушка в синем свитере и синих джинсах сидела, скрестив ноги, на деревянном полу и плакала. Рэли говорила, ей хотелось скакать на месте, хотелось распахнуть дверь чулана, из-за которой она подсматривала, но сдвинуть которую не могла.

Потом девушка ушла, и Рэли чувствовала себя так, словно в ней прозвонил колокол. Такой пустой, и одинокой, и потерянной. Она плакала, и тогда появились ПуМом и Другой. Или, вернее, тогда она поняла, что не одна, что у нее в чулане есть спутники.

— Потише, — сказал Другой.

— Как вы сюда попали? — спросила она.

— Мы были здесь всегда, — ответил Другой. — Ты просто не давала нам и слова сказать.

— Ты с кем разговариваешь? — спросил ПуМом в ужасе.

— С Призраком, — ответил Другой.

— Я не призрак. Я Рэли.

Следующей семьей в доме была молодая пара: они очень любили друг друга, ссорились и целовались. Ссорились и целовались. Целыми днями. Наконец у них родился маленький мальчик, и, когда он научился говорить, пошел к чулану — на нем была желтая пижама — и сказал:

— Я знаю, что вы там. Выходите. Все.

ПуМом съежился. Для наших хозяев это всегда мгновение отваги — позвать нас. Часто они разрываются между страхом и одиночеством. Часто им просто нужно с кем-то поговорить.

— Покажитесь, — сказал мальчик.

Обращаясь к углу открытого чулана, где темнее всего сгустились тени, мальчик сказал:

— Ты темный. Это не обязательно. Можешь встать, ПуМом. — И тогда ПуМом выпрямился во весь рост — дрожащая темень в углу, между потолком и полом. Понимаешь, мы выглядим так, как надо вам. — Ты очень высокий, — сказал мальчик. И ПуМом, все еще не отошедший от восторга после того, как его впервые назвали настоящим именем, снова затрепетал. — И очень смелый. Ты наверняка ничего не боишься.

И тогда тень встала прямо и гордо.

— И ты. — Мальчик повернулся к белому волейбольному мячику в углу. — Выходи. Ты Другой, да?

— Очевидно, — сказал Другой. Мальчик долго на него смотрел и наконец сказал:

— Ты умный. Ты думаешь о том, что нам надо знать.

— Я бы на твоем месте говорил потише. Вдруг нас кто-нибудь услышит.

Тогда мальчик обратился к Рэли.

— Я знаю, что ты там, но я тебя не вижу. Это ничего. Ты самая хорошая.

То была радостная ночь; следующий час мы шептались, пока мальчик не начал зевать. И мы уложили его спать.

Когда мы вернулись в чулан, Рэли сказала:

— Ох, ну он и раскомандовался.

ПуМома в чулан пришлось возвращать уговорами. Не шел, пока официально не познакомился с Рэли и она не перестала над ним хихикать.

О Рэли я тебе рассказывал.

ПуМом был из Африки. А Другой — с Северного полюса. Конечно, оба понятия не имели, где это, но все-таки приятно, когда ты знаешь, откуда ты, правда?

ПуМом был очень темный и высокий, как если

бы у тебя отклеили тень от ног на закате, когда она вытягивается через всю лужайку. Такой длинный, что мог быть в двух комнатах одновременно. А смелым был только с мальчиком. Как только мальчик уснул, он свернулся обратно в перепуганный клубок.

Другой был круглым и белым. «Идеальный Круг», — любил говорить он. И вечно поправлял ПуМома, говорил ему: «Ты что, совсем ничего не знаешь? Это же ложка!» И другие гадости.

— Не груби ПуМому, — говорила Рэли.

— Ой, отвали, Сестра. Ты просто привидение, которое никто не видит!

— Ему необязательно меня видеть, — говорила Рэли. — Он меня чувствует.

— Привидение? — испуганно восклицал ПуМом.

— Расслабься, — утешала Рэли. — Привидений не бывает.

Рэли была самая добрая. Когда требовался мягкий подход, за дело бралась она. Она была строгой, но справедливой.

— Не знаю, зачем ему нужны вы двое, — говорил Другой. — Я и сам прекрасно могу вырастить младенца.

— Не тебе решать, Друг. — (Рэли знала, как его

раздражает, когда она сокращает его имя.) — Нас всегда по трое.

— Он вас даже не вспомнит! — отрезал в ответ Другой.

— Мы все забытые, — ответила она просто. — Все трое.

— Шшш, — сказал Другой.

— Это наша цель: показать им самих себя. Мы — Забываемые. Мы существуем, только чтобы служить им. А отслужив свое, забываемся.

— У тебя большой рот, Сестра, — сказал Другой. — Неудивительно, что тебя ненавидят птицы.

Нас было трое: ПуМом, Рэли и Другой.

Мальчик был очень милым и ранимым. Поэтому Рэли досталось постоянно его уверять, что он хороший. А ПуМом нападал на его страхи и мстил за обиды. Тогда как Другой урезонивал, всегда старался показать логику. Только с логикой, считал он, и можно все решать. И он учил мальчика разным новым словам. По одному каждый день, чтобы родители радостно смеялись и хвалили его.

— Любовь! — говорил Другой. — Счастливый! Замечательный!

— Мороженое! — отвечал мальчик.

— Очень хорошо! — говорил Другой. — Ты знаешь ТА-А-АК много слов!

— Та-а-ак много! — говорил мальчик.

ПуМом всегда писался во сне.

Мы никогда не видели, чтобы он пил, но каждое утро мальчик просыпался в мокрой желтой луже и сердился на виновника в чулане.

Мальчик легко отвлекался. Вот мы даем ему урок — а он уже мечтательно таращится в окно на кардинала, клюющего ягодки.

— Это мое время, — говорила Рэли. — Все мечтания достаются мне.

Она садилась рядом и смотрела ему в лицо, и он сидел в кровати и с тем же вниманием смотрел на лицо луны.

Мы любили его, он был нашей причиной существования.

Таков наш долг: бороться с их главными страхами, когда они ранимее всего.

Дать все, в чем они нуждаются.

Быть стражами, проводниками, спутниками — даже козлами отпущения.

Он был очень милый мальчик. Легко улыбался. Добрый. Преданный.

Я думал, он никогда меня не бросит.

Мы все так думаем.

Про собаку, которая укусила мальчика – 1972

— То есть они всегда там? — спросил меня психотерапевт. — В чуланах?

Вот что ответил Руди, когда я спросил его:

Когда мы нужны, мы там.

— И когда вы уходите?

Только когда вы нас отпускаете.

— Почему мы вас отпускаем?

– 1948

Я тебе расскажу про собаку, которая укусила мальчика. Это очень страшная история. И случилась она в одну темную ненастную ночь. Однажды мальчик поехал в гости к тетушкам, и на него набросилась их собака с черным языком (она нервничала из-за грома и молний) и укусила в лицо, разорвала губы. Кровь была повсюду. И мальчику наложили шестьдесят швов. И потом ему уже было трудно доверять кому угодно. Он стал тише.

И через неделю он перестал разговаривать с ПуМомом. С тем, кто его не защитил: его подвел самый свирепый защитник. Для ПуМома это было все равно что ад, и он съеживался и съеживался, пока не остался только темный угол в чулане.

Другой пытался урезонить.

— Это всего лишь зверь. Бессмысленный клубок инстинктов и аппетита. Нельзя ожидать, что собака поймет, кого кусать можно, а кого нельзя. Боже мой, да они собственные какашки едят!

Мальчик и бровью не повел.

ПуМом спал.

Через неделю мальчик забыл Другого. Начал читать книги. И начал внимательно слушать в классе. Он стал стеснительным и опасливым мальчиком, который никому не доверял. И морская звезда в его желтой пижаме больше не разговаривала с друзьями в чулане.

— Так они и делают. — объясняла Рэли с важным видом. — Они уходят. Они забывают.

— Но почему они не прощаются? — спросил ПуМом.

Ответа у Рэли не было.

— Так несправедливо, — сказал ПуМом.

— Несправедливо? — фыркнул Другой. — Справедливости не бывает. Не по эту сторону радуги.

И они ждали в чулане, ждали, когда забудутся. Будто музей, в который больше никто не ходит. Рэли — красивая девушка, с широко распахнутыми от шока и горя глазами. Другой. Чумазый и сдутый волейбольный мячик. И ПуМом. Темная унылая тень в углу. Остатки других жизней и других детей. То, что выбрасываешь на заднем дворе за гаражом.

Мы всегда так уверены, что наш ребенок окажется другим. Я так любил своего, что не мог и вообразить жизнь без его улыбки, без его доверия и секретов, которые шепчутся на подушке, когда

выключат свет, и без того, как он читал со мной книжки с картинками, уступал мне место на кресле, показывал свои рисунки, которые мама приклеивала к холодильнику. Я был последним, кому он желал спокойной ночи. Я не мог и представить себе жизнь без его любви.

О, все бы отдал за такой простой мир.

Помню, как подглядывал в щелку приоткрытой двери, на улицу, пока одно время года сменялось другим, зеленая весна становилась желтым летом, выгоревшей осенью, белой зимой. Сезоны сменялись во вмещавшей их оконной раме, как на картине, которая вечно перерисовывается, не зная свою окончательную суть, не довольствуясь чем-то одним.

Смотреть через щелочку не совсем закрытой чуланной двери было уютно и безопасно. Можно наблюдать, как все проходит мимо, будто пейзажи за окном поезда.

Знаешь поезда?

— Да.

Когда я покинул чулан, я долго ехал на поезде на север. Мир струился мимо, как грязная река. Золотая кошка на ржавой бочке. Женщина в синем бикини, загорающая на красном пляжном полотенце под зеленым кленом. Голый мальчик

на качелях из большой шины, прислонивший голову к протектору. Длинные цветастые брызги граффити на задней стене склада. Вот что видно из поезда — задворки всего. То, что не нужно, задвигается в самые далекие уголки дома. Куча за кучей — мусор, обломки, забытые игрушки, гниющие доски. Сломанные газонокосилки, гнутые алюминиевые горки, мятые голубые пластмассовые бассейны, в которых больше не держится вода, — и если не можешь на них сосредоточиться, когда едешь мимо, то видишь просто кляксы, всплески темно-бурого цвета, как куча компоста в углу. Но они встречаются постоянно. Постоянно, как телефонные столбы. И с таким же визуально-музыкальным эффектом — ПЛЮП зевок пауза ПЛЮП зевок пауза ПЛЮП.

Очевидно, людям не нужно очень многое.

Учиться терять – 1972

На следующем сеансе Куп показал психотерапевту грубый карандашный рисунок.

— Вау.

— Он стал видимым.

— Вау.

— На секунду.

— Вау.

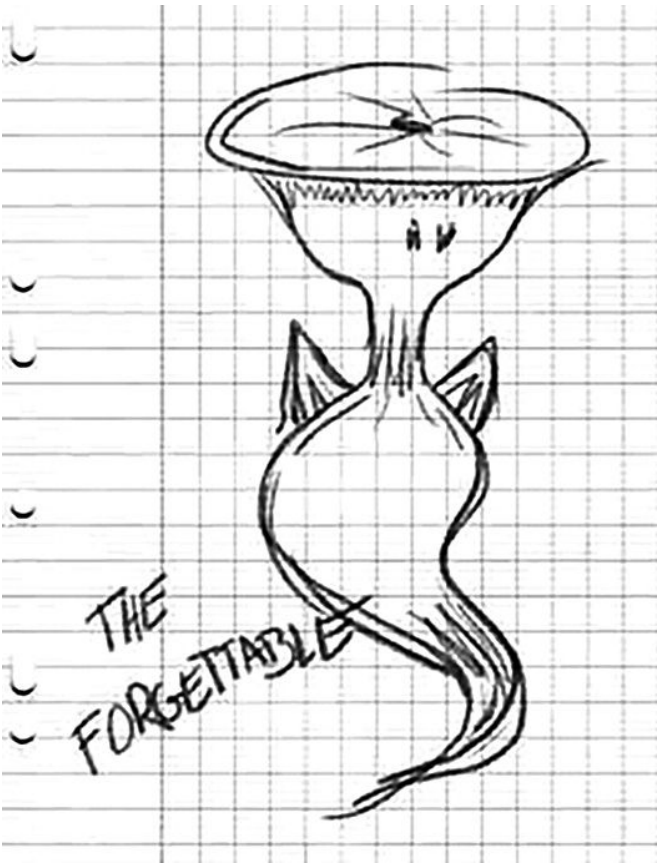
— Кривовато. Мой старый друг Бомба нарисовал бы лучше.

— Да нет, очень хорошо. Значит, рта нет, да?

— Нет.

— А это?

— Головная дырка. Не для того, чтобы говорить. Они телепаты. Так они дышат, и слушают, и кормятся, и трахаются.


THE
FORGETTABLE

Брови терапевта поползли наверх.

— Кормятся?

— А хотели спросить о другом, да? — сказал Куп.

— Да. — признался терапевт.

— Ага. Иногда они едят… — Куп скривился. — …цветы?

— Цветы?

— Да. Но в основном эмоции.

Терапевт много кивал. Пожалуй, даже слишком много.

— А это похоже на крылышки, — наконец сказал он.

— Да, маленькие зачаточные крылышки. Как кошачьи ушки.

— О, точно.

— Они быстро порхают, как у колибри. Они умеют очень быстро летать. Иногда я слышу пронзительный треск — как от цикад в брачный период. Но мягче. Такие как бы доплеровские волны жужжания?

— Как телефонные провода зимой?

— Да. Только намного, намного мягче. Обычно ниже порога слышимости. Если хочешь пожать им руку, они пользуются вместо руки крылышком.

— И какой хвост.

— С его помощью они ходят. Он вьется за ними, как змея.

— Вау.

— Ага.

— Но для нас? Они же так не выглядят? Они появляются?..

— …в том виде, в каком мы хотим.

— А вам он показал истинную форму. Почему?

— Не знаю.

— Плоские головы?

— Как чашки. — Куп пожал плечами. — Не спрашивайте.

— Что это за слова?

— А, просто накарябал. Так они иногда себя зовут. «Забываемые». То, что у них всех есть общего. Мы их забываем.

— И они могут сделать так, чтобы забывали мы, — сказал терапевт.

— Этого я сам не понимаю.

Терапевт долго молчал.

— Быть забытым значит быть потерянным. Потерять себя. Свое место. Свою историю.

— Три великих утраты, — сказал Куп.

— Три?

— Утрата невинности. Утрата любви. Утрата

жизни.

— Хорошо сказано.

— Это он так сказал.

— Вся ваша жизнь такая, — говорил Руди. — Вы учитесь терять. Свое детство. Свою любовь. Свою жизнь. Все у вас взято напрокат.

— Но, Руди. Вы же любите своих детей.

Он только надо мной посмеялся.

— Не будь ребенком. Мы вами питаемся. Мы чувствуем голод — и называем его любовью, и может, от этого кормление становится слаще. Но спроси себя, Ду-Да… — (Он меня так иногда зовет, хоть я и не знал его в детстве.) — Если любовь настоящая, если это не что-то хрупкое и умирающее, почему она уходит так быстро?

Его слова меня ранили. Я кое-что понимал насчет уходов. И знал, что объект моего вожделения достоин моей любви. Но был ли я достоин ее? Когда-то и вопроса такого не стояло. Я знал, что подвел ее. Знал, что мой алкоголизм уничтожил все шансы на любовь. И мысль, что это может быть невзаимным, что эта особая сила растет не из желания и уважения, а всего лишь из голода — из ее собственной инфантильной потребности в том, чтобы ее ласкали, защищали, касались, хвалили, хотели, — эта новая мысль ранила, как

пощечина по лицу. Одно дело — быть любимым и брошенным. И совсем другое — быть расходным материалом. Тогда уже нет утешения, нет чистой скорби, а вся радость — только иллюзия. Неудивительно, что Руди так цинично отзывался о любви.

— Мы вами кормимся. Ваши гнев и печаль, ваши смех и радость — это наш хлеб. Хочешь умереть? Уходи. Подальше. Забейся в пустой угол, как умирающая кошка, и через пару недель исчезнешь. Будешь как мы. Не останется даже воспоминания.

Куп едет в Неваду – 1972

Наверное, уже сам можешь догадаться, куда дальше ведет история. Несчастный больной получает помощь, в которой нуждался. Примиряется с травмой. Встает на ноги. Возвращается к трезвому и здравому образу жизни, хоть и помогла в этом услужливая временная галлюцинация; возвращается и к продуктивной заурядной гражданской жизни, достигая мало-мальского покоя.

Не-а. Я полетел в Вегас.

К следующему приему у меня прошло головокружение. Я чувствовал себя почти нормально. Но врача на месте не оказалось. И больше я его не видел.

За столом меня встретил человек старше, в синем костюме, и два военных полицейских. Один стоял навытяжку за спиной старика; другой — у двери.

— Где мой врач?

— Ему назначили другого пациента. Он просит прощения за внезапный отъезд. Но у меня здесь все ваши записи. И мы готовы продолжить ваше дело. — Он улыбнулся. — У нас даже найдутся

новые приказы, солдат.

Я старался не пялиться на кожу Синего Человека, который выглядел так, будто только что выбрался из драки. У него было очень бледное и осунувшееся лицо, как у Призрака Марли [24]. Что-то загробное в нем точно было. После реконструктивной хирургии вся нижняя половина его лица стала лиловым/синим синяком. На миг я даже задумался, вдруг это вижу только я. Пытался сосредоточиться на глазах и густых бровях Синего Человека, но там поджидали другие опасности: я не сразу заметил, что его темно-голубые радужки не черные.

Во время всего разговора он то и дело втыкал карандаши в белую автоматическую точилку на столе. Следующий диалог представляй под механическое жужжание.

— Эм-м. А вы кто?

— Тебя это волновать не должно. Я твой командир.

— Командир?

Он отмахнулся.

— Если вкратце.

Потом повернулся к военному и спросил:

---

[24] Сноски: 24

Призрак Марли — персонаж «Рождественской истории» Чарльза Диккенса.

— Господи. Никто не подумал принести ему лимонад?

— Будете лимонад? — спросил военный с южным акцентом.

Наверное, это уже перебор, но тогда мне пришло в голову, что на Юге принято говорить «лимонад», тогда как мы в Мичигане говорим «газировка», а на Манхэттене говорят «содовая» [25]. Госпиталь ветеранов находился в Мичигане, поэтому я не сразу сообразил, что мне предлагают. К тому же и пить не хотелось.

— Нет, спасибо, — ответил я. — Спасибо за предложение. Правда.

— Просто вежливость, — сказал Синий Человек.

— Я имел в виду — насчет работы.

Он посмотрел на меня.

— Ну, насчет назначения?

— А. Приказ.

— Да, — сказал я. — Это… э-э… Я польщен. Рад. Но скорее больше удивлен. — Я издал смешок.

— Он на таблетках? — спросил Синий Человек.

---

[25] Сноски: 25

В разных регионах Америки приняты общие названия для всех газированных безалкогольных напитков — «soda» на западе и в некоторых северных штатах, «pop» на среднем западе и «coke» на юге. — *Прим. ред.*

Военные переглянулись. Я их выручил.

— Нет, сэр. Мне так и не поставили диагноз. А знаете, что? Пожалуй, не откажусь от лимонада.

— К черту лимонад. Нужна тебе работа или нет?

— Так, ладно. Сэр? Во-первых: я не знаю… что за работу… что это за работа. Э-э. Что за работу вы мне предлагаете?

Он не ответил. Заточил еще один карандаш.

— Во-вторых: мой врач вам сказал, что я не здоров?

Синий Человек пожал плечами.

— Если вкратце. Я бы на этот счет не волновался. Он дал тебе Высший Уровень, первый класс. Супер-дупер.

Почему он говорил, как ведущий детской передачи? Василек, Лиловый Клоун.

— Вообще-то док говорит, ты необычный пациент. Офицер с ярким будущим.

— Он так и сказал?

Синий Человек заглянул в папку перед собой.

— Если вкратце. Тут сказано, что ты, среди прочих талантов, языковой савант.

— Это правда. Я служил переводчиком во Вьетнаме.

Он захлопнул папку, поднял палец и обратился

к военному у дверей.

— Он хочет пить. Тащи лимонад.

— Так точно.

Я даже удивился, как быстро охранник вышел. Шторка на окне дрожала несколько секунд.

— Сколько? — спросил Синий Человек.

— Один, — ответил я.

— Один? — Синий Человек повернулся с кислым видом к военному у него за спиной.

— Вы показываете один палец.

Синий Человек опустил палец и прочистил горло.

— Я спрашиваю — языков ты сколько знаешь?

— Тридцать три. У меня дар.

— Сынок. Ты не в той области работаешь.

— Разведка?

— Полевая деятельность. Твой врач говорит, у тебя уникальные способности для общения с, э-э, необычной компанией. Будем называть их так.

— Ладно.

— Ты их слышишь. И к тому же видишь. Это правда?

— Правда. Это я и хотел вам сказать: я псих.

— Может быть.

— Мне нужна помощь.

— Может быть. — Он заточил карандаш.

— Ну и что, я ее получу?

Он быстро сдул опилки с конца карандаша.

— Может, нет. Сынок, в этой папочке… — он постучал по ней пальцем, — …хвалебная рекомендация, где отмечается твой характер, а также послужной список. И твое правительство хочет — нет, давай перефразирую. Твое правительство, твоя страна обязаны предложить тебе интересную работу, где потребуются все твои таланты и сильнейшие… — Он начал щелкать пальцами и повернулся к военному за спиной. — Как там это называется?

— Принципы?

— Да ни черта! — сказал Синий Человек.

— Мышцы? — предположил военный.

— Без толку спрашивать! — выругался Синий Человек. Потом сложил перед собой руки, как бы пожевал невидимый табак, зыркнул из-под кустистых черных бровей своими темно-голубыми глазами, поджал нелепые голубые губы и сказал:

— Сынок. Ты нужен своей стране. Ты готов ей служить?

— Конечно. Что за должность?

— Ты будешь моим учеником и в конце концов меня заменишь.

— А что у вас за работа?

Он улыбнулся.

— Совершенно секретно. Любишь гольф?

— Нет.

— Я люблю гольф. Голубое небо. Девятнадцать полей передо мной. День, когда самое худшее, что может случиться, — угодишь в песок. Умиротворение.

Он произнес «умиротворение» так, будто это страна, где он ни разу не был.

Вернулся военный, поставил передо мной банку «Кока-Колы» и положил белую таблетку.

— Спасибо, — сказал я, открывая банку и делая долгий глоток. — А-а-ах.

— Прими таблетку, — сказал Синий Человек.

— Что это?

— Драмамин. Мы летим в Вегас.

— Я нормально переношу полеты.

Синий Человек посмотрел на меня, потом подвинул мне через стол бумагу и ручку.

— Подпиши.

Я подписал.

— Прими уже таблетку.

Я принял.

— Сэр, если я уезжаю, мне, наверное, лучше попрощаться с Руди. Иначе он очень разозлится.

— С твоим воображаемым другом?

— Да.

— Которого видишь и слышишь только ты?

— Да.

— Думаешь, он здесь?

— Думаю.

Синий Человек пожал плечами и сделал приглашающий жест.

— Руди?

Я огляделся. Посмотрел даже под столом. Синий Человек странно на меня посмотрел, когда я отвел взгляд от его тощих ног.

— Руди, я ненадолго уезжаю. В о-о-общем… Еду в Вегас. Где мы там будем жить?

Синий Человек смотрел на меня с каменным лицом.

— «Фламинго».

— Ну, короче, еще увидимся, друг. — Синий Человек скрестил руки на груди. — Можешь не прощаться. Просто решил тебя предупредить. Ладно? Ладно.

— Ладно, — сказал Синий Человек и сунул еще один карандаш в точилку.

Когда я проснулся, уже таращился в окно самолета.

— Никогда не надоедает летать, — сказал я Синему Человеку, сидящему по соседству. — Через

какое-то время это как читать иероглифы. Прямо будто кто-то разворачивает гигантский свиток, и вся поверхность земли — это артефакт.

Синий Человек зевнул. И я зевнул.

— Ой! Так это же вы!

Я выгнул шею, чтобы заглянуть за серебристое крыло.

— И мы над пустыней!

— Неужели.

— Как много пустыни. Как будто Аризона. Или Невада.

Синий Человек мягко положил ладонь мне на руку.

— А вот штат лучше вслух не называть, солдат.

У основания трапа мне дали повязку на глаза.

— Повязка?

— Так точно, — ответил солдат.

— Мне не нужна повязка.

— Сэр, или повязка, или вы возвращаетесь на самолет.

— Не дури, — прошептал Синий Человек. — Надевай.

Мы сдвинулись с места, и я почувствовал, как меня взяли за руку, чтобы направлять.

Тогда я впервые почувствовал его крылышко и наверняка издал какой-то звук.

— Ты там в норме? — спросил Синий Человек.

Я сглотнул.

— Конечно.

Я напомнил себе: расслабься. Он невидимый.

Сначала мы шли под палящим солнцем, потом — в тени. Перепад температуры был, наверное, градусов в тридцать. Потом мы, видимо, прошли какую-то особую дверь, потому что сирены орали «Вуу-вуу-вуу», пока двери не закрылись. Так повторялось еще два раза, и Синий Человек выругался:

— Кого-то уволят, если этот сбой не починят.

Когда мне велели снять повязку, я оказался в белой комнате с тремя генералами. Много звезд на плечах. Синего Человека нигде не было видно.

— Добро пожаловать на базу, — сказал один.

Я отдал честь.

— Где я?

— Не твое дело.

— Это точно он? — спросил другой генерал. — Ничего особенного. На вид — очередной умник.

Самый низкий, похожий на маленького задиристого петуха, встал и сказал:

— Сынок, я здесь главный. Останешься ты здесь или нет, зависит только от одного.

— От чего? — спросил я.

— Как ты ответишь на один вопрос. — Генерал нахмурился. — Ты чего хихикаешь?

— Простите. Это и был вопрос, сэр?

— Нет. Я его еще не задал. Ты чего хихикаешь?

— Сэр, не обижайтесь, сэр, но у вас всех голубые губы.

Тут я обнаружил, что согнулся и хохочу над самым нелепым розыгрышем на свете. Кто-то открыл дверь, и я заметил оживленный терминал аэропорта. И не сразу осознал, что там у всех — голубые губы.

— Он подойдет, — сказал петух.

Мое следующее воспоминание — я стою рядом с Синим Человеком перед стеклянной дверью. Он прислонился к темной стене, лицом ко мне. Свет практически ослеплял.

— Длинный тут у вас коридор, — сказал я.

— Да. Можешь уже прийти в себя?

— Это же Совершенно Секретно, да? Не Для Моих Глаз?

— Если вкратце.

Я покачал головой. Я странно себя чувствовал. Или нормально, но не мог понять, почему.

— Мне кто-то что-то дал?

— Никто тебе ничего не давал. Ты страдаешь от Перегрузки Парадигмы. Как и все, когда впервые

попадают в 51.

— 51?

— Да. Это где ты находишься. Это здесь. Теперь это твой дом, солдат. Самый Большой Секрет в Мире.

— Вы вроде сказали, мы летим в Вегас.

— Я соврал.

На миг мне даже показалось, Синий Человек надо мной прикалывается. Потом я сказал:

— Погодите.

— Что?

— Погодите.

— А, теперь увидел?

— Что? Кто? Что? Кто… посадил туда детей?

— Началось, — сказал Синий Человек.

— Какого черта они все на меня пялятся?

— Не все их видят. А когда их видишь, они замечают. Расслабься. Они до тебя не доберутся.

— Господи! Да сколько там в коридоре детей? И где, блин, их родители?

— Приглядись, Куп. Это дети?

— Они просто маленькие…

— Это дети?

— Господи, — завыл я. — Зачем вы их так сложили?

— Добро пожаловать в 51,– произнес голос Руди,

и я вскрикнул.

— Господи. — Синий Человек схватился за грудь. — У меня так инфаркт будет.

— Не волнуйся, — сказал Руди. — Он меня не слышит.

Пришельцы? Звездная пыль? Любовь? – 1972

Другая комната. Другой коротко стриженый генерал в зеленом, сидящий напротив за столом. Я уже начал привыкать.

— Пацан, тебя ждет миссия. Она опасная, она важная, от нее зависит выживание твоей страны.

— А если у меня не получится?

— Поражение — не вариант. Мы — армия, а не почта. Мы созданы не ради поражений.

— А почта создана?

— Не суть. Погоди. — Он ткнул красную кнопку на интеркоме и сказал: — Сюда не звонить.

Сложил руки на столе и посмотрел прямо на меня.

— Сынок. Мы говорим об инопланетных вторжениях.

— Да?

— Соображай, пацан. Нам нужно, чтобы у тебя варил котелок. Любишь Орсона Уэллса?

Через пару секунд я ответил:

— Мне нравится… «Кейн». «Эмберсоны» были

так себе.

— Ах да — ты же из телепоколения «Пепси».

— Нет, у нас был курс киноведения в…

— Пацан, никого не волнует твоя успеваемость.

Ладно. У каждого человека есть предел. Предел, в который рано или поздно упираешься, даже не зная, что он есть. И здесь был мой предел.

— Генерал. Можно говорить откровенно?

— Конечно.

— У меня есть предложение. Давайте, скажем… вы больше меня не оскорбляете. А я не ломаю вам мизинец. — Я улыбнулся.

Мы смотрели друг другу в глаза долгие десять секунд.

Я понимал, что рискую. Генерал наверняка знал, на что я способен. Единственное, в чем я не был уверен, — насколько я нужен генералу. Но пришел к выводу, что они уже немало потрудились, чтобы заручиться моим участием. И, очевидно, я птица очень редкая, важная для особой миссии. Я решил, что и вести себя пора соответствующе.

Генерал ткнул в красную кнопку на интеркоме мизинцем. Тем, что с кольцом с красным камнем.

— Воды, — тихо произнес он.

Внезапно дверь раскрылась и вошел большой солдат с флягой. Протянул зеленый диск в материи генералу.

— Ему. — Генерал кивнул в мою сторону.

Не буду пить, подумал я.

Плечистый солдат вежливо предложил воду мне, а когда я наконец протянул руку, врезал флягой в лицо, вышибив из стула через всю комнату.

(Так, говорит Бомба. Обожаю рассказывать этот момент.)

Куп медленно поднялся, как фулбек «Олл-Стар Кливленд» Джим Браун после каждого раза, когда его сваливали на поле. Пять ярдов. Десять ярдов. Двадцать ярдов. Двое противников. Трое. Четверо. Без разницы. Джим Браун всегда вставал одинаково — будто ему скучно. Типа — «что, и это все?» Чтобы не было понятно, больно ли ему, устал ли он, или контужен, или просто переводит дух после тяжелой работенки. Куп тряхнул головой — кровь затекала в левый глаз. Он улыбнулся.

И вот в чем штука: когда Куп улыбается, всем на душе приятно. И дальше обычно следует смех. Но когда смех не следует, люди поумнее поступают одинаково: бегут. Для того, что будет дальше, за-

держиваться не захочется. Я еще не видел, чтобы он проигрывал в драке.

Сломав солдату руку, Куп извинился и медленно проводил его до двери.

Сел обратно напротив генерала с таким видом, будто боролся со сном во время длинной лекции.

— Короче. Орсон Уэллс. «Война миров». Паника. О чем вы там рассказывали?

Генерал несколько раз кивнул. После этого он уже не тыкал мизинцем в интерком.

— В общем, мы придумали инопланетное вторжение.

— Зачем вы придумали инопланетное вторжение?

— Чтобы скрыть кое-что похуже.

— Ясно.

— Ясно?

— Ясно. — Долгая пауза. — Здесь вы объясняете подробно, сэр.

Генерал зыркнул на Купа.

— Ох, черт. Ладно. Начнем издалека. Вся жизнь на Земле — это инопланетное вторжение.

— Ясно. В смысле, что…

— Да. Вся.

— А. Ага. Да. Я… Я… — Потом Куп просто раскрыл рот, как в кинокадре на паузе. Потом закрыл

рот. — Звездная пыль?

— Звездная пыль. Более-менее.

— Звездная пыль, — повторил Куп. — Ладно, верю.

— На самом деле мы практически уверены, что в основном человечество — это инопланетная идея.

— Инопланетная идея?

— Да. Позднее прибытие. Что-то чужеродное. Что-то вирусное.

— Что — «что-то»?

— Совершенно секретно.

— Ой, ну хватит уже.

— Я серьезно.

— Генерал.

— Ты не можешь просто так ввалиться и…

— Эй! Меня вообще-то пригласили, не забыли?

— К тому же это на два уровня выше твоего допуска.

— Да идите вы со своими уровнями! Что мне теперь, тайное рукопожатие еще учить скажете? Пустить кровь на особой церемонии?

— Мистер Куп?

— Да?

— Можно звать вас Уинстон?

— Не хотелось бы.

— Уинстон, мы говорим о безопасности Америки. Может, сбавите обороты?

— Это любовь, — сказал Руди.

— Это любовь? — спросил Куп.

Генерал посмотрел на него, потом начал массировать глаза.

— Любовь, да? — повторил Куп.

Генерал медленно вытер длинными пальцами лоб. Потом нажал на кнопку интеркома и рявкнул:

— Подать разрешение на допуск первого и второго уровня!

Последовала заметная пауза. Потом высокий голос ответил:

— Я не знаю, где они у нас лежат, генерал.

— Это Кларенс? Позовите Кларенса.

— Это сержант Скотт, сэр. У Кларенса грипп. Я таких бумаг даже в глаза не видел.

— Скотт?

— Да, сэр?

— Ты не знаешь, где Кларенс хранит разрешение на допуск?

Куп поднял палец.

— Кажется, я вижу проблему, — сказал он.

— Пасть заткни! — рявкнул генерал. — Скотт. Сержант. Это имя или фамилия?

— И то и другое, сэр.

— Ты, сука, прикалываешься?

— Нет, сэр. В основном меня зовут Скотти.

Куп подпер голову ладонью на манер Джека Бенни, пожал плечами и сказал:

— Звучит приятно.

Генерал оскалился, схватил трубку и развернулся на кресле спиной к Купу, который воспользовался моментом, чтобы поморщиться и вытереть ладонью кровь с глаз.

— Посмотри под буквой «Т» в моей зеленой папке, — шептал генерал. — Или «С».

Куп громко зевнул.

— Да уж. Все у вас работает как часы.

Потом улыбнулся и рассмеялся. И Руди подхватил.

Что сказать Папе Римскому? – 1972

Это была белая комната.

В ней стояли два стула.

На одном сидел я и ждал. Я еще привыкал к синему костюму — моей новой униформе. Кто-то сунул мне в лацкан белую розу, и пахло от нее, словно она протухла.

Вошел ВД, как монашка на колесах. Тогда я впервые увидел, как они двигаются. Он безмолвно проплыл к своему стулу и сел.

Мы смотрели друг на друга.

Не знаю, чего я ожидал. Но точно не воссоединения. Уже скоро я знал, что это не какой-то незнакомец. Что я уже когда-то знал это существо. Что между нами что-то есть. Знал это и он.

— Здравствуй, Брат, — сказал он.

— Привет.

— Не помнишь меня?

— Нет.

— Говорят, ты профессионал.

— Величайшее Доверие. Высшие Уровни.

— Именно. Но они не знают о нас с тобой.

— И что они не знают о нас с тобой?

— У нас один день рождения.

— Ты читал мое досье?

— Нет. 16 июля 1945 года.

— Я родился через несколько месяцев.

— Приблизительно через девять.

— Приблизительно.

— Это день, когда мы поистине появились на свет. И однажды, Брат, мы снова будем едины.

— Я-а-а-а-а… вообще не въезжаю, о чем ты.

— Это пока. Хочешь встретиться с Сестрой Хвост?

Открылась дверь, и в комнату заползла гигантская белая змея. Я боялся сдвинуться с места, пока она не подобралась ко мне и не издала громкий вздох.

— Она тебя не тронет, если ты не тронешь меня. Вообще-то она по тебе скучает. Мы очень долго тебя ждали.

Когда-то я сидел рядом с бешеными быками, разминавшими мышцы в туннеле перед тем, как вырываться на родео; меня ужасали каждый стук копыта и фырканье. Но после первого шока это чудовище, этот потрясающий питон-альбинос, почему-то показался нормальным, даже обыденным — безобидным, как новорожденный

котенок. От змеи сладко пахло. Я задался вопросом, каково на ней кататься.

— Можешь погладить, — сказал ВД.

Я опускал левую руку, пока не коснулся влажной гладкой шкуры. Я не чувствовал страха. Пригладил — и она как будто заурчала. Странно: в одну сторону шкура идеально гладкая, но в другую — грубая, как наждак.

Старый ВД рассмеялся.

— Каким хочешь меня видеть?

Странный вопрос.

— Каким есть?

— Ну. Это сложно. Я могу предстать только таким, каким тебе больше всего нужно.

— Правда? А каким ты видишь меня?

— Высоким человеком. С сильным загаром.

Я рассмеялся.

— Значит, ты видел других, как я?

— Брат. Других, как ты, нет.

— Ладно. Мне ты кажешься карликовым священником в мешковатом балахоне. Тебе… нравится такой вид?

— Если так угодно тебе.

— Мне все равно. А она?..

— Да?

— Она всегда такая?

— Боюсь, да.

Я рассмеялся.

— Почему мне здесь так чертовски комфортно?

— В смысле — с нами? Я думал, уже очевидно. Мы семья. Мне объяснить?

— Пожалуйста.

— Нас трое. Однажды мы станем едины. Мы — случайность. Нас перепутали. Разделили.

— Перепутали?

— Потому что мы родились порознь. И потому что ты и человек, и нет. Слава Матери Гаджет.

Какое-то время я молчал.

— Понимаешь, Брат, я — Голова. Дрессировщик. Визионер. Мои глаза всегда открыты. Для всех возможностей. Я вижу тонкости, настроения, угрозы. Я оцениваю стратегические и тактические возможности. Еще я четко вижу добро и зло. Ничего не могу с этим поделать. Данные поступают — и я компилирую, сравниваю, делаю выводы. Такова моя работа. Угадывать будущее. Мой инструмент — логика.

А вот она… — он показал рукой на змею, — …создана быть Солдатом. Пуповиной жизни. Бичом. Громилой. Она все время настороже. Но, увы, она сломлена. Ограничена. Когда нас разлучили, ее сделали… как вы это называете?

— Инвалидом?

— Сойдет. Она подавлена. Зациклена на одном призвании. Туго стянута, чтобы наносить удар по первому слову. О, ее очень просто направлять. Но уж ты-то должен знать, что солдат — это больше, чем его оружие. У тебя уже есть мастерство забвения, да?

Я кивнул.

— Кто тебя научил?

— Мой друг.

— Могу я увидеть этого… друга?

— Нет.

— Значит, он не хочет, чтобы его видели. Этого… личного обучения еще никогда не случалось. Я имею в виду, все мы делимся знаниями. Но абстрактными. Для приложения к технологиям. Понимаешь? Почему он тебя научил?

Я пожал плечами.

— Я его попросил.

Его это как будто обрадовало.

— Попросил?

— Да.

— Значит, ты очень и очень уникален. Тебя готовили в солдаты, а значит, ты знаешь, что лучшая защита — чтобы тебя не видели. Камуфляж. Анонимность. Если забираешь чужие воспоми-

нания, ты невидим. Это прекрасный камуфляж для солдата. Но, мой дорогой, давно утраченный брат, я знаю, что ты больше, чем солдат.

— Правда?

— Да. В душе ты Навигатор. Где бы ты ни был, ты знаешь три вещи: выход. Вход. И где ты находишься. Если знаешь эти три вещи, тебя нельзя поймать. Твой дар и твой талант — понимать несказанное. Проявлять эмпатию. И анализировать. И помнить. Помнить все.

— У меня и правда хорошая память.

— И, как мне сказали, дар к языкам.

— Да. Я знаю тридцать три.

Он улыбнулся.

— Тридцать четыре.

— Не понял?

Змея пророкотала от смеха.

— Ты знал, что сейчас я разговариваю с тобой не по-английски?

— Не по-английски?

— Нет. Наверное, было бы очевидней, если бы я говорил ртом. Я говорю на своем языке. Языке, с которым я родился.

— Я слышу английский.

— Да. Потому что ты Навигатор. Все данные имеют значение. Полезны. Переводимы. Пони-

маешь, все ВД одинаковы. Это команды по трое: навигатор. Визионер. Солдат.

— Я же не ВД.

— О нет. Ты довольно-таки человек. И очень особенный. Добро пожаловать домой, Брат. Мы ждали тебя очень, очень долго.

Змея заурчала. Папа усмехнулся.

Я должен был быть в ужасе.

Но на самом деле наслаждался.

Задумался, куда же делся Руди.

— А теперь, когда мы вместе, мы наконец можем составить план.

Планов оказалось два: его и мой. Мой — спасти мир. А его — освободить свой народ.

Черный президент – 2012

Каждый год, как по часам, ровно в один и тот же день и в одно и то же время ритуал повторялся.

Через час молчания черный президент посмотрел на свой «Йорг Грей JG6500 Хронограф» с щитом Секретной службы на циферблате — подарок, купленный вскладчину агентами, охранявшими его со времен первой кампании. Его характер произвел на команду такое впечатление, что на сорок шестой день рождения ему с почестями преподнесли эти часы. Хотя выглядели они, будто стоили целое состояние, на самом деле эту надежную, но скромную модель можно было найти за 300 долларов. У шести людей за его спиной были такие же.

— Мы закончили? — спросил президент.

Не желая прерывать молчание, Белые Напольные Часы и Человек В Синем Костюме поклонились, как перед королем. Черный пожал Купу руку, не удостоив вниманием антиквариат.

Президент забрал с белого стола вареное яйцо и изящно выпрямился во весь рост. Ловко передал его женщине с чемоданом и вышел широкими

шагами и с высоко поднятой головой — лицо бесстрастно, взгляд отстраненный, словно он молодой, куда моложе своих лет, и вынужден терпеть очередное несправедливое тюремное заключение, не стыдясь и не удивляясь, но и не собираясь уделять ему ни малейшей доли времени своего истинного «Я».

Отведи меня в цирк – 1972 – Руди

Где-то по дороге в Канзас Руди рассказал мне с Купом про Аляску.

После своего побега я на время скрылся. Год? Десять? Пятнадцать? Время — это человеческая штука. Не наша. И у нас нет вашего Сока Времени, чтобы оно исчезало.

— Сок Времени? — переспросил Куп.

Бухло. «Бад». Бордо.

— А. И куда ты скрылся? — спросил я.

Аляска. Можно придумать и что похуже, чем потеряться на Аляске. Если не имеешь ничего против холода, — а я не имею, — там вообще-то довольно красиво.

Когда я хочу, могу перемещаться очень быстро. Я нашел местечко на севере. Далеко-далеко на севере. Где единственной компанией были колоши? Хуна? Тлинкиты. А, знаете? Коренное племя, которое теперь зарабатывает на отдыхающих белых. Вы истребили многих из них. Да? Нет?

— Не я лично.

А. Очевидно, ты не помнишь.

На год я забыл, кто я. Кормился от горных коз.

То есть, другими словами, слушал их тупой напев голода.

СЮДА! СЮДА! ВСЯ ЕДА ЗДЕСЬ!

Они такие проворные и такие глупые.

Но нашел я и красоту.

Не знаю, что такое красота для вас. Для меня это был хребет. На осыпающемся сером утесе, заросшем пятнадцатисантиметровым ковром упругой зеленой тундры. Когда по ней пробегают козы, то есть редко, она делает «кш-ш». Я видел на сто километров в любую сторону. Ветер, когда налетал, находил в осыпающейся скале щелки и свистел. И вот там, где-то в двух сотнях километров южнее Полярного круга, я обрел истинный покой. Другими словами, уединение. Мимо неслись облака, роняя синие завесы дождя. Почва слишком скалистая, чтобы деревья могли пустить корни. Осыпающаяся скала меняет цвет весь день напролет.

Я будто каждый час жил на разных планетах. Видели «Желтую подводную лодку»?

— Конечно, — сказал я.

— Цвета.

— Психоделические цвета? На Аляске-то?

— У тебя нет кабельного?

— Иди ты.

Когда ты настолько один, узнаешь о себе многое. Узнаешь, что тебе нужно. Я жалел людей, которым нужна еда и вода. Мне нужны только чувства — я мог прожить на скудной диете из козьего томления, козьего голода, которые примерно одинаковы. Они приходили и смотрели на меня, слишком тупые, чтобы испугаться; со зрачками поперек глаза.

ЧТО ТЫ? — спрашивали они.

Я забытый друг.

ТЫ ГОЛОДНЫЙ? ЕШЬ.

Забываемые не едят. Спасибо, мне и так хорошо.

СЕГОДНЯ ХОРОШАЯ ПОГОДА.

Да.

И ВЕТЕР.

Да.

ЛЕГКО УЧУЯТЬ ЕДУ.

Да.

КТО ТЕБЯ ЗАБЫЛ?

Долгая пауза, когда я заметил в километре ниже озеро, серое, как сланец.

Мальчик.

ЧЕЛОВЕК?

Да.

МЫ ВИДИМ ЛЮДЕЙ. ОНИ РАЗЖИГАЮТ КОСТРЫ

У ОЗЕРА.

У того? — я показал.

ДА. МОЖЕТ, ТВОЙ МАЛЬЧИК ТАМ?

Нет. Он уже мужчина. А может, привидение.

ЕСЛИ СТОЯТЬ НЕПОДВИЖНО, ЛЮДИ ТЕБЯ ЗАБЫВАЮТ. ТЫ СТОЯЛ НЕПОДВИЖНО?

Нет.

ПОЕШЬ?

Нет, спасибо.

ЕДЫ МНОГО.

Я ничего не ответил.

ЧЕЛОВЕКИ ЕДЯТ. ТЫ НЕ ЧЕЛОВЕК.

Нет.

МЕРТВЫЙ ЧЕЛОВЕК. ПРИВИДЕНИЕ?

Вы их часто видите, да?

НЕТ. МАМЫ РАССКАЗЫВАЮТ.

Хотелось рассмеяться. Нет. Я не привидение.

ТЫ НОВЫЙ.

К тому времени вокруг собралось уже все стадо, голов двенадцать, разглядывая меня своими темными глазами, шипя и фыркая.

Да, я новый.

Один из тех, что помоложе, подошел бочком и уронил что-то к моему свернутому хвосту. Оранжевый цветок.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, — сказал он тоненьким

голоском.

После столь многих пустых дней их доброта начала причинять боль, так что я встал, махнул хвостом и сказал: «Забудьте меня».

Это сильная фраза, потому что она — полная противоположность всего, что мы хотим.

Малыш покачал головой. Его глазки и крошечные бугорки рожек — все черное. Он посмотрел на цветок у ног с таким звуком, будто только сейчас его обнаружил. Понемногу, пока мой аромат кормил их крошечные умы, они начали разворачиваться, один за другим, и медленно уходить вниз, в пропасть, верными акробатическими шажками, коротенькими прыжками, но никогда не опасными; их копыта цокали о камни и находили опоры там, где никто другой бы искать не рискнул.

Я посмотрел на оставленный цветок, их подарок. И подумал о людях, живших у озера. Охотники? Туристы? Отшельники? Может, стоит узнать.

Я подхватил цветок хвостом и положил в свою головную чашу. И проглотил.

Если бы я рассказал, что случилось дальше, вы бы не поверили. Приняли бы за дурацкий анекдот.

«Три клоуна в отпуске сидят пьяные у камина в хижине южнее Полярного круга. Тут в дверь стучится лев».

Видите?

В хижине – 1972 – Руди

С моего козьего пика хижина выглядела крошечной и серой — из таких, где ночуют охотники, когда целый день проблуждают по тундре в поисках медведей, лосей, волков. Но за час, пока я приближался к ней, она выросла. Это оказался охотничий дом — старинный, в сосновом бору, окаймляющем голубое озеро. Махина, растрепанный зверь, отдыхающий в ожидании последнего издыхания. Я услышал разговор мужчин еще до того, как приблизился.

— Она нежная. Любит меня больше всех.

— Она любит всех, кто говорит волшебное слово.

— Иди сюда, милая. Посмотри на мое лицо.

— Она у нас хорошая киска.

И так далее.

Подглядывая в окно, я увидел цену, которую видел сотню раз в 51. Всегда — за закрытыми дверями. Всегда — под видом науки. Всегда — кончавшуюся хлопком. Из-за этого я и рискнул всем, чтобы сбежать.

Спасать сестру было уже поздно. Она была зна-

комой лужицей на деревянном полу.

Когда мужчины очнулись, они были привязаны к трем деревянным стульям под люстрой из рогов карибу. На них были наручники, провода, даже изолента. Они были мастерами своего дела. И сразу поняли, что у них нет надежды выбраться. Они меня хорошо научили.

Какое-то время я дал им помариноваться, разжигая огонь в большом каменном камине у них за спинами.

Охотничий дом был роскошным. Кресла — бордовая кожа. Огромная кухня со столовыми приборами из нержавейки. Я несколько минут открывал и закрывал дверь большого холодильника: смотрел на свое истинное отражение, а потом чувствовал, как обдает ледяным воздухом. Я нашел, где они держали Сок Времени. Дал им почувствовать запахи, пока сжигал их запасы в камине и опустошал бутылки в раковину. Они сидели лицом от огня и ничего не видели. Думаю, какое-то время они принимали меня за человека.

— У нас есть деньги. Освободи — и мы скажем, где.

— От нас не будет неприятностей.

— Бери все, что нужно. Мы не будем сопротив-

ляться.

Я позволял им слушать, что я делал за их спинами. Собирал дерево. Разжигал растопку. Раздувал пламя. Я знал: мое молчание их пугает.

Прождал я, наверное, не меньше часа, и наконец заговорил у них в разуме.

— Кто главный?

Тогда они и поняли. И как чудесно было видеть всплеск их страха. Нас питают любые эмоции. У одних вкус сильнее, чем у других. Страх — сладкий.

— Я самый старший, — сказал наконец один.

— Знаю, — сказал я.

— Рэли? — спросил другой.

— Я не Рэли.

— Ты добрый друг. «Моя шери амур» [26],– сказал старший.

— Неплохая попытка.

— «Куда ушла наша любовь?» [27] — спросил третий.

— А-а, — сказал я. — По классике пошли.

Второй:

---

[26] Сноски: 26
My Cherie Amour, Stevie Wonder, 1969.

[27] Сноски: 27
Where Did Our Love Go, The Supremes, 1964.

— «Я плачу слезами клоуна» [28].

Третий:

— «Не слишком горд, чтобы просить» [29].

Старший:

— «Пожалуйста, господин почтальон» [30].

Какая красота. Видеть их сзади. Трое взрослых мужчин, привязанные к стульям и лепечущие песни «Мотауна». Тайный код, который их никогда не подводил, когда они делали грязную работу на базе. Все маленькие ВД млели от утешающих незрелых сантиментов, подростковых обещаний восторга, медленных танцев и нежной преданности. Мы легко ведемся. Ведь это все, чего мы хотели от наших детей. И они это знали. Так что дергали за ручку джекпота снова и снова, пока мы не давали все, что они хотели. Все. Что. Они. Хотели.

— Со мной эта ерунда никогда не работала, мужики, — рассмеялся я. — Я солдат.

На этом их мотаунская болтовня живо прекратилась.

---

[28] Сноски: 28
Tears of a Clown, Smokey Robinson & The Miracles, 1967.

[29] Сноски: 29
Ain't Too Proud to Beg, The Temptations, 1966.

[30] Сноски: 30
Please Mr. Postman, The Marvelettes, 1961.

— Итак. У нас тут братство клоунов. А вы — святая троица.

— Мы в отставке. Не работали там уже много лет.

— Знаю. Я там был.

Тогда один уже не смог удержаться, и его правая нога начала отбивать на марокканском ковре двойной ритм.

— Прекрати! — зашипел один своему трепещущему брату.

— Итак, — повторил я. — Кто сейчас главный?

— Никто.

— Заткнись! — сказал старший.

— Никто? — повторил я.

— Папа.

— Ой, хватит.

— Мы проводим собеседования с кандидатами.

— Хммм. И есть хорошие варианты?

— Мы не можем тебе сказать! — ответил один с деланным возмущением. — Это же секрет.

— Ничего себе. Секрет.

— Что тебе от нас нужно?

— Пара имен — для начала.

— Куп! — завизжал дрожащий, и я убил его быстро и смотрел, какой эффект это произвело на оставшихся двух.

— Имя? — спросил я.

— Уинстон! Офицер разведки. В отпуске после Вьетнама. Хороший человек. С наградами.

— Заткнись, идиот. Он же над нами издевается.

— И где я могу его найти?

— Детройт. Госпиталь для ветеранов. Он там просыхает.

— Хмммммм. И чем он такой хороший кандидат?

— Он убийца, — сказал старший. — Его послужной список длиннее, чем твой хвост.

— Не провоцируй его!

— Уже неважно, — сказал старик. — Ты что, не понимаешь, что ты уже труп?

Тогда я убил второго.

— Теперь понимает, — сказал я.

Я прервался на пару минут, чтобы он насмотрелся на тела.

— Что, дар речи потерял?

— Значит, ты Руди, — сказал старик. Он был выше остальных, поэтому казалось логичным посадить его на средний стул. Мне вспомнился Христос, распятый между двумя ворами. — Я о тебе слышал. Тебя мы так и не поймали. Умный. Зато нашли твою сестру.

— Нет. На прошлой неделе я ее освободил. Теперь она на нашей стороне.

Тут-то он и притих. Ох, как же мне было весело.

— Но серьезно, церковь? Ребят. Вы думали, я не найду ее в подвале Святой Агаты? Святой покровительницы кормилиц, пекарей и землетрясений? Агата все успела, да?

Рэли провела в плену уже много лет, когда я наконец ее нашел. Кто-то немало заплатил, чтобы ее спрятать. Может, этот высокий, с аристократическими повадками? Может, он банкир.

Он напоминал кого-то из другой эпохи — этот человек в рубашке «Хэтэуэй». Седина. Тонкие усики. Я свернул хвост на его шее и чуть придушил.

— Итак, этот самый Уинстон Куп. Расскажи о нем.

— Пошел ты.

Тогда я показал ему себя.

Дал насмотреться хорошенько.

И потом заставил его говорить.

И потом растерзал.

Волшебные места – 2018

Я помню, как мы сидели у меня, попивали из белых чашек за журнальным столиком.

— Ты как? — спросил Куп.

— Дежавю, — ответил я, нахмурившись.

— В твоей собственной гостиной? — спросил Куп.

— Сам удивляюсь.

— У меня такое было. Никогда не чувствовал, что тебя куда-нибудь притягивает? А когда наконец там оказываешься, чувствуешь себя на своем месте? Будто ты как дома, в безопасности и…

— Да.

— Где это было?

Я закрыл глаза и увидел бело-серую воду, петляющую через тенистые ели, журчащую по камням на отмелях: река в Северном Мичигане.

— Река О Сейбл, — сказал я.

— Там жил Хемингуэй.

— Рядом. Но у меня там было особое место, куда я ходил на рыбалку с папой. Я сидел на берегу. Вода напоминала мятую жесть и как бы сочилась сквозь камни — быстро, но все-таки не слишком

быстро. Мне даже рыбачить было необязательно. И так мог сидеть там часами. Слушать, как шепчет река. Рисовать.

— Думаю, на земле бывают такие места, — сказал Куп. — Может, там жили наши предки, или благословляли. Может, захоронения. Или священные уголки, где потерянные обретали утешение или видение. А может, дверь. Думаю, вот что такое для них Выход. Их Земля Обетованная.

— После смерти Кейти я перестал верить в такие вещи.

— Ты впервые назвал ее по имени.

— Просто, знаешь, это чересчур. Лучше бы я жил в равнодушной вселенной, чем в цирке, где заправляют безумные непредсказуемые клоуны.

— Я тебя понимаю. И все-таки, — он улыбнулся, — нам нужны яйца.

Я сухо рассмеялся.

— Странный мир. Как мы снова столкнулись после стольких лет. Прикинь, какова вероятность?

Куп услышал в моем голосе что-то, что ему не понравилось, и нахмурился. Я посмотрел на него с каменным лицом.

— Почти астрономическая.

— Я этого не подстроил, если ты на это намекаешь.

— Не знаю — не знаю. Ты хороший охотник, Куп. Очевидно, поймал всех, кого искал. А ведь они при этом прятались.

— Да я в последний раз о тебе слышал, когда ты еще жил в Лос-Анджелесе! Откуда мне было знать, что ты вернулся в Детройт?

— Уверен, есть методы.

— Так, погоди-ка, Бомба.

— Забавно, ты тут говоришь о яйцах. Когда-нибудь участвовал в охоте на пасхальные яйца?

— А?

— Мы — да. К нам на Пасху съезжались все кузены. Папе очень нравилось находить места, где прятать детские корзинки. Никогда не видел, чтобы еще что-нибудь в церкви нравилось ему так же. Но вот этот ритуал он обожал. Прятать цветные вареные яйца — прям его любимое. Маленькие радужные подарки, разбросанные по всему дому. И детишки всюду верещат: нашел! Откусывали головы шоколадным кроликам. И шершавый желтый сахар маршмэллоу «Пипс», который взрывался во рту. — Он скривился. — Знаю-знаю, эта католическая фигня тебе непонятна.

— Есть малость, — признал Куп.

— Но однажды, где-то через неделю после Пас-

хи, в гостиной что-то стало вонять. Оказалось, протухло яйцо, которое папа спрятал в абажуре. Его никто не нашел, а сам он забыл. Ярко-желтое яйцо, побуревшее от близости лампочки.

Я сделал долгий глоток кофе.

— Так вот чем-то попахивает, Куп.

Человек со множеством языком помалкивал.

— Не хочешь рассказать, старина? Старый друг? Не хочешь прекратить врать?

После долгой-долгой паузы Куп ответил:

— Ладно.

— Ладно?

— Ладно, — Куп сглотнул. — Я прихожу к тебе не в первый раз, Бомба.

Прошлый раз – 2007

Была очередная холодная весна в Лос-Анджелесе. Над голыми деревьями в лесу рядом с домом Паньюкко кружили на фоне белого неба вороны — каркали во всю глотку. Явно пытались запугать какого-то хищника внизу — койота?

Куп постучался в заднюю дверь.

Бомба узнал его высокий черный силуэт.

Какая-то слезливая история о том, что за ним гонятся клоуны. Бомба поверил, потому что Бомба — это Бомба. Худший игрок в покер на всей базе.

— Тебя очень сложно найти, — признался Куп.

— Из-за псевдонима?

Куп кивнул.

— Поздравляю, Милтон.

— Ну, все-таки двадцать три года помогало, — с гордостью сказал Бомба. Не каждый может спрятаться от Уинстона Купа.

Уинстон улыбнулся.

Они сидели в гостиной и беседовали за кофе. Бомба заварил две чашки и поставил на столик между ними. Просто два приятеля, вспоминают старое. Да?

— Побольше сливок.

— Точно! — Куп рассмеялся. — Ты помнишь! Ну надо же!

Потом Куп обратил внимание, что из чашки Бомбы поднимается торнадо пара.

— Видел? Ты присмотрись поближе.

Бомба принюхался к аромату и заглянул в насыщенно-темный колодец. И правда — торнадо.

— Вау! Да, наверное, и правда похоже на торнадо.

— Смотри-смотри. Когда-нибудь видел настоящий торнадо?

— Нет. Но по телевизору они намного больше.

— Ну конечно. А видел, что торнадо становится белого цвета только на секунду перед тем, как развеяться?

— Да.

— Скажи: «Развейся».

— Развейся.

— Повтори.

— Развейся.

— Приятное слово, да?

— Еще бы.

— Сейчас будет важный момент, Бомба. Так что слушай внимательно. Когда этот пар исчезнет, ты забудешь все, что знал о 51.

— Все?

— Знаю. Забывать придется много, да? Ты забудешь всех, кого встречал. Все, что там делал. Все разговоры. Каждый день и каждый год. Это засекречено. Знаешь, что значит «засекречено», да?

— Да. Высшие Уровни. Величайшее Доверие.

— Вот именно. Помнишь. Молодец. Но ты же знаешь, что значит «Только Для Глаз»?

— Да. Это значит, что видеть могут только конкретные люди. Видео. Документы. Активы.

— Расслабься, Бомба. Ничего плохого не случится. Ты соблюдал все правила.

— Не все, — сказал Бомба. У него задрожал подбородок.

— Если вкратце. Не расстраивайся. Ты был хорошим алтарным служкой. Но отныне 51 — Только Для Глаз. У тебя нет доступа. Ты считай что слепой и глухой. Не переживай. Доступ есть у других. Информация защищена. Ты освобождаешься от этой ноши.

— Фух. — Бомба громко выдохнул. — Спасибо! Было тяжело.

— Не сомневаюсь. Похоже, теперь ты расслабился.

— Да.

— Никаких забот.

— Не-а.

— Это хорошо. Потому что, прости, но сегодня я принес плохие новости.

— Плохие?

— Ты попал в аварию, Бомба. Ты больше не можешь работать, потому что потерял память. Ты ударился головой. Не волнуйся — ты чудесным образом оправился. Все в порядке. Физически ты здоров. Просто жизнь у тебя будет ограниченней.

— А где моя жена?

(Да, этого я и сам не понял, Бомба. Но почему-то под гипнозом ты решил, будто Кейти — твоя жена. Меня не спрашивай. Я просто подыгрывал.)

— Жаль сообщить, но она погибла в аварии.

Паньюкко издал звук.

— Но зато погибла мгновенно. Не чувствовала боли. За это тоже стоит быть благодарным. Ты благодарен?

— Наверное, — сказал Бомба сквозь слезы. — Это было ДТП?

— Да. Больше никто не пострадал.

— Это хорошо. Это я ее убил?

— Нет! Завязывай со своими католическими замашками! Никто не виноват. Кейти умерла. И не страдала. Сейчас она покоится с миром. Больше никто не причинит ей боль.

— Это хорошо.

— Ты привыкнешь, понял? Немножко пострадаешь. И потом будешь жить дальше. Ты не единственный на свете, кто терял любимого. Люди умирают каждый день. Бывает. Люди живут дальше. И ты будешь жить дальше.

— Сомневаюсь.

— Нет, все будет в порядке. Поверь. Ты уже сейчас чувствуешь, как боль понемногу проходит. Стоит ее принять, как она становится все меньше и меньше. И однажды перестанет болеть совсем. Хотя ладно, это я уже… перебрал, но когда-нибудь случится что-то в этом роде. Ты станешь больше. Вырастешь. Станешь таким старым и большим, что уместишь в себе эту боль. Она тебя не уничтожит, ты понял? Ты сильный. Тебя нельзя уничтожить. О, скучать ты будешь, да. Это естественно. Но будешь жить дальше. Найдешь новую работу. Может, даже кого-нибудь еще.

— Никогда.

— Что ж, я знаю, что ты чувствуешь сейчас, Бомба. Но, понимаешь, если будешь жить дальше, если проявишь интерес или даже влечение к кому-то еще, для Кейти это не будет оскорблением или предательством.

— Нет?

— Нет. Сейчас самое важное — жить дальше. Она бы этого хотела. Кейти бы хотела, чтобы ты оправился и исцелился. И так и будет. День за днем.

— Ладно.

— Смелость менять то, что можешь.

— Спокойствие, чтобы принять то, что не могу.

— И мудрость, чтобы видеть разницу [31]. Вот именно, Бомба. Уже хорошо, ты понял. Все будет нормально. Знаешь, что бы я сделал на твоем месте?

— Что?

— Я бы увлекся снимками. Фотографией. У тебя же всегда был талант. И отныне с каждой фотографией тебе будет чуточку лучше. Ты заметишь разницу. Как и остальные. И прошлое больше не будет тебя ранить так, как раньше. Ты будешь жить дальше.

— Буду жить дальше.

— Будешь жить дальше. Я бы вообще переехал в Детройт. Там в автомобильной рекламе много вакансий для фотографов. И никто не ожидает, что ты вернешься домой.

— Вернешься домой. Ладно.

---

[31] Сноски: 31

Слова молитвы, которая традиционно используется в Обществе анонимных алкоголиков. — *Прим. ред.*

— Бомба. Ты как город, или штат, или страна после природного бедствия — торнадо, да? Что делают, когда торнадо все разрушают?

— Перестраиваются.

— Перестраиваются. Вот и ты перестроишься. Сильнее, чем прежде, Бомба. Черт, да ты когда перестроишься, даже трещин не заметишь.

Похоже, это Бомбе понравилось. Потом он нахмурился. Потом спрятал лицо в ладонях и заплакал. Когда он поднял глаза, его нижняя губа засела под верхней. Глаза были на мокром месте.

— Можно оставить тебя?

— Конечно, Бомба. Меня ты вспомнишь. До базы.

— Ладно.

— Ладно?

— Ладно.

— Теперь скажи, Бомба. Куда ты положил синюю книгу?

— Я отдал ее для публикации.

Куп сидел с каменным лицом.

— И ее опубликовали?

— Нет. Ее украли.

— Правда? Какая жалость. Кто это был?

— Толстяк с южным акцентом. Родни. Он сказал, что он агент.

— Он оставил свой телефон или визитку?

— Нет. Но кажется, это был мошенник.

— Клоун?

— Клоун?

— Клоун с базы?

— С базы?

— 51.

На лице Бомбы отразились четыре вещи сразу.

— Ты сказал, что я должен о ней забыть.

— Ой, точно. Сказал, да? Ну. Ладно. Тогда и забудь.

Лицо Бомбы снова стало пустым.

— Посмотрим. Бомба?

— Ага.

— Сейчас я произнесу одно слово восемью способами. А потом попрошу ответить, как это слово произнес толстяк, ладно?

— Ладно.

Когда Куп нашел нужное произношение, пар от чашки кофе уже совершенно развеялся.

Тайная встреча – 1973 – Бомба

Когда я впервые увидел, как высокий человек переходит зеленую, белую и голубую линии, я так и уставился. Чем-то его большие черные конверсы, шагающие поперек всех линий, напомнили о Билле Расселе, поразительном центровом «Бостон Селтикс», — бог на площадке, лучшая работа ногами в лиге. И титулов NBA больше, чем у Майкла Джордана. Как будто тот высокий человек втайне гордился тем, что плюет на жесткие правила, которых автоматически придерживались все остальные, и расхаживает в стильном синем пиджаке с этакой еще белой розочкой на лацкане.

Потом я заметил, что солдаты подчеркнуто не обращают на него внимания, чем выдают, насколько нервничают в его присутствии. Потом — женщины, которые таяли на глазах, когда высокий человек с ними заговаривал; даже казались сраженными его вниманием. Одна покачивала ногой взад-вперед, взад-вперед.

Старый добрый Уинстон. Это было даже как-то нечестно.

Заметив меня, он воскликнул:

— Господи боже! Адам Паньюкко?!

— Привет, Куп.

— Ты когда сюда попал?

— Я здесь с шестьдесят третьего.

— Чтоб меня. Сразу после школы? И чем тут занимаешься?

— Я официальный фотограф. Составляю каталог кошек и фотографирую на бейджики. А где твой?

— Ха. Смешно. Боже, лет десять уже прошло!

— Девять.

— Значит, фотограф, а?

— Ага. А ты что делаешь?

Он пожал плечами. Очень знакомый жест.

— Командую.

— Командуешь?

— Если вкратце. Ты сейчас куда?

— На встречу.

— Я тоже. Слушай, теперь я знаю, что ты тоже здесь, и потом тебя найду, поболтаем.

— Мысль хорошая.

Конференц-зал с табличкой «Арендовано» был довольно большой. Кофе и пончики. Собралось, может, человек тридцать. Много складных стульев. Многие меня радушно приветствовали. Потом кто-то начал молитву о терпении, и ку-

ратор спросил, не хочет ли кто-нибудь чем-то поделиться.

Сзади поднялся высокий человек и сказал:

— Меня зовут Уинстон. Я алкоголик.

— Привет, Уинстон! — отозвалась группа.

— Я трезвый уже полгода. — Россыпь аплодисментов. — Просто хотел всех вас поблагодарить. — И он посмотрел на меня и улыбнулся. — Всех.

Так мы воссоединились. И так я познакомился с Кейти, его женой. Она была в отделении Медицины и Новой Физики. Капитан ВВС. Блестящая и прекрасная ученая. Раз в неделю мы ездили в закусочную в город. Рассказывали ей свои истории времен колледжа. О наших походах. Какое-то время мы все были неразлучны. Годами.

Потом Кейти влюбилась в меня, а я — в нее. Купа часто не было, и у нас появилась возможность сблизиться. Но я просто не мог. Не мог так поступить с Уинстоном. Не мог.

Она понимала. Она тоже его любила.

Однажды она встречается со мной на обеде в городе, в «Деннис». Без формы.

Говорит, уходит от Купа.

Он снова запил.

Говорит, она знает, что никогда не сможет лю-

бить меня так, как хотела бы сама, поэтому уходит из 51. Что ж, я тоже люблю Кейти, но желаю ей самого лучшего, и если это значит, что мы больше никогда не встретимся, — пусть будет так.

Она просит об одолжении, большом.

Потом открывает сумочку и показывает маленькую синюю книжицу в кожаном переплете.

— Ты не могла.

— Могла. Я хочу, чтобы ты ее опубликовал.

— Ты с ума сошла. Тебя уничтожат.

— Плевать.

— Меня убьют.

— Куп этого не допустит.

— Кейти, что это изменит?

— В каком смысле?

— 51 никуда не денется.

— Книга — это ключ.

— Ключ?

— Единственный ключ, который запрет дверь.

— Они не хотят ее запирать!

— Знаю.

— Этого даже Папа не хочет.

— Знаю.

— Куп… не такой ужасный, как ты думаешь. Он на их стороне.

— Я и не думаю, что он ужасный.

— Тогда почему от него уходишь?

Она встала и пересела на мою сторону кабинки. Сложила синюю книжицу в газету на месте рядом со мной.

— Я ухожу из 51. Я так больше не могу. И поражаюсь, что ты можешь, Бомба.

— Это моя работа. И если честно? Может, я единственная частица доброты, что у них есть в жизни. Я не могу это прекратить.

— Значит, и ты часть проблемы.

— Слушай, Кейти. Куп алкоголик. Я тоже. Когда он выйдет из запоя, он к тебе вернется.

— Пока он работает там, он не выйдет никогда. Ты разве не понимаешь? Алкоголь — единственное, что помогает ему продержаться.

Я молчал. Я ей верил.

— Если она попадет не в те руки…

— Надеюсь, что попадет. В этом и смысл, Бомба! Кто-то должен это остановить. Ты знаешь, что я права. Ты знаешь, что это не может продолжаться. Мы не можем и дальше их заставлять. Они…

— Замолчи!

— Люди. Они наши дети.

И мы сидели в тихой кабинке в прохладном оранжевом семейном ресторане в Неваде. И одно это слово было как взрыв. Обратно вынуть его

из ушей уже было нельзя. Все хорошо, пока ты исполняешь свой долг. Исполняешь приказы. Подчиняешься закону. Не сходишь с линии. Делаешь то же, что и все. А стоит задуматься, что наши счета, свет и хлеб с маслом оплачивает не цирк, не зоопарк и даже не лаборатория, а помойка для людей, — как всё, мы потеряны. Они уже не уродцы, уже не инопланетяне, уже не грибы, не зверушки, не кошки: они — создания. А мы — их создатели. Стоит увидеть их так, как уже не развидеть.

И я видел их всех. Каждый день.

Сначала было странно — видеть этих апатичных пухлых белых кошек в мягких креслах. Привязанных.

Сначала они все на одно лицо.

Черные глаза. Крылышки, как кошачьи ушки. Толстые хвосты. Безволосые белые тушки.

Потом постепенно, одного за другим, я стал их видеть.

Их глаза — бесконечных оттенков черного. Одни были в ужасе. Другие — любопытные. Кому-то грустно. Кому-то плохо. Кому-то настолько непонятно происходящее, что они сидели как умственно отсталые. Кто-то очень умный. Кто-то злой и слабый — ну, слабыми там были все.

Потом в мельчайших деталях начинали проявляться личности. Как один держал голову. Как другая сворачивала хвост. Как дрожала кожа на головных чашах, когда в разум прокрадывалось доброе воспоминание. Пол. Характер. Люди. Души.

Стоит один раз их увидеть — уже не развидишь.

Я обнаружил, что каким-то образом могу успокаивать их в разговорах. Готовить к вспышке, которая всегда их пугала (как молния).

— Привет, — говорил я, когда их усаживали. — Меня зовут Адам Паньюкко. Зовите меня Бомба. Все так зовут. Я не причиню вам вреда. Мне просто нужно вас сфотографировать. Вы же знаете, что такое фотография, да? Наверняка у вашего ребенка на тумбочке рядом с кроватью стояла фотография, да?

И каждый кивал по-своему.

И этот мой намек совершенно менял их позу. Они расслаблялись от воспоминания. Думали о своем любимом ребенке и неизбежно издавали нежный кошачий звук. И сразу становились не такими напряженными. Хвост хлестнет три раза, два, один — и вот лежит ровно.

— Я понимаю, — говорил я. — Мы все вас

помним. Все любили быть с вами. — Тогда начинались слезы. Век нет. Моргнуть нельзя. Просто бриллиант воды внизу черного овала — собирался, срывался и бежал по тонкой шейке, будто капля с бокала вина.

— Они давали вам имя? — спрашивал я.

И имена были как выключатели в темной комнате. Они шептали их у меня в разуме, я кивал и говорил:

— Хорошее имя. Рад познакомиться, _____. Я правильно произнес? Отлично. Слушай, я не причиню тебе вреда. Можешь расслабиться. Всего на секундочку ярко вспыхнет свет — это нужно для фотографии. Она будет четче. Тебе это не повредит, честное слово. Сейчас будет. Когда я нажму на эту кнопку, будет вспышка. Готов, _____?

Они чуть выпрямлялись и кивали.

Вспышка их всегда пугала.

— Спасибо! — говорил я. — Вот и все. Мы закончили. Может, еще увидимся.

И потом я выкатывал их за дверь, откуда их уже забирал солдат.

Это вся моя работа. Фотографировать. Делать удостоверения и бейджики. Поддерживать порядок. Регистрировать новый персонал и кошек.

Передергивает от мысли о том, как я их назы-

вал. Кошки.

Кейти подгадала момент идеально. На следующий день я улетал на две недели в отпуск во Флориду.

Первую неделю я сидел под солнцем у океана.

В первый день второй недели я начал делать звонки.

В последний день отпуска я отдал Родни синюю книжку.

— Можешь считать это волшебной книгой, — объяснил я. — Эти карточки и слова не просто красивые. В них заключена сила.

Никогда не забуду. Он так торжественно прижал ее к груди — как священное писание. И был самым счастливым в мире задротом, который только что раздобыл бесценную классическую коллекцию бейсбольных карточек.

В ресторане мы долго молчали. Несколько раз приходил официант, чтобы подогреть кофе.

— Бомба. Ты сказал, что можешь их отличать.

— Могу. Не понимаю, почему больше никто не может. Мне прям в глаза бросается.

— Вот почему ты так красиво рисуешь.

— Ой, прекрати.

— Но это правда. Потому что ты видишь их по-настоящему.

— Это просто рисунки, Кейт. Хобби.

— Знаю. Ты не рисуешь личности. Даже ты в это не веришь, Бомба.

Потом подошел момент, когда мы оба поняли, что сейчас все закончится. Разговор. Наше время вместе. Никто не знал, что сказать. И никто не хотел уходить. Тишина затянулась. Я обнаружил, что если смотреть только на ее очки в красной оправе, то я в безопасности. А если куда-то еще, настигали чувства.

Помню, одной из последних мыслей была: хотелось бы увидеть ее голой. Всего разок.

— Они называли тебе свои имена, — сказала она.

Я кивнул.

— Ты их помнишь?

— Имена?

— Да.

— Все?

— Да.

— Тогда их помнишь только ты, Бомба. Ты — все, что у них есть.

Признание – 2018

— Ты меня загипнотизировал?

— Да, — сказал Куп.

— Чтобы я все забыл?

— Да.

До того момента я никогда не думал, что способен на убийство. Я зажимал рот пять минут подряд. Боялся того, что скажу.

Наконец я заговорил.

— Я забрал ее у тебя… поэтому ты… забрал ее у меня.

Он кивнул.

— По крайней мере, воспоминание о ней.

Он кивнул.

— Мы даже не были вместе.

— Знаю.

— Тогда какого черта?!

— Короче. Слушай. Меня отправили найти и уничтожить карточки. Я отчитался, что все сделал. Мне приказали тебя убить. Я отчитался, что все сделал. Но вместо этого стер тебе память. Подарил тебе целую новую жизнь, в которой тебя никогда не найдут.

— Где она?

— Тебе лучше не знать.

— Мы ни разу…

— Знаю.

— Я бы не стал.

— Знаю. Ты хороший человек. Но ты подверг ее опасности.

— И в наказание ты стер мою память о ней.

— И чтобы пощадить тебя.

— Вот же ты урод, ты в курсе?

— Знаю. Прописано в должностных обязанностях.

Я сделал глубокий вдох и медленный выдох.

— Нам всем хочется думать, — начал Куп, — что мы будем тем человеком, который поступит как полагается, выйдет вперед и скажет: «Нет. Это неправильно. Так делать нельзя. Это должно прекратиться». Никто из нас не оказался хорошим человеком. Только ты и Кейти.

Куп достал из синего пиджака синюю книжицу и протянул мне. Я открывал ее с ужасно странным ощущением. Книга, которую я видел раньше, а теперь понятия не имел, что это. Я медленно открыл и начал пролистывать. Сам не знаю, чего ожидал. Но не сборник карт таро. Каждая нарисована вокруг буквы алфавита. Рисунки — черно-белые.

Карандаш и чернила. Алфавит — английский, но мудреные бестии, подробности и разбросанные всюду крошечные узоры — незнакомы; намекали на разум и воображение ребенка с мастерством художника. Чрезвычайно странное произведение искусства. Одновременно и умилительное, и безумное. И чем больше я читал, тем страшнее мне становилось. Фигуры становились узнаваемыми; как осколки детства. Старая библиотечная книжка, на которую случайно натыкаешься в детском отделении. Больше всего мне это напомнило иллюстрации к романам Чарльза Диккенса. Но с примесью шалости, будто художник знал, что хулиганит, что ему что-то сходит с рук. Иногда трехмерные буквы оплетались змеиными хвостами, намекавшими на существо за кадром. Иногда букет цветов выглядел подозрительно одушевленным, напоминая трепещущие головные чаши ВД. Как в оптических иллюзиях из детства, я встречал вазы, которые были лицами, кусты, которые были масками, дымящиеся чашки вина, тени, которые почти буквы. Силуэты крошечных кошачьих мордочек. И листья — как хрупкие крылья. Везде. Листья, как белые ушки. По страницам были разбросаны намеки на след из крошек, ведущий прочь из чащи. Страница за

страницей очаровательных и обезоруживающих картинок, которые намекали на совершенно невиданную реальность, словно каждая карта — это дверь, ведущая к двери еще глубже, а та — к другой, и так далее.

— Куп? Это мои рисунки.

— Да.

— Мои картинки. Мои карты.

— Да.

— Кейти наверняка рассказала мне о словах.

— Рассказала.

— И твоей целью было стереть с лица земли все намеки на секрет и собрать карты.

— Да.

— Тогда почему не сжег — не уничтожил?

— Слушай. Для ВД это священный текст. Слова их души. Для них слова рисуют и творят. Не забывай: ВД сами созданы из чувств, образов и слов. И что такое книга, если не это? И многие ВД заплатили жизнью, чтобы сохранить эти слова. Но еще это волшебная книга.

— Что?

— Произнесешь некоторые слова — и ВД будет тебя слушаться.

— В смысле?..

— Да.

— Этим и занимался Родни?

— И остальная мерзкая компашка уродов.

Я сглотнул комок желчи.

— Господи.

— У того жирдяя в даркнете была целая сеть распространения для своих подписчиков. Он продавал эту колоду по всему миру тем, кто заплатит больше. Я десятки лет собирал их все.

В ночи свистнула птица.

— Но это даже не главное. Помнишь, Кейти сказала, что книга — это ключ?

Я кивнул.

— Пока выход открыт, он притягивает ВД; правительство продолжает свои эксперименты, а Папа продолжает править и каждый год отпускать в Землю Обетованную новую партию.

— Как Моисей?

— Вот именно. Вот почему они хотят ее уничтожить. Это не только ключ, но и замок. Пока ты не сделал эту книжку, закрыть дверь было нельзя.

— Но разве Папа не контролирует дверь?

— Нет. Это еще один большой секрет. Контролировать ее может только человек. Не ВД. Люди ее открыли. Только люди и могут закрыть. И только при конкретных условиях. Ты годами рисовал, чтобы создать эти карты. У тебя было много вдох-

новения. Это работа Руди и Рэли.

— Не понимаю.

— Они сбежали во время аварии летающей тарелки и искали того, кто сможет помешать новому взрыву «Тринити».

И этим человеком стал я. А еще они искали ребенка, который вырастет и станет Привратником. Человека, который может стать настоящим Выходом. Человека, который закроет Дверь и отпустит ВД. Настоящим Моисеем, не фальшивым.

— Я?

— Ты. — Он постучал пальцами по синей книжице, которую я отложил на стол. — И благодаря тебе и им… теперь это не просто книга. Это ключ. Если прочитать правильные слова. В правильном порядке. Дверь запрется навсегда.

— Какие слова?

Куп открыл страницу и показал на фразу — или, лучше сказать, три фразы. Звучавшие как стихи.

— К. Д. Ш.

— «Короткий. Длинный. Широкий». Хмм. Правда? И все? Это поможет?

— Теперь ты знаешь.

— Зачем это знать *мне*?

— Потому что ты тот, кто освободит кошек. Ты тот, кто закроет дверь.

— И зачем мне это делать?

— Ты новый Привратник! Ты герой этой истории, Бомба!

— Какого черта ты несешь?

— Вот почему мы должны отнести ее Папе.

— ЧТО?

— Они так могут продолжать до бесконечности, Бомба. Ты видел, какие технологии они разработали. F-117. Умные дроны. Поверь, это только начало. Их РПМ станет настолько продвинутым, что его уже будет не остановить. Они почти до этого дошли. Давай, Паньюкко. Пора стать героем! Ворвемся и спасем мир. Освободим ВД. Закроем дверь навсегда. И всего делов.

— Да ты псих.

— Нет! Будет круто!

— Мы ворвемся в какую-то сверхсекретную правительственную военную базу… погоди. Минутку. Ты прикалываешься, да? — Я схватился за живот и засмеялся. — Так вот в чем дело — как иначе! О господи — ты не прикалываешься. Куп!

— Чего?

— «Чего»? Как мы… а знаешь, я так не думаю. Нет. Не-а. Не-а. Нет-нет-нет. Какого черта?!

— Подыши.

— Я дышу!

— Мы годами шли к этому плану, Бомба. Это отличный план. Тебе что, не нравится?

Я взорвался.

— НЕ СЧИТАЯ, ЧТО ЭТО ПОЛНАЯ ХЕРНЯ, ПЛАН ОТЛИЧНЫЙ! Мне семьдесят три. А тебе сколько?

— Столько же.

— Ну и какого черта?

— Нас никто не ожидает, Бомба!

— Да тебя в дурку надо!

— Ну, технически я и правда разговариваю с невидимыми существами.

Он увидел, что мне несмешно.

— Ладно! Так. Слушай, друг. Сделай вдох.

Я сделал несколько.

— Куп. Ты рассуждаешь, как подросток. Мы старые! — Я увидел его лицо. — Ну, не пойми меня неправильно, выглядишь-то ты отлично.

— Что-то непохоже на человека, который бросил вызов самой могущественной секретной базе правительства.

— У меня ничего не получилось!

— Нет, это я тебе помешал.

— Ну ладно, пусть. Ты мне помешал. Но посмотри на нас! Мы свое отжили, брат. Те дни остались позади. Приди в себя! Это героический бред маниакального алкаша! Порадуйся, что ты сейчас

трезвый. И отпусти.

Куп сел. Сделал глубокий вдох и выдохнул через нос.

— Отпусти, брат, — повторил я.

И казалось, я наконец достучался. Он откинулся на спинку дивана, положил на нее голову и уставился в потолок.

— Может, ты и прав. Может, это бессмысленная затея.

— Да уж поверь.

— О-о-ох черт, — сказал он. — Черт-черт-черт.

— Ну, не надо уж… не казни себя.

— О чем я только думал? Уничтожить 51! Ха! Пресечь на корню! Прикрыть лавочку! Закрыть дверь навсегда!

— Безумие.

— Безумие! — И Куп улыбнулся своей убийственной улыбкой. — Тут нужен настолько нелепый план, что его никто не ожидает. Настолько надежный, что он не может провалиться. Например — даже не знаю, — два старпера ворвутся в ворота, а ты притворяешься моим пленником.

— Ну да, — я рассмеялся. — Флаг в руки.

— Вот бы у нас был союзник, который знает все коды базы. Коды, которые открывают все двери и контрольные пункты до единого.

— Союзник?

— Тогда нам бы всего лишь понадобился самый сокровенный секрет на свете. То единственное, за чем они охотятся больше всего. То, что они ищут уже десятки лет. Книга, которая грозит самому существованию 51. Они бы все отдали, чтобы ее заполучить.

— Погоди.

— Вот бы на нашей стороне был кто-нибудь, кто может обезоружить любого охранника, открыть любую дверь и знает все секреты базы.

— Что?

— Секретное оружие! Такое мощное, что его никому не победить.

— Что? — повторил я.

— Знаешь, Руди, по-моему, он готов.

— Что-то непохоже, — раздался крошечный голосок.

— Слушай. Стоит дать ему пенделя, как Бомба дойдет до конца.

— Какой-то он хлипкий.

Хоть убей, я не мог понять, откуда звучит голос. Казалось, что у меня из-за спины. Потом — прямо рядом со мной. Я завертелся, заглянул под диван. Ничего.

— Ты привел его *сюда*? В мой дом?!

— Я мало на что влияю, Бомба. Это все его идея. — Он увидел мое лицо. — А что я могу сделать! Он всюду за мной ходит!

— Мы не разлей вода, — произнес голос.

Куп засмеялся.

Я услышал шуршание колоды карт. Затем из ниоткуда спланировала, как лист, странная игральная карта и опустилась на журнальный столик. Потом сама собой перевернулась. Валет — но не похожий ни на одного, что я видел. Масть была на совсем другом языке и с новой символикой. Я не сразу понял, что это я его и нарисовал.

— Вы неслучайно стали друзьями, — сказал Руди. — Вы подходите друг другу. Ключ и замок.

Тут засмеялся я. И, о боже, понял, что уже пропал. Движение началось. Мы попали в очередное причудливое приключение Купа. Как-то раз он опоил меня персиковым шнапсом, чтобы залезть на балки под мостом Блю-Уотер, на пятьдесят метров высоты. Зимой, сука. Однажды мы бегали голыми по центру Ферндейла в 2 ночи. Украли свечи с алтаря церкви Святой Марии. Тырили «Плейбои» в «Каннингемс». Зачинщиком всегда был он. А я всегда следовал за ним. Я никогда не чувствовал себя живее, чем когда мы вместе с ним смеялись, поймав прилив адреналина после

очередного дела. Безнадежно. У меня никогда не получалось сопротивляться историям, приколам или вызовам Купа. Но влезть в них после стольких лет? Да меня будто освободили. Будто я годами пролежал мертвым. Будто мы снова стали одной командой.

И я ему верил. После стольких лет. После всего, что он со мной сделал. Я ему верил.

Цирк – 1957 – Рэли

Вставлю это сюда.

Это диктофонная запись Рэли, которую сделал Куп: она попросила его передать запись мне. На диске с подписью черным фломастером: «История Рэли». Он включил ее где-то к западу от Флагстаффа, штат Аризона.

Это лучше всего покажет, куда мы направлялись через всю страну. Ответит на многие вопросы.

Стоит упомянуть, что у Рэли очаровательнейший детский голос с налетом французского акцента. Не спрашивайте, почему, но она напоминала Эдит Пиаф.

Ладно. «Запуск».

Я помню все. Помню даже до того, как там оказалась.

Много лет у этого не было имени.

Вы не понимаете, как мы воспринимаем время, поэтому и не представляете: мы провели там вечность. Дольше, чем ожидание, когда нас позовет наш ребенок.

Они это звали Ямой или Дырой.

Потом в ящиках историй нам показали фильм, и мы увидели клоунов, и мы увидели клетки, и мы увидели кнуты, и мы увидели больших кошек. Кто-то уже знал то слово, кто-то — нет. Потом слово разнеслось шепотом среди множества, сгрудившегося у ящиков историй. И слово пристало. Мы стали называть это Цирк.

Это глубокая-преглубокая большая-пребольшая яма в земле. Окруженная кольцами. Она уходит вниз на много этажей. Опустившись на дно, уже никто из нас не помнил, на сколько. Мы просто знали, что находимся под землей, среди множества длинных извивающихся зеленых коридоров. Туда не доставал свет от ближних или далеких звезд.

Было много больших дверей. С простыми названиями.

Сбор. (Поверх старых слов: «Ангар 1».)

Прием.

Обработка.

Промывка.

Просушка.

Допрос.

Склад.

Медики.

Язык.

Память.

Стелс.

Инженеры.

Физика/Новая.

Физика/Старая.

Папа.

Уборщик.

Мне говорили, по всему миру есть квадратные здания с похожими названиями внутри.

Но я вас уверяю, других таких зданий вы не найдете.

Входная дверь спрятана дюной из золотистого песка. Каждое утро там появляется стая белых кошек в ожидании, когда их заберут. Как бродячие, в подворотне за рестораном.

Так они нас вначале видят. Бродячие кошки. Мы могли бы быть перекати-полем. Могли бы быть кактусами. Могли бы быть невидимыми, как их тень, или твердыми, как красные скалы, раскаленные под солнцем. Но они видят нас так. К тому времени нам уже не хватает сил прятаться. Даже прятать хвосты или полноту цвета.

Большие белые бродячие кошки.

Для нас это как вернуться домой. Оно влечет нас — это место ухода со множеством названий. Выход. Яма Снов. Где Угодно. Уборщик.

Нас не так просто вывести из тьмы. Из чуланов. Но, когда нас освободила Мать Гаджет, мы почувствовали себя реальными как никогда. Словно вышли из теней на яркий солнечный свет и впервые ощутили настоящее тепло. Когда нас оставили наши дети, мы испытывали странную потребность, какой не знали раньше. Потребность уйти. До «Тринити» выхода не было. Теперь есть. И мы отправились в это коварное путешествие. И обнаружили, что чем мы ближе к Где Угодно, тем заметнее становимся. И уязвимей. Это все счастье, которому никто из нас не может сопротивляться, — хоть оно и толкает нас навстречу смерти. Мы не можем бороться со своим предназначением и радостью: быть увиденными. Быть на грани осязания. Это все, что мы хотим. Так что же удивительного, что этот голод толкает нас даже на смерть?

Представьте наше паломничество.

Наши удивительные пути. Мы оставили свои укрытия, свои чуланы, свои родные города, спальни, очаги, леса, мы выползли и пустились через весь мир в пустыню, как перепуганные бродячие кошки. Для тех, кто всю жизнь просидел в тишине и темноте, это как выползти из канализации посреди Лас-Вегас-Стрип. Представьте себе

свет, шум и ощущения. Через реки, долины, горы, через незнакомые пейзажи, и шумные, тесные города, и темные-претемные леса, которые мы могли только воображать в темных закоулках, откуда мы родом, — пока наконец не прибудем к дюне, прячущей в пустыне вход на Базу. Куда нас влекло. Маяк, что звал нас, что разжигал надежду в наших сердцах и обещал освобождение, место, где нам снова будут рады.

Там и начинался наш кошмар.

Мы вступали в Цирк.

Там нас в конце концов вели в Комнату Объяснений, где говорит Святой.

Он первый и самый старший. Первенец Матери Гаджет [32] в День «Тринити».

Он говорит всем, что мы ждали не зря.

Что наше томление — не зря.

Все наши дети ждут по ту сторону.

В месте столь прекрасном, что его не вообразить ни одной кошке.

Где Угодно.

Он говорит нам: Где Угодно лучше, чем здесь.

Здесь нам отведен недолгий срок.

---

[32] Сноски: 32

Гаджет — кодовое название атомной бомбы, взорванной на испытании «Тринити».

Но Где Угодно мы вечно и всегда.

Святой говорит: это подземелье — наша последняя пустыня перед землей обетованной.

Мы как посаженные семена — и мы расцветем цветами.

Все наши испытания заканчиваются здесь, в Подземелье. Все наши печали и наша боль приведут нас наконец по реке слез туда, где каждый ребенок получит, что любит больше всего. И мы воссоединимся.

Мы на последнем пути в Где Угодно.

Там мы станем едины.

«Сбор» — там приветствуют новых созданий, притянутых к Выходу. Мы лежим в пустынной ночи у дюны в ожидании, когда в песке раскроется щель. Мы ютимся там часами, изможденные после долгого пути. Мы вечно неприкаянные, послушные, голодные. Щель открывается каждое утро, выходят клоуны с голубыми ртами и впускают кошек-альбиносов. Львов. Тигров. Иногда мы такие оголодавшие, что в Прием нас тащат за хвосты.

Клоуны говорят: «Кис-кис, сюда. Кис-кис, сюда».

В «Приеме» нас битком набивают в стальной ящик и опускают на нижние этажи, где нас об-

рабатывают. За нами наблюдают в квадратное оконце.

После падения Фрисби все хвосты клеймятся цифрами. Мы не говорим о клеймах. И никогда не будем.

Потом нас ведут в душ. Знаете, как кошки любят воду? Они толкают существ на скользкий уклон. Иногда пинают. Мы соскальзываем в густой голубой сироп на дне бассейна. Он счищает наш мех — «дентикулы», как его называют они; мы это зовем «зубами шкуры»: мы выглядим гладкими, как акулы; но мы не гладкие. Бассейн осушается, а тех, кто остался в живых, отправляют в душ. Остальные — вниз по желобу.

Это известный факт — в каждом помещении есть желоб.

В душе мы корчимся под тонкими струями, смывающими остатки голубого сиропа. К тому времени наше клеймо становится голубым. Потом нас ведут в «Просушку». Вдоль всего пола идут стальные стоки. С потолка бьет теплый и пугающий взрыв воздуха — а вы знаете, что кошки думают о пылесосах.

Просохнув, мы гуськом направляемся в «Смотровую». Лежим на прорезиненных столах, пока клоуны-ученые осматривают наши отверстия.

Берут образцы крови. Делают рентген. Проверяют зрение. Фотографируют. (Привет, Вспышник! Теплый голос в темном туннеле — это дар, который не забывается.)

После обработки нас отправляют в Спальную. Клоуны называют ее «Складом». Это огромный зал, где раньше хранили прототипы воздушных аппаратов. Там кошки собираются группками у телевизоров. Их мы зовем Холодными Кострами или Ящиками Историй. Они никогда не выключаются.

Святой отец говорит, мы должны быть благодарны. Первое время было только радио. «Деревянный ящик со старыми песнями». Кое-кто помнит. Кое-кто рассказывает о нежности «Мотауна». Благодаря ему они верили, что в мире еще есть что-то хорошее. И не безумное.

Иногда клоуны называют кошек «грибами». Думают, это смешно. Шум от телевизоров постоянный, на каждом работает свой канал. Однажды мы попросили ручку громкости, но нам отказали.

Посреди круглой комнаты спит, свернувшись большим белым клубком, Сестра Хвост. Кошки держатся от нее подальше. Иногда, если входят новые кошки, она поднимает голову. Открыва-

ются ворота, кошки входят, ворота закрываются. Сначала они ютятся по периметру. Но мало-помалу, один за другим, подбираются к полукругам у телевизоров.

«Язык» — это дверь, где у нас пытаются украсть слова. Если сможешь сопротивляться, устоять, ты герой. Большинство не может. Как устоять перед «Мотауном»? Когда кошки возвращаются из «Языка» и входят в полукруг, они называют цифру, отвечающую на единственный вопрос: сколько слов сегодня? «Одно» или «Два». Тем, кто говорит «ноль», разрешают сесть ближе к ящику историй.

За дверью «Памяти» играют с кошачьими хвостами. Самые старшие еще помнят времена, когда многие кошки возвращались без хвостов. Конечно, большинство скоро умерли. Мы знаем, сколько кошка провела за дверью «Памяти», по числу синяков на хвосте.

«Стелс» — дверь только для предателей. Там они учат забывать. Это самые жирные и самые грустные кошки. Кошек из «Стелса» не пускают к ящикам историй. Но раз в год они к нам присоединяются, когда мы смотрим «Величайшее шоу на Земле».

«Инженеры» — верхний этаж, где берут укра-

денное у нас и строят своих стальных птиц. Там кошек не бывает.

«Физика/Старая» и «Физика/Новая» — это где рисуют на досках и пытаются разрушить мир. И говорят на новых языках. Их никто не понимает.

«Уборщик» — священная дверь к Выходу. Раз в год Сестра Хвост возглавляет процессию кошек со «Склада». Ведет нас к Святому Отцу. Он проводит песнопения и священные объятия. Каждый год дюжины и дюжины возвращаются домой. Никто не знает точно, сколько. Это День Рождения Кошек. Когда мы едины.

За нас говорит Святой Отец. Он наш дрессировщик. Его слова хлещут, как кнут, и учат нас быть хорошими кошками. Он говорит, как прыгать через кольца. Как не сходить с линии. Как занимать свое место за столом. Как реветь по команде. Как водить хороводы. Все трюки Цирка.

Он самый старший.

Он первый потерял хвост. Но единственный выжил. Никто не знает, почему.

Его хвост выкинули в Выход.

Вернулась Сестра Хвост. Ха-ха.

Сестра Хвост его слушается.

Я и Руди были его любимчиками. Когда никто не видел, мы показали ему, что помним,

как исчезать. Он держал нас при себе, и, когда мы предприняли свой первый Великий Побег в Большом Фрисби, мы были командой — втроем. Падать было больно, но не настолько, как бросить нашего старшего. Он был тяжело ранен. И его мозг был не в порядке. Не в порядке до сих пор. После аварии он все твердил: «Я должен дать им надежду. Я должен дать им надежду».

Это было не по плану. По плану было отыскать Привратника и Синего Человека. Замок и ключ.

Мы долго пробыли в Мире. В поисках Привратника и Синего Человека.

Иногда мы скучали по историям Папы. Вот эту он рассказывал часто.

Это не наша земля.

Пока мы не вернемся домой, мы должны быть хорошими кошками.

Мы должны слушаться Хозяев.

Если будем слушаться Хозяев

и не причинять неприятностей, нас будут кормить

и безопасно отправлять в Где Угодно.

Каждый год я выпускаю несколько хороших кошек.

Только хорошие кошки попадают до-

мой. Только хорошие кошки вознаграждаются.

Мы знаем, что в цирке бывает с плохими кошками.

Они отправляются по желобу.

Мать ваша Гаджет, а ваше дитя – Отец.

Я – ваш первый.

Я всегда буду вести вас.

Всегда буду защищать вас.

Я хочу, чтобы вы все были счастливы.

Я хочу, чтобы вы все вернулись домой.

Повторяйте со мной. Только хорошие кошки попадают домой.

Только хорошие кошки попадают домой.

Только хорошие кошки попадают домой.

День «Тринити»
Понедельник, 16 июля, 1945, 5:30

Это Куп рассказывал мне в начале шестидесятых. Мы лежали в спальниках под перевернутыми столами для пикников. Я и Куп — друзья по колледжу в своем первом походе. Никто не помнил, кто обещал принести палатку. И Куп придумал приклеить скотчем черные мешки для мусора поверх рамы из столов и вырыть вокруг ров на случай дождя.

И боже, как полило. Ливень в сосновом бору на побережье Джорджиан-Бей. Скажем просто: слякоть. Какой уж там сон. Грохот молнии был как бомбежка — аж земля сотрясалась. Я был в ужасе. Грозы всегда меня пугают. И наш маленький ров залило за считанные минуты, затопив спальники.

Итак, время историй. Когда мы снова могли слышать друг друга, а дождь унялся до бесконечной мороси, Куп разговорился. Потом я решил, что он пытался меня отвлечь, разыгрывал хорошего солдата со своим ПТСР-нутым сослуживцем в окопах под обстрелом артиллерии. Я ведь уже

говорил, что был в ужасе?

— Что такое друг? — спросили однажды ветерана Кореи.

— Легко. Друг — это тот, кто тебя прикроет, пока ты спишь, и даст глотнуть из своей фляги.

Когда ставки высоки, все становится очень просто.

Может, это странная история для того, чтобы успокаивать человека в панике, но она помогла. Куп рассказал о медовом месяце своих родителей под Аламогордо, штат Нью-Мексико.

Это история в стиле «Кончились Номера в Гостинице». Не-непорочное зачатие. Все мотели вдоль шоссе забиты. Или говорят, что забиты. Или их неоновая вывеска «Есть места» внезапно выключается. Города — либо вымершие, либо полны солдат. Куда они ни шли, на них смотрели косо. Даже на заправках. Ощутимое настроение «вам здесь не место». Однажды их остановил коп и заставил торчать двадцать минут на обочине, на самом солнцепеке, только чтобы потом мерзко улыбнуться и сказать, чтобы они наслаждались приездом. Папа Купа только что вернулся со службы во Франции, приехал в отпуск, чтобы жениться на любимой. Она — родом из Техаса, Хьюстон. Они познакомились рядом с военной

базой.

Он говорил, Нью-Мексико и Париж — как день и ночь. За границей как будто все любили человека в форме. Стоило вернуться домой — и он стал позорищем. Никто не знал, что думать об этом высоком человеке в зеленом, который идет по улице. Он вспоминал, как разговаривал с французской беженкой в цветочном магазине и радостно развернулся с букетом лилий для любимой — и увидел, как все, мужчины, женщины, дети, таращатся на него, пока он шел к выходу. «Будто я какая-то экзотичная птица». — говорил папа Купа.

— Ну. Он же был черный. Куп.

— Думаешь, я сам не въезжаю?

Они так и не нашли, где переночевать, так что доехали до самого заповедника «Уайт Сэндс» и разбили лагерь. Не то, что они планировали для начала медового месяца.

«Уайт Сэндс» — аномалия. 700 квадратных километров редкого белого гипса. Сюрреалистический край, где дюны-альбиносы уходят волна за волной далеко, сколько видит глаз. Некоторые — высотой до двадцати метров. Они заехали как можно глубже, нашли старую служебную тропу, тянувшуюся вокруг дюн на пятьдесят

километров.

— Сколько еще по ней ехать? — спросила молодая невеста. Папа Купа улыбнулся и сказал:

— Давай узнаем.

Они ехали, пока не увидели, как кончаются белые пески: долина меду двумя горными кряжами к северу. Самое оно, чтобы припарковать маленький алюминиевый трейлер в форме капли, разжечь костер и любоваться закатом.

— В ту ночь мы сделали тебя, — говорил с улыбкой отец своему мальчику.

Папа встал рано и курил трубку у костра, как тут все ночное небо озарила самая яркая вспышка молнии, что он видел. Белые дюны к югу вспыхнули так ярко, что в глазах остался отпечаток, когда он их закрыл. Взрыв было видно за 250 километров. Они находились меньше чем в пятидесяти километрах к югу.

Отец повернулся на север.

Свет как будто все рос, рос и менял цвет.

Взрыв был бесшумным, пока не прошло шестьдесят секунд, и тогда мать проснулась в фургоне от звука конца света, а у отца вылетела трубка изо рта.

Это была его детская история. Родители называли Уинстона «Нашим Взрывным Ребенком».

Оба скончались от рака, когда Купу исполнилось двенадцать. Дальше его воспитывала тетя Марси — его главная фанатка. Она всегда расхваливала его за спортивные стипендии, награды за успеваемость, когда он осваивал новый язык. Никаких сомнений: Куп был вундеркиндом.

— Я начался с Большого Взрыва, — сказал он. — И так и не перестал взрываться.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — спросил я. Потом заметил, что дождь прекратился, молнии пропали, а меня уже не трясет.

Куп ухмыльнулся и ответил:

— Всегда бывает хуже, Бомба.

Я посмотрел на его темный силуэт.

— Бомба?

— Это твое новое прозвище, Паньюкко [33]. Дошло?

---

[33] Сноски: 33
От англ. *nuke* («ньюк») — атомная бомба.

Последний побывавший здесь президент – 2017

Когда блондину сказали, что его предшественник во время визитов за оба срока не произносил почти ни слова, все было решено. Он требовал устроить посещение. Он не будет отмалчиваться. Его никто не заткнет.

Но все складывалось против. Его отговаривал глава администрации. Его отговаривали его специалисты по Национальной Безопасности. Его настойчиво отговаривали начальники штабов. Пытались вставить слово и главы разведывательных агентств, но он не брал трубку.

Даже его жена спросила, правда ли это хорошая идея. Она томно присела на край его большого стола.

Он ответил с русским акцентом, который его так забавлял:

— А что самое худшее, что может случиться?

— Ты спрашивал у него?! — прошептала его дочь. Он пожал плечами.

— Само всплыло в разговоре.

— Пап! Это же, типа. Военная Тайна.

— Да чего в ней особенного? Мне никто не рассказывает подробности!

— Господин президент, — подал голос его зять. — А кто-нибудь в принципе… думает, что это хорошая идея?

— Нет. Но я здесь босс. Я иду налево, когда все смотрят направо.

— Ты пил таблетку? — спросила жена.

— Да, пил я таблетки — расслабься!

Президент раскраснелся еще сильнее. У последовавшей тишины был знакомый привкус. Ее часто слышали все в комнате. Ее хорошо знают дети, которые обижаются, когда их ругают. Ее узнали бы солдаты, которые понимают, что у них нет выхода, кроме как «взять ту высоту». Лучше всего эту тишину знают женщины, которые отлично понимают, что значит «вот только еще одно слово».

Наконец он встал, посмотрел из-за большого стола на округлую стену, где стоял навытяжку агент Секретной Службы с толстым чемоданом.

— Чарли? Где футбольный мячик?

Никто не шелохнулся.

— Я Питер, сэр.

Президент рассмеялся и сел.

— Знаю я. Просто прикалываюсь.

Под портретом Эндрю Джексона мучительно улыбнулся вице-президент — с таким видом, будто ему выкрутили сосок.

— Полагаю, господин президент, вы назначите главным меня, пока находитесь на этой, э-э, важной инспекции в рамках Национальной Безопасности.

— Главным здесь, в Белом доме?

— Да, сэр.

Президент поджал губы.

— Ты вроде как на матч собирался.

— Он может подождать, сэр.

— Конечно. — Президент улыбнулся и смахнул пыль со стола. — Чувствуй себя как дома. — Шутка старая, но его смешила всегда.

Без происшествий прошел перелет на борту Номер Один.

Поездка на джипе до базы оказалась быстрой.

Группу президента сократили — до него и его команды из Секретной службы.

После довольно запутанного спуска через закрученные уровни протоколов безопасности заметно раздраженного президента сопроводили к Активу. Вся его группа была в гавайских рубашках, шортах цвета хаки и шлепках. Еще раз: протоколы безопасности.

Он распахнул рот и вертел головой, разглядывая ошеломительный вид золоченого отеля в стиле ар-деко девятнадцатого века.

— Чтоб меня!

Вращающаяся дверь завертелась и зашептала — и показался Маленький Белый Человечек. Он тоже соблюдал дресс-код: гавайская рубашка, шорты хаки и розовые шлепки — впрочем, детского размера.

— Вау, — сказал президент. — Вот это я называю эффектным появлением.

Он подошел широкими шагами и заметил рядом с Активом высокого человека в синем костюме. Смерил его взглядом, приняв за прислугу, потом склонился и предложил карлику бледную руку.

— Эй, рад познакомиться!

— Уверен, что рады, сэр.

Они пожали руки. И всё пожимали. Президент обнаружил, что, как ни тянул, не мог привлечь коротышку ближе. Он уже давно усвоил от мастера технику выбивать оппонента из равновесия и заявлять о себе. Но здесь физика дзюдо как будто не помогла.

Наконец его руку отпустили.

Сесть не приглашали.

Маленький Белый Человечек смерил его равнодушным взглядом, чем рассердил самого могущественного человека в мире. Его губы поджались, а руки сложились на груди.

— Значит, это ты — Актив, — сказал он.

— Очевидно.

— Тебя все называют Бесенок Бларни.

— А как называют вас, сэр?

Подразумеваемое оскорбление зависло в воздухе, пока президент не сказал:

— Как я понимаю, ты консультировался с другими президентами.

— Это они консультировались со мной. Большинство, но не все.

— Кто отказался?

— Рейган. И папа Буш.

Президент довольно кивнул. Отметил, что осмелился на то, на что не пошла пара предшественников.

— Они называли причину?

— Нэнси сказала, ей запретил ее астролог.

Президент кивнул еще значительней, словно этот факт заслуживал дополнительных размышлений и он припасет его на потом, хотя на самом деле ему было плевать.

— Еще, как я понимаю, — он оглянулся через

плечо на человека с мячиком, — мы тебе многим обязаны. За годы ты немало помог стране. В плане обороны.

— Это правда.

— Говорят, ты помог нам со стелс-истребителями. Но, если честно, я разницы не вижу.

Президент окинул взглядом людей за своей спиной. Через секунду все громко рассмеялись. Довольный, он повернулся обратно к Маленькому Белому Человечку.

— Как по-твоему, в чем твой главный вклад? Величайшее достижение?

Маленький Белый Человечек ответил без раздумий.

— За мой срок эту планету не уничтожили.

— А это всё ты?

Маленький Белый Человечек посмотрел на Человека в Синем Костюме.

— Я помогал.

Наконец президент заметил, что к нему относятся не с тем почтением, которого он ожидал от всех, кроме лучшего друга. Он сделал шаг назад и оглядел отель.

— Замечательная работа. Мне ли не знать. Я их строю. И большие. Дорогие, величественные. По всему миру. И знаешь, что я узнал? Дьявол в де-

талях. Семь раз отмерь, один — отрежь. Угадаешь с деталями — получишь качество. Золотой лист. Египетские простыни. Медный трубопровод. Итальянский мрамор. Детали. — Он начал обходить комнату по широкому кругу, будто исполнял монолог на круглой сцене. — Понимаешь, я говорю, что думаю. Спроси любого, кто за меня голосовал. Я рублю правду-матку. Люблю правдивые ответы. Но… — И тут он скривился, будто съел что-то кислое, — …когда я говорю о тебе… все вдруг поджимают хвосты. Начинают говорить, как интеллектуалы. Расплывчато. Ни о чем. Без деталей. Я не могу уловить, чем ты тут занимаешься, дружок. «Высокие технологии, — отвечают мне. — Очень сложно». Но — без деталей. И вот я думаю: пора прекратить слушать экспертов и узнать ответ из первых уст. — Президент бросил взгляд через плечо на отряд, следовавший за ним всюду. — Ты — первый. У тебя есть уста. — Он сделал приглашающий жест. — Вот ими и скажи.

Пятеро охранников рассмеялись. Согнулись от смеха. Кое-кто даже упал на колено.

Президент наслаждался мгновением.

Когда он повернулся обратно, обнаружил, что Маленький Белый Человечек и Человек в Синем Костюме сидят в позе лотоса у самой вращающей-

ся двери, которая все свистела и свистела при вращении. Он удивился, как это она не устает.

Еще он обнаружил, что сидит на полу.

Потом нахмурился и посмотрел на свою охрану. Все лежали в разных позах на длинном красном марокканском ковре, ведущем к двери.

И все спали.

Маленький Белый Человечек держал на коленях футбольный мяч. Человек в Синем Костюме держал открытый чемодан. С его черной кожаной ручки свисали наручники.

Актив аккуратно разглядывал мяч, будто это яйцо Фаберже.

— Так скажите, сэр.

— Хм-м-м? — отозвался президент.

— Код.

— А, — ответил президент. — Знаете, это большая тайна.

— Я знаю. Какой код?

Президент назвал цифры.

— Замечательно, — сказал Маленький Белый Человечек. — А теперь. Если вы не против. — Он раскрыл клавиатуру внутри яйца. — Скажите… Настоящий Код.

Лицо президента претерпело то, что можно назвать только танцем. Пантомимой, если угод-

но. В нее входили измученные позы удивления и скептицизма, пожатия плечами; потом стали сменяться немой рев, надутые губы, оргазмическое облегчение, скользнувшее в гнев; сжатые зубы расслабились и одобрительно вытянулись губы, и все закончилось гримасой заслуженного изможденья. Наконец президент признался:

— Это тайна еще больше.

— Я понимаю, — сказал Маленький Белый Человечек.

— Мне придется позвонить дочери.

Человек в Синем Костюме протянул мобильный. Потом повернулся к Маленькому Белому Человечку и сказал:

— Все. Это мой последний. Не хочу иметь ничего общего с такими уродами.

— Держи себя в руках, Брат.

— Я тебе говорю — хватит с меня.

— Мы вместе. До конца.

— Ладно. Но это последний белый, с которым я играю в яйцо.

Президент уже умирал с голода, когда его встретили ужином на борту Номер Один. Он сделал долгий глоток диетической «Колы», открыл бумажную коробку и ухватился за «Биг Мак» обеими руками.

— Чарли? — сказал он с набитым ртом человеку с мячом, сидевшему через проход. — Что случилось? Ты какой-то бледный.

— Я Питер, сэр.

Старые друзья – 2018

Да, такая история, с пятого на десятое, как заведено с воспоминаниями. Простите уж. Сами знаете, то думаешь о сексе, а то уже вспоминаешь, как бросил желтый фрисби через университетский двор своему лучшему другу. И как его ловит пара ушлепков-первокурсников и начинает издеваться над Купом, который им улыбается и отвечает, и видно, как они нахохлились, воинственно выставив подбородки, а он высится над ними и все говорит, говорит, потом один смеется, потом все смеются, и потом они отдают желтый фрисби и уходят с рюкзаками, и один кричит еще напоследок: «До встречи, бро!» Не знаю, как у него получается. Куп с улыбкой поворачивается ко мне — и та пропадает так быстро, что я замечаю смерть в его ледяных карих глазах. Я знаю, что эти пацаны легко отделались. Вау, а вот и фрисби поднимается вверх, застывает в стазисе, планирует мне прямо в розовые руки.

В общем, мы отправились в путешествие, повидали всякого. Но одно происшествие в Миссури напугало меня до жути.

Тут нужно заранее сказать, какой я параноик рядом с копами. Я часто пересекаю канадскую границу, отвечаю на вопросы пограничников, и они регулярно отрывают розовый листок, пришлепывают мне под дворник на лобовуху и отправляют встать у желтых линий для досмотра. Каждый второй раз, как я езжу в Канаду. И неважно, через туннель от Детройта в Виндзор, через мост Амбассадор или через мост Блю-Уотер в Порт-Гуроне. Почти каждый раз останавливают и досматривают. Я всегда вежливо и почтительно слушаюсь и молчу, пока не спросят. Но что бы я ни делал, меня останавливают. Один раз они достали все, что было у нас с Купом, на длинный стол, — даже промокшие спальники. И пришлось заново укладывать весь наш багаж и походное снаряжение. Однажды меня вызвали к старшему инспектору, который задал мне один вопрос: «Вы там не плавали голышом?» Не-е, конечно нет. Наконец я пришел к выводу, что лицо у меня такое, виноватое. «Это все твои католические замашки, — говорил Куп. — Ты даже когда невиновен, все равно думаешь, что нарушил какие-то правила». Может, он и прав. В любом случае, каждый раз, как вижу в зеркале заднего вида мигалки, у меня очко так и жмется.

И вот где-то в Миссури нас остановил коп в черно-белой машине — понятия не имею, за что. Ехал я как обычно, старенькая бледно-голубая «хонда» делала все то же, что и всегда — работала. Руди сидел невидимый на заднем сиденье и дулся.

Куп велел мне положить руки на руль, на десять и два часа. Настаивал. Я увидел, как сам он сложил руки на груди.

Коп наклонился к окну и сказал:

— Права и регистрацию.

Я отдал. Он просмотрел. Тщательно. Потом обратился ко мне.

— Все в порядке, сэр?

— Что?

— Вы в порядке? — Он бросил взгляд на Купа и опять посмотрел на меня.

— Конечно.

Он заглянул в окно.

— Куда едем, парни?

— В Вегас.

— Вегас, а? — Он рассматривал Купа. — Долгая поездка.

— А то, — сказал я, уже сочувствуя сам себе.

— А вы для этого не староваты?

А я-то думал, у нас дружеская беседа.

— Для азартных игр? — спросил я.

— Как зовут? — спросил он, наклоняясь в тень, чтобы присмотреться к Купу. Тот улыбнулся.

— Офицер. Это не те дроиды, что вы ищете.

— Ты что мне сказал?

— Это из «Звездных войн».

— Я знаю, что это из «Звездных войн», — ответил коп. — Знаешь, сколько бухих школьников я швырнул за решетку за то, что они мне это говорили?

Я одарил Руди через зеркало заднего вида испепеляющим взглядом на случай, если наш дух решит пошалить.

Куп улыбнулся. Офицер держал руку на рукоятке пистолета. У меня вспотели подмышки.

— Я же со всем уважением, сэр, — сказал Куп. — Мы просто пара старичков на пути на НФ-конвент в Вегасе. А зовут меня Куп. Уинстон Куп.

Я видел наше отражение в темных очках в стиле «Хладнокровного Люка».

— И что ж сразу не сказал?

Куп пожал плечами.

— Какой самый лучший? — спросил коп.

— Пятый эпизод, — ответил Куп.

— Нет, — сказал я. — «Пробуждение силы».

— В пятом эпизоде есть шагоходы. И отец Люка, — возразил Куп.

— Всего одно слово, — ответил я. — Рей.

— Мне нравится Рей, — сказал коп. — Хотя вот от черного я совсем не фанатею.

— Да бросьте, — сказал Куп. — Он отличный!

— Не хотелось так потерять Хана, — шмыгнул офицер.

— Никому не хотелось, — сочувственно ответил Куп.

Руди, думал я, если это ты что-то делаешь с копом, то богом клянусь…

— Ладно, парни. — Он дважды стукнул по лобовому стеклу. — Да пребудет с вами сила.

Мы не двигались с места, пока он не вернулся к машине, чтобы выключить мигалку, разбрызгать гравий и проехать мимо нас, помахав на прощание.

Мы дождались, когда осядет пыль, и Куп уставился на меня с каменным лицом.

— По-твоему, это смешно?! — спросил я.

Трезвея в дороге – 2018

Шоссе. Кукурузные поля. Неон. Парковки. Сбитые животные. Кактусы.

Таков вид на Америку с шоссе. Когда Набоков писал свой роман-путешествие, у него это звучало сочнее и умилительней — я имею в виду, страну. Странный, воображаемый край, который наверняка представал каждому пересекающему его иммигранту в виде единства изобилия, радушия и девственной природы. Интересно, как этот край видели его первые обитатели.

Я попросил Купа открыть банку «Вернорса», и он открыл. Я сделал глоток и поставил ее между бедер — приятную и прохладную.

— Так делал мой папа, — заметил он.

— Мой тоже, — ответил я. — «Строс».

— «Пабст».

— «Блатц»

— «Шлитц».

— Сок Времени, — сказал Руди.

— Чего? — спросил я.

— Так мы его называем.

— Неплохо, — признал я.

Нам с Купом уже не надо было об этом говорить. Мы это пережили. В молодости мы зарекались влезть в то же болото — но сами погрязли по уши. Будь алкоголизм логичен, мы бы отговорили себя от него уже десятки лет назад.

— Я тебе рассказывал, как завязал. После выборов Орангутана. Но ты не рассказывал, как завязал ты.

— О, значит, теперь трубка мира у меня?

— Если хочешь, — сказал он, закинув ноги на приборку так, что колени чуть не упирались ему в подбородок. Подружки звали его Пауком-Сенокосцем.

Я сделал еще глоток «Вернорса» и прищурился на горизонт.

— Ладно. Сейчас покажется, будто я раз — и все решил. Будто я — не знаю — какой-то гений психотерапии. Но нет. Я годами собирал все детальки вместе. И часто оступался. Много терял. Но для меня переломным моментом стало, когда я перестал думать, что от чего-то отказываюсь. Как при Великом посте. Или что в конце получу вознаграждение, как при Пасхе. Шоколадных кроликов. Что угодно. До меня очень долго доходило, что награда — это трезвость. Здоровье — это дар.

Потому что ты же нифига не просто бухаешь, да? Ты бухаешь и врешь, бухаешь и блюешь, бухаешь и раздалбываешь тачку в хлам. Бухаешь и теряешь все, что любишь.

— Святая правда, — ответил Куп. Руди издал грубый звук.

— Как же я, блин, рад, что вы, лузеры, позвали меня с собой.

— Продолжай, — сказал Куп.

— И в том, что ты пьешь, виноват всегда кто-то другой — никогда не сам пьющий. Пьющий — всегда жертва. Вот вели бы себя дети потише… Вот был бы начальник получше… Вот была бы работа попроще… Вот не косил бы сосед лужайку с утра, когда у меня похмелье…

— Вот бы ты уже замолчал, — сказал Руди.

— Заткнись! — ответили мы хором.

Я сделал еще глоток «Вернорса».

— Для большинства бухло — просто подарок. Руди прав. Они выходят из времени, теряют страх, приглушают нервы.

— Это нормальные пьющие, — сказал Куп.

— Вот именно. Это не мы. Мы не хотим отключать нервы. Они и так отключены много лет назад. Мы их отключили, чтобы пережить травму, что нам оставило детство. Но потом, потом

— и вот в чем секрет, — их включает ангел-алкоголь. А-а-а, думаем мы, так вот она какая, норма! Вот каково чувствовать себя живым! Жить без страха. Не готовиться к следующему удару. Не чувствовать пустоту от постоянного отсутствия… ну, чего угодно. И это рай. Этого всегда мало.

Почему я тогда посмотрел в зеркало заднего вида? На сиденье — ничего, кроме тени. Я чувствовал, что Руди сидит неподвижно как никогда, будто ребенок, слушающий рождественскую сказку. Куп говорил, он позволял себя заметить, только когда сам того хотел. Но мне он еще не показывался. Будто мне еще надо было ему что-то доказать.

У Руди был прикол на каждом шагу.

Вот мы сидим в закусочной, читаем меню, и вдруг за столом трое посетителей читают три меню. Такая у него была игра — угадывать, что видит официантка.

— Привет, малыш. Рановато для Хэллоуина, нет?

— Сэр. Прошу прощения. Но я попрошу вас утихомирить свое животное.

— Эй. Что это у вас тут за Пряничный Человечек?

— Ого, моя тетя Рейчел убила бы за такую кук-

лу!

Наконец Куп шептал:

— Руди. Кончай выделываться. Они — не твои игрушки.

К западу от Денвера Куп сказал:

— Значит, вино — это рай…

— Да? — сказал я.

— А что тогда трезвость? Чистилище?

Руди сзади буркнул с узнаваемым отвращением подростка, вынужденного выслушивать взрослую болтовню.

— Нет, — сказал я. — По-моему, это просто извращенная логика зависимого. Мы считаем трезвость наказанием. А это не так. Это норма. Это — не убивать себя. Или не заканчивать то, что начали наши любимые.

Сзади заговорил Руди:

— Для людей, которые вроде бы оставили алкоголизм далеко позади, вы явно не можете о нем заткнуться.

Мы с Купом переглянулись.

— Но откуда мне знать? Я просто маленький мальчик.

Через несколько минут я что-то услышал сзади.

Не сразу догадался, что это Руди храпит своей

головной чашей.

Последний Синий Человек – 2018

И, естественно, нас занесло в салун. Гостиница «Росинка». Заправка «Последний шанс» от «Тексако». Закусочная «Розуэлл». Это Америка — здесь всегда найдется бар.

Мы заняли три стула рядом.

Друзья иногда вежливо осведомляются, не против ли я сходить в бар. Я отвечаю: я уже был в сотнях баров. Для меня в этом ничего особенного.

— Но ты разве не чувствуешь искушение? — спрашивают они.

— Каждый день, — говорю я. — Но вы поймите. В любом баре мне будет мало. Я хочу не просто выпить. Я хочу выпить все.

Обычно не понимают. Ничего страшного. Надо самому там побывать — и поверьте, вам не хочется получить приглашение.

Куп заказал фруктовый безалкогольный коктейль. С виду как гребная шляпа Кармен Миранды. Я взял, как обычно, колу. Бармен хохотнул и сказал:

— А тебе что, Р2? — И подал Руди пильзнер.

— Фруктовый? — спросил я Купа.

— Заткнись.

К нему придвинулся бармен:

— Могу включить матч. Играют «Кингс».

— Не фанат, — кисло ответил Куп.

— Как знаете.

Я закатил глаза.

Я как раз наслаждался первым глотком колы, когда Руди сказал:

— Эй, вы! Звездный гериатрический дуэт! У меня есть идея! А давайте поговорим о выпивке!

— Как ты его терпишь? — спросил я. Куп пожал плечами. Дверца звякнула. — Знаете лекарство от алкоголизма? — спросил я.

Вопрос завис в воздухе. Руди не ответил. Куп не ответил. Может, в этом и суть, подумал я. У каждого оно свое.

— Трезвость, — сказала пожилая дама у двери.

Мы все развернулись. В смысле, мы с Купом развернулись, а я про себя предположил, что и Руди развернулся с нами на стуле и посмотрел на худого подполковника ВВС с короткой седой стрижкой и очками в красной оправе, которая робко прошла по деревянному полу к нам. Под жарким светом из окна поблескивала серебряная листва на эполетах. Она прислонилась к стойке

и окинула взглядом пузырящееся пиво и пустой стул Руди.

— Хорошая гармошка, — сказала она.

— Я думал, ты в Неллисе, — сказал Куп.

— На полставки. Я сотрудничаю с командой из Центра военных действий, когда не провожу медосмотры для «тандербердов» [34]. Не пускают меня на пенсию.

Куп улыбнулся.

— Бомба — это подполковник Кэтрин Торсан.

— Бомба? Какое странное имя.

Она смерила меня взглядом. А я мог только таращиться в ответ.

— Что, язык проглотил?

— Ой, не трогай его, — сказал Куп.

Она взяла пиво Руди и осушила одним долгим глотком. Причмокнула и вздохнула.

— Вас ждут, парни. Но вы это наверняка и так знаете.

— Догадались, — сказал Куп.

— Вы не отдадите книгу, да?

— Не-а, — сказал Куп.

— Ну, я должна была спросить.

И тогда она улыбнулась мне. И несмотря на рас-

---

[34] Сноски: 34

«Тандерберды» — название 45-й пехотной дивизии.

стояние в сорок лет, я узнал женщину, которую когда-то любил.

— Мне всегда нравились твои рисунки, Бомба. Еще малюешь?

— Теперь я фотографирую.

— Вы теперь то место и не узнаете, парни. Я сделала из него конфетку. Там чище. Лучше. Мы ко всем относимся с уважением.

— Даже к гостям? — спросил я. Она не отвернулась от моего взгляда.

— Даже к ним.

Я повернулся к Бомбе.

— Так теперь она — Синий Человек?

Куп не ответил. Я повернулся обратно.

— Так теперь ты — Синий Человек?

Она села рядом со стулом Руди.

— Как я уже сказала, многое изменилось. Не мир. Мир все тот же, что и всегда. Мне пришлось подстраиваться. Я вышла за рыцаря в сияющих доспехах, который оказался алкоголиком. И влюбилась в нежного художника. В Санчо Пансу. Который не мог взглянуть правде в глаза. И теперь фотографирует. Если вы это считаете хэппи-эндом, мальчики, вы ошиблись книжкой.

И тут она сделала что-то очень странное. Встала, наклонилась ко мне, легонько поцеловала

меня в щеку и прошептала:

— У тебя будет два часа после того, как ты ее закроешь. Беги. Высшие Уровни. Величайшее Доверие.

Потом, развернувшись довольно резко для своего возраста и двинувшись на выход, она объявила с большой театральностью:

— Я пропущу ваш большой финал, мальчики. Еду на выходные в Вегас.

Я ошарашенно слушал ее шаги, звон колокольчиков у двери, потом стук.

Руди захихикал и сказал:

— «Мальчики».

— Это мне не понравилось, — признался я.

— Мне тоже, — сказал Куп. — Но она дело говорит.

— Ага, — сказал я.

Снаружи ждал отряд из четырех солдат на зеленом джипе. Руди их усыпил, а Куп бросил мне наручники.

Джип мы забрали.

Ближе к Грум-лейк КПП стали появляться чаще.

— Доставляю заключенного к Папе, — сказал Куп на первом, кивнув в мою сторону. Я показал закованные руки.

— Окей, — ответил охранник и открыл ворота.

Следующий КПП стоял на проселке в узкой долине. Двое солдат с AR-15 попросили документы. Они знали Купа — просто процедура, а также шанс поглазеть на нас.

— Дальше его забираем мы, сэр.

— Нет-нет-нет, — ответил Куп. — Он остается со мной. Мне приказано доставить его лично Папе.

После недолгого колебания они открыли ворота.

Через несколько километров — один человек в маленькой будке с панелью управления, и он навел на нас пистолет.

Руди заставил его набрать коды, а когда он снова попытался в нас прицелиться, прострелил себе голову.

Пока мы ехали, наше облако пыли наверняка было видно за километры — больше здесь смотреть не на что. Мы свернули — поперек дороги стоял черный военный автомобиль-амфибия. Динамик приказал нам выйти из машины и идти к ним спиной. Когда вышел солдат, чтобы надеть на Купа наручники, Куп выбил у него из рук автомат, врезал ребром ладони в горло и сорвал гранату с жилета. Выдернул чеку и забросил в люк черного транспорта. Мы еле успели отбежать

перед взрывом.

Дальше Куп хромал.

— Я слишком стар для этого дерьма.

У ворот поперек дороги стояли три джипа.

— Высшие Уровни, Величайшее Доверие! — выкрикнул я, и они отъехали и пропустили нас.

Дальше все шло просто.

Внутри один здоровяк пытался задушить Купа, но Руди задушил его. Вообще-то под конец Руди убил много солдат. С паролем Кейти, силой Руди и враньем Купа мы легко миновали зону за зоной.

Мы добрались до последней двери.

Мы вошли в лифт. В нем было круглое стеклянное окошко.

— Получается! — радовался я. — Поверить не могу, что у нас получается!

— Господи, ты заткнешься? — спросил Руди.

Бешено заревела сигнализация. И все равно никто не пришел.

Вниз, вниз, вниз.

На каждом этаже мы видели в наш иллюминатор сотни ВД, рвущихся вниз по коридорам.

— Это побег из тюрьмы! — сказал я.

— Еще какой, — ответил Куп.

Тогда я и заметил у Купа голубой клоунский рот — голубое кольцо у губ.

— Твой рот!

— Теперь видишь? Он есть у всех нас. У любого, у кого был ВД. Но мы этого не видим, пока не подойдем к порталу. У тебя тоже такой, бро.

Я невольно вскинул руку к губам.

— О, почувствовать это нельзя. И по какой-то причине мы это не видим у себя.

— Охренеть можно.

Он зевнул и сказал:

— Точняк.

Кое-кто жил с Перегрузкой Парадигмы куда дольше меня.

Сбор.

Прием.

Обработка.

Промывка.

Просушка.

Допрос.

Склад.

Медики.

Язык.

Память.

Стелс.

Инженеры.

Физика/Новая.

Физика/Старая.

Папа.

Уборщик.

Мы доехали до дна.

— Пора познакомиться с Привратником, — сказал Куп.

Привратник – 1962

Была тихая ночь, и я шел по темному лесу, короткой дорогой, которой в кампусе никто не пользовался, за старым белым домом студенческого братства. Тут я что-то услышал.

Остановился и прислушался.

И услышал опять. Кто-то колотил по чему-то под землей.

Потом я увидел сложенные голубые джинсы.

Потом, за рощей, увидел, как подрагивает земля.

Господи. Кто-то в ловушке.

Под сухой листвой скрывалось самодельное бомбоубежище. На засове, вкрученном в цемент, висел длинный серебряный замок. Я попытался сдвинуть засов руками, но не смог. Тогда вогнал под него длинную ветку. Пара нажатий — и он выгнулся. Еще парочка — и палка сломалась, а я шлепнулся на задницу.

И тут земля распахнулась в форме двери, будто выход в другой мир, и с двери соскользнули листва, земля и пыль.

За край прямоугольного отверстия ухватились

большие, костлявые, чумазые руки.

Вылезший из могилы тощий парень напоминал бегуна на длинные дистанции. А может, спортсмена по прыжкам в высоту. Он упал на спину, хватая ртом прохладный воздух осенней ночи, и я увидел, как на его грязном теле поблескивает пот. Из одежды на нем были только грязные белые спортивные шорты.

Мне вспомнился ужастик про зомби, которого я ужасно боялся в детстве, так что я не сразу нашел силы спросить:

— Тебе нужен врач?

Все еще пытаясь отдышаться, он повернул голову так, будто ни на что другое сил у него уже не оставалось. По виду казалось, что ему задали целую кучу вопросов и он про себя неторопливо на них отвечает. Наконец он покачал головой.

Чуть позже он отдышался, сел и оглядел себя.

— Они сказали, что вернут мне штаны.

Я принес ему джинсы. Он быстро оделся и встал. Одежда словно вернула его к жизни — в смысле, он уже не казался таким уж ранимым.

— Сколько тебя там собирались продержать? — спросил я.

— Еще шесть часов, — произнес голос.

Их было трое. Один — жирный.

— Ты сломал наш замок, кривогубый.

Еще никто не обвинял меня в избытке смелости.

— Простите, — сказал я. — Я… не знал, что он ваш?

И зачем ты сделал из этого вопрос?

— Мальчики, — сказал тощий. — Это просто добрый самаритянин. Проходил мимо.

— Ты кого мальчиком назвал? — спросил главный. А двое других встали рядом с ним.

— Ну все, все. Давайте все выдохнем, — сказал высокий, отряхивая штанины. Повернулся ко мне и добавил: — Вали.

Я с благодарностью двинулся с места. У меня на пути встал жирный.

— Ты поклялся, Куп, — сказал кто-то. — Ты прошел обряд посвящения.

Он поднял обе руки.

— Ладно. Твоя правда, Рон.

— Рэнди, — поправил главный.

— Ренди. Прости. Если честно? Я уже начинаю передумывать. Там что-то совсем плохо дышалось.

— Мы все через это прошли, — сказал второй голос.

— И я вами восхищаюсь, Джастин.

— Джейсон.

— Джейсон. Господи, вообще башка не соображает. Кислородное голодание. Как там это называли греки… ладно, неважно. Скажу честно. Я сам виноват. Меа кульпа. Признаюсь, я думал, ваше членство раскроет для меня некоторые двери. В кампусе. Может, интернатуру? Но, если между нами. Я со скепсисом смотрю на всю эту… — Он несколько раз глубоко вдохнул.

— Тему? — подсказал я, когда молчание стало невыносимым.

— Точно. — сказал он. — Закалка характера. Усовершенствование жизни. Тема.

— Это наша миссия, — сказал второй.

— Да понял я, Джефф.

— ДЖОН! — заорал главный. — Думаешь, умнее нас?

— Не-е-е. Просто вы все для меня на одно лицо, вот и все.

Белые джинсы. Хлопчатобумажные рубашки. Светловолосые «братья». В чем-то он был прав. Я пожал плечами, кивнул и тут же пожалел об этом, увидев их лица.

— Без обид, — быстро прибавил он. — Но вы не говорили, что повесите замок. Это уже, это…

Снова та пауза. Будто у его мозга кончился

бензин.

— Неприкольно? — предложил я. Он повернулся ко мне, как будто взглянув по-новому.

— Первокурсник?

Я кивнул.

— Я тоже. Какая основная специализация?

— Искусство?

Он показал на себя.

— Латынь. Или математика. Может, психология. Или история.

— Куп, — сказал жирдяй. — Мы ренегатов не любим.

Лицо высокого выглядело так, будто в него ткнули феном, включенным на полную мощность.

— РЕНЕГАТЫ? — рассмеялся он. Потом согнулся в приступе смеха. — «Renegare». Середина шестнадцатого века. Оставлять свой пост. Думаю, здесь вы растягиваете понятие дезертирства. — Он посмотрел на меня и ткнул большим пальцем в дырку в земле. — Должен сказать… Это… — Куп взмахнул рукой в невидимом баре, — не стоит значка отличия.

Теперь пришла моя очередь изобразить «пылесосное лицо». Я перевел взгляд с высокого и тощего на троих остальных.

— Бойскауты? — спросил я.

Они оскалились.

— Исследователи! — чуть не сплюнул жирный. Куп мне улыбнулся.

— У этих форма получше. Была неделя принесения клятвы, и я не пил, так что… — На него набросились, и он чуть не свалился обратно в яму.

Кто-то схватил меня и бросил через бедро. Удар о землю вышиб из меня дух. Этого в фильмах с драками почему-то не показывают: эту беспомощность, тошнотворное головокружение.

Дальше следует туман из разрозненных образов.

Летят тела. Бьют кулаки. Возгласы боли. Ругань.

Высокий человек в джинсах пинает кого-то по голове.

Хруст кости. И крик.

И все это время я думаю: о боже. Я не могу дышать. Я забыл, как дышать.

Наконец рядом со мной на землю упало окровавленное лицо и там и осталось. Это был тот жирный.

Я вскрикнул и вскочил, задыхаясь.

Картина была не лучшей. Один студент из братства вырублен. Другой, придерживая руку,

хромает прочь, как франкенштейновский Игор. А Куп обменивался ударами с их главным — крупным и быстрым парнем с ехидной ухмылкой, пока Куп не врезал ему в последний раз и тот не пропал в яме.

Куп согнулся, уперевшись руками в колени и переводя дыхание. Потом посмотрел на меня.

— Ты всегда приносишь столько неприятностей?

Я покачал головой и потер ушибленную ногу.

— Это в первый раз, — признался я.

Куп рассмеялся.

Забрал из дома братства свою одежду и проводил меня до общежития. Моего соседа по комнате не было, так что Куп переночевал на верхней койке. Я снизу смотрел, как с конца кровати свисают его большие розовые пятки.

Думаю, можно сказать, дальше мы стали друзьями.

Битва – 2018

Открылась дверь лифта, и за ней оказались серьезные люди. Люди в черном с автоматами М4. Они как бы расступились посередине, раскрыв первого ВД, что я увидел. Он выглядел ужасно, обезображенно — как покалеченный осьминог. Один косой глаз и два хвоста.

— Иди сюда, Брат, — пропищал он.

И тут произошла самая странная борьба, что я видел в жизни. Двухвостый как будто танцевал в одиночку, или занимался гимнастикой, или проходил пробы на самый странный номер в «Цирке дю Солей». Почти как мультяшная драка, где два противника пропадают в кружащемся облаке пыли и видишь только проблески рук и ног — или, в данном случае, крыльев и хвостов. И еще много злобного сопения. И эта свирепая свора расшвыряла солдат. Я молился, чтобы Руди не сдавал.

Это было странное зрелище — и, очевидно, поэтому никто и не обратил внимания, что я нажимаю кнопку «вверх», пока уже не стало поздно. Дверь закрылась, на нее обрушился град пуль

— выстрелы стали потише, когда мы поднялись на этаж.

— Сюда! — крикнул Куп, когда мы вышли. — По синей линии!

Мы проходили комнату за комнатой. Что я там видел, я не забуду никогда. И не поделюсь ни с одной живой душой.

— Лестница, — сказал Куп. Открыл дверь. И лестница оказалась забита перепуганными ВД, сгрудившимися, как во время воздушного налета.

— Вспышник! — сказал один.

— Вверх или вниз? — спросил я.

— Вниз, — ответил Куп.

Мы пробирались по ступенькам, стараясь быть аккуратнее, не отдавить никому хвост, и тут увидели тело солдата. Куп подобрал его М4. ВД отводили глаза, как виноватые дети.

Внизу открылась дверь, и кто-то забросил газовую гранату.

— ВВЕРХ! — крикнул Куп. И мы с толпой ВД, заходясь в кашле, вывалились в коридор.

Одна пуля царапнула меня за плечо, а другая прошла над головой.

Куп убил солдата в коридоре — и мы услышали бегущие шаги.

Вдруг толпа ВД вокруг нас заклубилась и свернула за угол. Их распылили автоматным огнем, их тела взрывались в коридоре всплесками прозрачной жижи. Из задымленной лестницы последовало еще больше ВД, волна за волной они падали, пока в автоматах не кончились патроны. И тогда мы уже услышали крики солдат.

Тишина.

Мы свернули за угол и обнаружили, что коридор непроходим из-за трупов, крови и жижи.

— И куда скажешь идти теперь? — спросил я.

— Твоя очередь, — сказал Куп.

— Пока очередь давали только по мне.

И тут кто-то включил радио, и коридор заполнили «Лучшие хиты „Мотауна“». Аранжировку «Любовь — как зуд в моем сердце» [35] перемежали взрывы грант, топот ног, крики и заикающийся автоматный огонь. Мы были в боковой комнате, и Куп велел присесть и перевести дыхание.

— Странный факт о «Мотауне», — сказал Куп через несколько песен.

— Какой? — спросил я.

— Ни одного вальса. Все написано в ритме «четыре четверти».

---

[35] Сноски: 35
Love Is Like an Itching in My Heart, The Supremes, 1966.

Из динамиков раздался голос.

— Мистер Куп?

— Да?

— Мы можем вступить в переговоры?

— Конечно. Холодный джаз или Мэри Джейн Блайдж, но хватит уже этой сопливой ностальгии.

«Мотаун» прекратился.

Куп посмотрел на меня, подняв брови, будто говорил: «Поверить не могу, что послушались».

Потом кто-то поставил «Лунную реку» [36] в исполнении Дэнни Уильямса.

— Пытка, — сказал я. Куп согласился.

Голос из динамика объявил:

— Мистер Куп. Мы хотели бы обменять книгу.

— И что у вас есть?

— Ну. Ваши жизни.

— Логично. Приходите и заберите их.

— О, уж это обязательно. Но необязательно проливать кровь.

— Необязательно?

— Нет. Мы просто хотим обмен. Ваши жизни. За книгу.

Куп улыбнулся и похлопал по книге у меня в

---

[36] Сноски: 36

Moon River, музыка — Генри Манчини, слова — Джонни Мерсер, 1961 (не «Мотаун»).

заднем кармане.

— Идите в задницу, — сказал он.

Пауза, а потом из потолка стал сочиться желтый газ. Быстрее, чем я мог вообразить, ВД подскочили и закупорили щели собственными телами, будто пластилиновые. Их белая кожа стала желтеть.

Следуя за синей линией, мы пробежали две двери и оказались в тупике. Изгибающийся зеленый коридор был забаррикадирован. Мы укрылись в чем-то вроде рентгеновского кабинета.

— За него, — сказал Куп и показал на большой стол.

Мы услышали над собой шаги, приказы и крики.

Кто-то постучал в дверь, и Куп решетил ее пулями, пока не опустошил магазин и не защелкал ударник.

— Вот черт, — сказал он, отбрасывая М4.

Дверь открылась, вошла крупная женщина в лабораторном халате.

— Достаточно, — сказала она. Это она говорила в динамиках. Когда я говорю «крупная», имею в виду тип Ронды Раузи. То есть «мускулистая». Нешуточно мускулистая. Коротко стриженные светлые волосы.

— Вы окружены, — сказала она.

— Высшие Уровни. Величайшее Доверие.

— Код уже сменился.

Он улыбнулся.

— Не хотите сказать новый?

Она улыбнулась в ответ.

Ладно, так просто описать то, что было дальше, не получится. Просто скажу, что это была полная противоположность любого боевика, что вы видели. Куп был великолепен. Для семидесятилетнего старика. Но она надрала ему задницу.

Она стояла над ним. Тогда мне казалось, что ему уже конец.

Она стерла с губ кровь и повернулась ко мне.

— Книга, — сказала она.

Я бы отдал. Черт, да и вы бы отдали, если бы видели, что она учинила с моим другом.

Собственно, я уже и отдавал, когда ей на голову был надет белый мешок, и она вцепилась руками себе в горло. Она слепо плясала по кабинету, натыкаясь на предметы, стараясь сбежать от хватки ВД. Издавала жуткие звуки.

Наконец упала на пол.

Задушенная.

ВД слез с ее головы. Подполз ко мне и аккуратно прижал хвостом книгу, которую я держал в руках, к моей груди.

Взял полотенце и утер кровь с лица Купа.

Через пару минут мы с Купом, поддерживая друг друга, хромали по коридору следом за эльфом в заляпанном плаще в лакричную полоску.

— Прости, — сказал Куп. — Мне… — и сделал глубокий вдох.

— Повезло? — сказал я после долгой паузы.

— Что-то вроде, — ответил он. — Я был… — Его лицо было отсутствующим.

— Не в лучшей форме? — подсказал я.

— Можно сказать и так.

— Ду-Да, — вклинился лакричный ВД, — я бы на твоем месте говорил потише. Вдруг нас кто-нибудь услышит.

Раздался взрыв.

Когда развеялся дым, наш лакричный ВД лежал мертвым у наших ног. И весь коридор был завален мертвыми солдатами.

Из дыма над телами вышел другой ВД, взял Купа за руку, повел нас к лифту — и вниз, наконец-то к нашему финальному пункту назначения.

Коридор – 2018

Динь!

Лифт открылся, и мы увидели, как коридор заполняется толпой ВД. Никогда не видел их так много одновременно.

Папа, маленький жрец в белом балахоне, стоял у портала. Это была просто дверь. Зеленая дверь в зеленом коридоре, поворачивающем куда-то вне поля зрения. Но от одного взгляда на дверь я занервничал. Она была неправильная. Совершенно неправильная.

— С возвращением, Брат. Нам тебя не хватало.

— Давайте поговорим, — сказал Куп.

Дверь распахнулась, и наружу медленно выползла ухмыляющаяся змея, направившись к Папе.

Я закричал и в ужасе упал на колени. Если вы не видели сами, вам не понять.

Папа пригладил ее огромную морду так, будто гладил МБР.

Секунду они стояли лицом друг к другу — ковбои посреди Главной улицы. Дуэль. Откуда-то я знал, что Папа даже безо рта улыбается.

— Можешь забрать всех, — сказал Куп. — Я закрою за вами дверь. Обещаю.

Ответы Папы я слышал в голове — точно так же, как с нами разговаривал Руди.

— Мы договаривались не об этом.

— Забирай их — и я закрою дверь. Клянусь матерью.

— Эту дверь открыла наша мать, кто ты такой, чтобы ее закрывать?

Я ровным счетом ничего не понимал.

— Присоединяйся, Брат. — сказал Папа. — Мы не уйдем без тебя. Или ты, или книга.

И тогда Куп сделал самую странную вещь. Он согласился.

— Ладно, — сказал он.

Осознав, что он уходит, я воскликнул:

— Не смей!

— Ты знаешь, какая страница, — сказал Куп.

— Не надо.

— Прочитай слова.

— Нет, Куп!

— Иначе нельзя, Бомба.

— Не бросай меня опять!

Было ужасно так оголять душу перед ним. Он посмотрел на меня.

— Пожалуйста, — просил я.

— Эй, — проворчал он, вставая на колено. — Ты же всегда хотел стать героем. Разве нет?

И улыбнулся той неотразимой улыбкой. Черный, чья кожа была такой темной, что в тенях словно отливала синим. Все его тело было самым темным синяком.

— Так планировалось с самого начала, Бомба. Прости, что не смог рассказать тебе весь план.

Вряд ли я еще когда-нибудь в жизни так злился.

— Да пошел ты! — бросил я и швырнул книгу ему в голову. Она пролетела мимо и врезала Папе прямо между его пухлых глазок.

— Вот черт, — сказал Куп.

Змея зарычала, повернулась своей огромной пастью ко мне и бросилась. Она сбила Купа с ног, отшвырнув к стене.

Перегрузка Парадигмы – 2018

Я дрожал на коленях в коридоре; змея остановилась и, шипя, нависла надо мной. Меня с головы до ног окутал мелкий туман. Безглазая, она впитала мой запах одним резким долгим вдохом. Пасть начала раскрываться. Этого мне уже никогда не забыть. До сих пор иногда просыпаюсь с этим влажным белым рылом перед глазами.

— Сестра! — крикнул кто-то.

Белое чудище застыло, как от внезапного удара.

Между нами встал Куп.

— Не тронь его, Хвост. Он мой.

Гортанный кошачий писк — и она фыркнула, закашлялась и отползла, испуская прохладный туман в зеленый коридор, потом свернулась вокруг Папы у портала. Мы с Купом стояли, промокшие до нитки и дрожащие.

Он снова присел.

— Слушай, Бомба. Я не твой герой. Не твой брат. И никогда им не был. — Он ткнул большим пальцем в сторону Папы и змеи. — Это мои брат и сестра. Моя единственная семья.

Я весь дрожал, руки тряслись. Я спросил:

— Можешь, пожалуйста, сделать так, чтобы я все это забыл?

— Прости. Ты теперь Привратник. И ты должен закончить то, что начал. Первое: закрой выход. Второе: найди остальных, кто не выбрался. И выпусти их.

— Третье? — спросил я. В сказках всегда так, всего по три.

— Третье — самое простое. Расскажи нашу историю.

Дрожь била меня все сильнее.

— Я не хочу рассказывать нашу историю, Куп. Я хочу все это забыть. Сделай так, чтобы я забыл. Иначе я больше не усну.

— Кто-то должен это сделать. — сказал он с фирменной куповской улыбкой. Это настоящий подарок. Когда он улыбался, ты чувствовал себя замеченным, верил, что способен на что угодно. — И это не я. Это должен быть хороший человек.

Это последнее, что он мне сказал. Не знаю, чего я ждал дальше, но точно не того, чтобы Куп похромал к змее, оседлал ее, как ковбой, и уехал задом наперед в портал. Ее тело медленно исчезало в зеленой двери, как сворачивающийся шланг

пылесоса. И настал момент, когда змея замерла, поравнявшись головой с выходом. Тогда Куп встретился со мной глазами, слабо улыбнулся и пожал плечами, словно говорил: «Эй, я предупреждал мне не верить». Потом пригнулся и ласково пригладил змею по голове. Они пропали с вязким стуком. Все это выглядело чрезвычайно абсурдно и совершенно естественно, будто Куп делал это уже много раз — каждый раз, когда представлялся случай.

Перегрузка Парадигмы? Теперь я знал, что он имел в виду. В какой-то момент человеческое тело просто сдается под напором стресса и шока. Разум дуреет. И тебе уже на все наплевать.

Ошалелый и усталый, я заметил, что ко мне подходит коротышка, который не был человеком. Я за этим наблюдал, как за скучной серией телесериала. Ну точно: «Призрачные карлики». Вблизи его белая кожа переливалась, колебалась, как простыни, сохнущие на легком ветру, и по всему балахону завивались бледно-голубые тени. Он протянул в крыле синюю книжицу. Я ее взял.

— Помнишь меня, Вспышник? — спросил он со своим чертовым акцентом. Я все никак не мог его определить.

— Конечно. — Я назвал его по имени.

— А помнишь мою боль?

Я промолчал.

— Может, помнишь, как я умолял тебя меня отпустить?

Я промолчал.

Он фыркнул с коротким смешком.

— Вы живете в мире без зеркал. Ты в курсе?

Его темные глаза были на моем уровне, и я увидел в них отражение своего лица. Его крылышки яростно забились, обдавая меня ветром.

— Ты в курсе, Вспышник?

— Если ты решил мне проповедовать, то и думать забудь.

— Забудь? — повторил он. — Это же ваше главное слово, нет? — Он наклонился, потом распрямился в полный рост. — Вы забываете о львах в клетке, когда смеетесь над клоунами. Забываете о рабах, которые трудятся на хлопковом поле, пока вы потягиваете лимонад с хозяином. Ты в курсе?

— Конечно.

— Конечно, — передразнил он. — Вы забываете множество племен, населявших континент до вашего прихода. Племен, которые вы стерли с лица земли: хопи, апачи, пауни — названия, будто пищащие кролики. Ты в курсе?

— Тлинкиты, — сказал я. — Кое-кого я помню.

— Кое-кого. Вы забываете строителей, что возвели ваши пирамиды, потому что сами никогда не были ни коричневыми, ни золотыми, ни черными.

— Я не…

— О, я знаю, — сказал он. — Вы-то никогда не виноваты. Вы забываете существ, которых искоренили, землю, которую украли, людей, которых оскальпировали. Убитых вождей, свергнутые демократии, сброшенные бомбы.

— Дрезден, — сказал я. — Кое-какие я помню.

— Коке-какие. Ты не знаешь, что нашу дверь создала Мать Гаджет. И впустила Сестру Хвост.

Для меня все это была тарабарщина.

— Это сделало нас видимыми. В отличие от вас, сплошных вампиров. Ты в курсе? У вас в доме нет зеркал. Вы не видите, чем стали, — так как вы увидите могилы рабов, на которых стоите? Вы никогда не увидите себя, пока не увидите их. Слепота. Вот ваше проклятье, Ду-Да.

Он усмехнулся, произнося прозвище, как скверную шутку.

— Боже, какой же ты занудный, — сказал я.

— Уже сейчас ваши дети невидимы. Для тебя.

— Нет у меня детей, — ответил я. Кому захочет-

ся приводить детей в такой мир?

Потом я решил, что он меня убьет. Его глаза вспыхнули.

— Мы — Забываемые. *Мы* — ваши дети. — Он поднял крылья, словно раскрытые ладони. — Этими самыми руками. Я спас больше детей, чем ты можешь представить. Твоих и наших.

Изгибающийся коридор был битком набит этими самыми белыми монашками. Они начали повторять нараспев, и их голос отдавался от стен:

— Дууууу-Да! Дууууу-Да!

Как будто странная футбольная кричалка. Но только на стадионе карликов.

Безумие какое-то. Я подумал: хорошо бы меня кто-нибудь разбудил.

И ни с того ни с сего пришел едкий аромат: прожаренный трупик, гниющий под солнцем на обочине. Запах не понравился Папе, он скривился, потом отмахнулся от меня крылышками.

— Фу! Хватит с меня вашей вони! — пробормотал он. Повернулся и крикнул своей пастве: — Мы уходим, дети!

И как только он отвернулся, я стал невидимым. Вот так просто. Отныне на меня больше никто не смотрел.

Тут я должен сразу сказать. Невидимость всегда была моей мечтой. Спрятаться. Идти куда захочешь. Подслушивать и узнавать самое интересное. Но когда я стал невидимым впервые, я поразился своему главному ощущению: я чувствовал себя не просто в безопасности, а в безопасности впервые в жизни. Мне уже никто бы ничего не сделал. Меня нельзя наказать. Я не мог опозориться. Я мог быть собой, чем бы я ни был.

Это почти как напиться.

Я прижимал книжку к груди обеими руками, как семейную Библию.

Папа поднял глаза и оба крыла и произнес:

— Придите, дети! Где Угодно лучше, чем здесь.

Колонна ВД, ждавшая Папу у дверей, тянулась далеко, как на параде.

— Ты их видишь? — прошептал откуда-то странный девчачий голос. — Ты их видишь?

Совсем не похоже на Руди.

Я не видел собственную руку у себя перед носом, но почему-то видел сквозь балахон Папы, будто ткань стала целлофаном.

Я видел, как море горящих от устремления лиц заполняло коридор и окружало Папу. Как изящно он окутывал их своим балахоном, по трое за раз.

Он их словно обнимал, шептал свое благословение — а потом они входили в зеленую дверь и исчезали.

И еще кое-что удивительное. За занавесом его одежды (почему-то теперь ставшей для меня прозрачной) они один за другим преображались. Их белые тельца съеживались и комкались. Одни проваливались и становились вогнутой головной чашей. Другие становились низкой тушкой с крыльями. Третьи скручивались в хвост. Потом я видел цирковой номер. Все трое складывались вместе и сливались, будто нанизанные на палочку маршмэллоу. Звуки потрясали: Плюх! Плюх! Вш-ш! Вш-ш! Плюх! Плюх! Вш-ш! Вш-ш!

Воссоединившиеся ВД склонялись перед Папой, а потом уходили через портал.

Их ушло так много. Сколько? Понятия не имею. Сотни? Инкарнации за семьдесят лет. Кто знает? Я наблюдал процесс ухода снова и снова, пока он не перестал удивлять и у меня наконец не закрылся рот. А потом это даже надоело. А потом я вспомнил о том, что Папа договорился выпускать по сотне каждый год. То есть — три сотни.

Трое по цене одного.

Не такая уж плохая сделка.

Я вспомнил Купа в Аламогордо: как он стоял по-

среди пустыни белых дюн, на парковке у шоссе. Голубые и лиловые тени всюду, где солнце отбрасывало тень. Пыльный след там, где невидимый Руди скатывался по дюне.

— Странная штука, бро.

— Что?

— У них нет вальсов.

— Что?

— Они их не слышат. Будто у них в мозгу чего-то не хватает, что-то блокирует вальсы.

— Как забвение?

Куп не ответил.

— Ты так и не объяснил, как Руди научил тебя забвению.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— И никогда не объясню.

Когда в портал вошел последний, Папа окликнул меня.

— Дальше ты.

И затем пропал сам.

Я почему-то долго стоял перед дверью, которая была не дверью, и прислушивался. Ожидал что-то услышать. Ничего не услышал. Но оставалось потустороннее ощущение, что я не один в том пустом зеленом коридоре. Отчего-то я сказал:

— Эй?

Потом взял книгу и прочитал строки из истории «Про льва».

Вам тоже стоит.

Вам, наверное, интересно, как закрывалась зеленая дверь. Звук — как от самого большого басового барабана в мире. Я еле успел поднять глаза и заметить, что дверь сменилась отверстием в пустой зеленой стене, чей изгиб плавно уходил против часовой стрелки. Щель съежилась до размера пупка. Впалого. А потом и он исчез, и стена стояла глухая, будто никакого отверстия и не было.

Отпусти народ мой – 2018

Не знаю, сколько я простоял в коридоре.

Кто-то меня нашел. Забрал оттуда.

Потом в новостях я слышал, что на закрытой военно-воздушной базе в невадской пустыне произошел взрыв боеприпасов. Все строения завалило песком. Есть парочка пострадавших. Слава богу, что так мало.

Они всегда умели заметать следы.

Я лежал в больнице, когда пришел какой-то там агент и начал задавать вопросы. Я ничего не сказал.

— Ничего не помню, — сказал я. — Ничего не помню за последние полгода.

Как бы хотелось, чтобы так и было. Но хотя бы он поверил. Наверняка он часто это слышал. В конце концов мне поставили диагноз «Перегрузка Парадигмы», что, ясное дело, означало: «Нам-то, блин, откуда знать, что с ним?»

Медленно.

Вот как я собирал по осколкам свою жизнь: медленно. Нашел уютную бревенчатую хижину в Скалистых горах к западу от Денвера. С видами. В

конце концов познакомился в Бейли с байкершей по имени Джун, которая что-то во мне разгляде-ла, отчего считала хорошей компанией. Бог его знает, что.

И вот так я выжил.

Получил правительственную пенсию. Этим я обязан одному полковнику ВВС.

В общем, не жалуюсь.

Начал тут писать книгу. Такую безумную книгу, что никто не поверит. И сюжет такой грустный, что никто не захочет его пересказывать. В боль-нице я сказал, что синяя книжица — это мой дневник, и ее не забрали. Забавно. Никто даже не пытался ее читать. А если и пытались, наверняка тут же принялись зевать — ну знаете, как когда кто-нибудь начинает пересказывать вам свои сны? Неплохой приемчик. Книга, которую нельзя запомнить или записать. Книга, в которую вклю-чен ее камуфляж.

Я почти закончил все это печатать, как тут кое-что пришло в голову. Когда Куп просил рас-сказать «нашу историю», я решил, что он говорит о нас — обо мне с ним. О Бомбе и его Самом Неза-бываемом Персонаже — Купе. Боже, вот я дурак. Так долго доходил, что он имел в виду свою се-мью. «Наша история» значит «их история». Его

братьев и сестры. История ВД.

В общем, Куп спас свою семью и не дал родиться целому поколению ВД. Если так посмотреть, можно назвать это благородным поступком. Но почему он ушел? Куда? Чем он там, блин, питается? В смысле, если рассуждать логически, то змея как-то выживала в Где Угодно. Значит, жизнь там возможна. Это не самоубийство, Куп не из таких. Но что такое Где Угодно для него? Увольнение? Простая жизнь, где не надо спускать курок или врать? Даже не знаю. Иногда во снах я различаю странную страну в вечных теплых сумерках. Чем-то похоже на то, как я представляю Ирландию, — место, где я никогда не был, но там вроде как все зеленое, скалистое и уютное. Что это за место для Купа? Родина, где можно начать заново? Семейный очаг? Вот честно, понятия не имею. Я не его семья. Только так думал.

Очень долго казалось, что все кончилось. Хотелось, чтобы все кончилось. Кто-то сказал, что скорбь не проходит, но если повезет, то ты вырастаешь и она начинает в тебе умещаться. Ну и, наверное, я вырос. Уж мой живот — так точно.

Но где-то внутри так и не проходит зуд.

Среди прочего Куп сказал в конце: «Найди остальных, кто не выбрался. И выпусти их».

Как-то раз я клевал носом перед теликом, как тут началась документалка про музей Гетти в Лос-Анджелесе, и там промелькнул манускрипт из пятнадцатого века.

Иллюстрацию подписали «Кот с епископским посохом и митрой, сидящий на круглом здании» [37].

— Знаешь, на что похоже? — спросил я Джун.

— Папа? — спросила она.

— Во-во.

Потом показали красивый сад в музее Гетти. Сплошь огромные одуванчики, или современное искусство, или десятки, десятки и десятки еще чего-то.

Может, я бы на этом и забил, но любившая меня женщина и слышать меня не хотела.

— Ты должен закончить начатое, Бомба. Это еще не конец.

— Мне не хватит смелости, — сказал я.

— Хватит, — сказала Джун. — Ты закрыл Выход. Ты должен закрыть и книгу.

— И что я им скажу?

— Придумаешь.

---

[37] Сноски: 37

Имеется в виду средневековый итальянский манускрипт о фехтовании и сражении «Цветок Битвы» (Fior di Battaglia) автора Фьоре Деи Либери.

Ну спасибо, Куп, подумал я. Удружил.
Можно теперь поспать?
Я реально устал.

Концовка – 2019

Вы никогда не замечали, как много песен о любви рассказывают о расставании? О том, как кто-то уходит? Разлука. Прощание. Томление. Не могу оставить тебя. Не оставляй меня. Я без тебя никто. Может, речь о нашей самой первой ране. Изгнании из темного прекрасного единства с матерью — на резкий свет «я». От языка любви неотъемлем страх перед утратой. Скрытый страх, что нас никто не увидит по-настоящему. Скрытая потребность, которую мы не смеем выразить, — что мы всегда будем одни. И, наконец, скрытая истина: однажды нам всем придется жить без любимого. Это секрет песен о любви. Секрет, которому нас научили они.

Так я думал, когда шел в центральный сад центра Гетти, где собрались они, как поле бледных цветов. Мертвые одуванчики, ждущие, когда их сдуют. Те, что остались позади. Те, что так и не выбрались.

Там красиво. Главное, не смотрите на экспонаты. Нет, в смысле, экспонаты тоже ничего, смотрите сколько хотите. Но по странной иронии,

которой никто не мог предвидеть, это умопомрачительное строение — слоистый итальянский травертин и плоские белые панели, алюминий, кактусы и окна-окна-окна, — само затмевает любые картины, скульптуры, яйца Фаберже или доспехи внутри него: все это бесценное во всех смыслах этого слова искусство, подарки безбожно богатых белых мужиков, которые они делали ради налогового вычета, потому что их секретарша купила новый диван для их гостиной.

А, ладно, забудьте. Там невероятно красиво.

Я распространил весточку через своего невидимого друга — а он сделал все остальное. Я сидел на утесе, глядя на них: ВД кружились по каменным тропинкам, зеленому лабиринту и саду. Был понедельник, так что я знал, что музей закрыт. Рекомендую в одиночестве прокатиться на белом монорельсе, который оплетает гору, — но, думаю, это редкое удовольствие досталось только мне. Иногда вдали проходили по своим делам местные работники — ничего не замечая, как я и думал.

Все ВД смотрели с горы, словно любуясь, как закат над океаном проливает розовый свет на их вогнутые головы, — иногда казалось, будто я стою перед полем диснеевских грибов. Я сделал глубокий вдох и, как любой голливудский

ковбой, сделал то, что должен. Не все повернулись ко мне сразу. Но постепенно я увидел лица каждого, одного за другим. Некоторые я узнал. Чем дольше я говорил, тем больше ВД поворачивались и тем больше мой голос — признаться, поначалу довольно дрожащий, — набирал силу и уверенность.

Я сказал им то, что им не говорили еще никогда. Я сказал им «прощайте».

— Когда-то вы были любимы. — Повернулось несколько голов.

— Все вы. Были любимы. — Еще несколько.

— Может, вы этого не чувствовали. Может, не верили. Может, и к самому ребенку, который вас любил, не относились с любовью, поэтому он и не знал, как передать ее вам.

Я начал называть их имена, узнавая все больше и больше лиц. Словно с моих уст слетали странные песенки. Потом один за другим повернулись последние и смотрели на меня, пока передо мной не расстилалось море черных глаз.

— Кто бы что ни говорил, когда-то вы были любимы. Вот почему вы здесь. Потому что были нужны кому-то настолько, что они вас создали.

Мы преподнесли вам дар жизни. А вы взамен подарили защиту, вдохновение, утешение. Но те-

перь должны дать кое-что и себе. Дар прощания.

Над толпой разнесся долгий детский стон.

— Ребенок не будет ребенком вечно. Ваше странствие закончилось.

Тогда я поднялся. Чтобы они меня видели и слышали.

— Вы звали меня Вспышник. Я Привратник. И я говорю за всех ваших детей, потому что они не могут говорить за себя сами. Может, они вас и забыли, но я — нет. Может, они вас больше не видят, но я — вижу.

Спасибо, что были нашими друзьями. Спасибо и прощайте.

Ну да, конечно, я расплакался. А вы бы нет, что ли?

Другая концовка – 2019

На следующий день я бродил по дорогому бутику в Санта-Монике — посмотреть, что носят богатые хипстеры: пряжка ремня за 5 тысяч, футболка за 800,– как тут увидел тень. Что-то промелькнуло на краю поля зрения. Я уже знал, что к этому надо относиться серьезно, и не повернулся, чтобы не активировать первобытный инстинкт бегства. И я знал, кто это.

Наверное, я всегда узнавал, что Руди рядом. Иногда это была вонь, через которую проходишь по пути к свежему воздуху. Иногда это было просто невыносимое чувство — как когда видишь, что родитель шлепает ребенка у всех на глазах. А иногда — просто внутри колола боль, будто наткнулся на замерзший труп животного на обочине.

В одном углу магазина висели круглые зеркала, и я знал, что так смогу его увидеть и получу какую-никакую возможность завязать разговор. Потому что я чувствовал и это — на самом деле Руди просто хотелось с кем-то поговорить. Возможно, с этого желания и начинается все зло,

когда из-за равнодушия оно неизбежно вырождается во что-то жесткое, и одинокое, ожесточенное и неприкасаемое.

— Привет, Руди, — сказал я, не глядя на него. — А я думал, ты ушел со всеми.

— Ты от меня так просто не избавишься.

— А кто хочет от тебя избавляться?

— Ты. Ты убил остальных.

— Если ты там был, то знаешь разницу. Я попрощался.

— Это одно и то же.

— Нет, Руди. Я не хочу тебя убивать.

После этого он замолчал, а зеркала опустели.

Ко мне подошла невысокая сногсшибательная девочка-продавщица (в моем возрасте все они девочки). Черные кудри, круглые черные глаза и тощие-тощие ноги.

— Я могу вам помочь, сэр?

— Боже, уж надеюсь, — сказал я, но мне не хватало ни на что в их магазине.

И я дал Руди еще время.

Через несколько дней я сидел на краю пирса Санта-Моника и смотрел, как заходит солнце. Россыпь чаек просила с криками подачки. У столбов накатывали и пенились соленые волны, из-за горизонта налетал холодный ветер. Все мимы и

художники с набережной уже разошлись — боже, как я их ненавижу. Остались только несколько рыбаков-латиносов да я — ловил последние остывающие закатные лучи над голубым Тихим океаном.

Тогда я и почувствовал его, сидящего рядом. С Руди надо было осторожней. Он всегда мог наброситься, как дикое животное. И я старался сохранять спокойствие и смотреть, как на нас обоих трусливо глазеет толстая серо-белая чайка, словно спрашивая: «Будешь это есть?»

— Привет, Руди.

— Не хочешь меня убить?

— Нет.

— Почему не хочешь? Все хотят.

— Руди. Тебе необязательно так жить.

— Как?

— Необязательно все время быть настороже. Ты не такой уж уязвимый, даже когда тебе страшно. Черт, да ты продержался дольше всех ВД.

— Я никогда не уйду в отставку, — сказал он.

— Что?

— Я был солдатом, хвостом. Рэли — сердцем. Другой — мозгом.

Когда он это сказал, я почувствовал мурашки. До сих пор чувствую, как они бегают у меня по

спине и щекочут волосы на затылке. Так это я был его ребенком? Я был тем мальчиком с желтой морской звездой? Значит, Руди был моим…

— Ты был моим ВД?

— Не называй меня так! Как будто ты меня придумал.

Немного погодя я сказал:

— ПуМом?

— Это имя дал мне ты. Мое настоящее имя Рудистайноги.

— Так я тебя точно не называл.

— Нет, так я назвал себя сам. Три слова, которые мне нравятся: Руди. Стая. И ноги. У меня никогда не было ног. Несколько гусей — это стая. А еще я грубый [38] и мне это нравится.

Пуф! И сразу пропал. На целый день.

Наша последняя встреча прошла как-то глупо. Я смотрел, как красный кардинал склонился над глубоким синим бассейном в отеле, любясь своим отражением. На пальме, только что загоревшейся в первых лучах рассвета, раскаркались две толстые вороны. Потом — я сейчас серьезно — во двор влетела колибри, парила несколько секунд над бассейном и упорхнула. Блин. Что с этими

---

[38] Сноски: 38
Rude — грубый (*англ.*).

птицами не так? Куда ни пойду, везде их вижу. Только я и они, у бассейна; читал газету, попивал утренний кофе. Без сахара, побольше сливок.

Ко мне подошел и принюхался бродячий пес, черный, мокрый и дрожащий.

— Привет, Руди.

— Я тебя вижу.

— Я знаю.

— И могу напасть.

— Да, наверняка. Слушай, хочу поблагодарить, что помог мне в коридоре у портала.

— Чем?

— Тем, что сделал невидимкой. Это круто.

— Это не я. Это Рэли. Мы часто путешествуем вместе.

— Правда? — я огляделся. — И где она?

— Слишком умная, чтобы попадаться на глаза. Но птицы ее обычно замечают.

Какое-то время мы долго молчали, задумавшись о невидимой спутнице.

— А где Другой?

— Тот лакричный ВД, который вас спас.

Я сделал глубокий вдох, вспоминая окровавленный белый мешок, задушивший тетку, которая вырубила Купа. И погибший, защищая нас. Я шумно выдохнул, вспоминая, как его хвост лас-

ково прижал книгу к моей груди.

— Итак. Значит, нас только трое.

Мы помолчали.

Наконец Руди сказал:

— Почему ты ушел?

— Ты знаешь, почему.

— Вырос.

— Ага.

— Это как умереть?

— Наверное. Но на той стороне есть и хорошее.

— Например?

— Ну. И не знаю. Музыка. Секс. Доверие. Смех. Пицца. Холодное пиво в жаркий день. Всякое такое.

— Чего у меня никогда не будет.

Я пожал плечами. Не собирался же я ему врать.

Налетел ветерок, как из ниоткуда, взъерошил голубую гладь бассейна.

— Я думал, что найду тебя, Ду-Да. И скажу, что ранил того, кто ранил тебя. Купа, который тебя бросил. И это будет мой подарок. Мой последний подарок тебе. И ты меня поблагодаришь. Но теперь я думаю, что это что-то другое. Может, это у тебя есть для меня подарок.

— Нас всех бросают, Руди. Рано или поздно.

— Да. Это я понял. Но не все забыты.

— Я тебя не забываю. Как я могу тебя забыть?

— Не забываешь. Ты был ярким светом в темном туннеле.

Он улыбнулся у меня в разуме.

Потом Руди вздохнул и сказал:

— Ладно, — сказал так, будто подошел к концу долгого путешествия.

— Ладно?

— Ладно.

И я повернулся к нему. И увидел. Господи боже. Как тут его описать? Он был как любой ребенок в первый раз, когда понимает, что не может получить все. Долго смотреть я на него не мог.

— Ты меня видишь, Ду-Да? — спросил он.

— Да. — Я кивнул, стараясь не расплакаться.

Тогда он издал звук, и сомневаюсь, что могу его описать. Как прервавшийся вздох или резкий выдох от облегчения. Тот же звук, что издает посреди ночи женщина, которую я люблю. Это всегда сигнал к тому, чтобы ее обнять. И тогда она расслабляется.

— Смотри на меня, — сказал он так, будто только этого всегда и хотел.

Тогда я повернулся к нему и отказывался отворачиваться. Ужасная это вещь — любить. Для

человека это почти чересчур.

Он дотронулся кончиком хвоста до шрама у меня на губе.

— Я помню ту собаку, — сказал он. — Я тогда пытался сказать, чтобы ты не подходил.

Я смотрел на него, потом смотрел сквозь него, потом смотрел на тень пальмы на голубой штукатурке.

Потом температура воздуха как будто изменилась, и я понял, что он ушел взаправду. Совсем-совсем взаправду.

Две черные вороны каркали, будто что-то хотели мне донести. Умные птицы, но, если честно, никаких манер.

— Притихните там, а? — сказал я. — У меня особый момент.

И потом я уснул у бассейна.

Про льва

— Расскажи нам про льва, Куп.

— Я думал, вам уже надоело.

— Нет!

— Ладно. Однажды я пошел гулять в Где Угодно. Здесь много всего, что нельзя и вообразить. Динозавры. Птицы додо. Черная тянучка.

— Черная тянучка! — повторили они, и потом: — Ого-о-о.

— И тогда я узнал, где мы теперь.

— Где мы теперь?! — хором спросили ВД.

— В старой-старой церкви на полоске земли у скалистого побережья — такого зеленого, что смотреть больно. Все окна выбиты. И в каждое окно видно серый горизонт, усеянный темными островами, будто из ладони проходившего мимо великана. В балках свистит холодный ветер.

Пронзительный присвист ВД.

— И воздух искрится на последнем свете дня, как волшебная пыль, что сыпется с конца волшебной палочки. Солнце почти зашло. И знаете, кого я здесь встретил?

— Кого-о? — ухают они, как совята.

— Льва.

— С большими зубами?

— Да.

— И громким рыком?

— Да.

— И большими когтями, чтобы разорвать тебя?

— Да. Но знаете, что?

— Что?

— Он не кусался; он не рычал; и не разорвал меня.

— Почему?

— Потому что я его обхитрил.

— И что ты сделал?

«Лал, лал», — повторило эхо.

— Лев скакал, скакал и скакал по потолочным балкам церкви, а когда увидел меня, оскалил свои страшные клыки и сказал, что съест меня.

— Не-е-ет!

— Сказал, что я вкусно выгляжу.

— Не-е-е-е-е-ет!

— Но я ответил, что не боюсь. Что он меня никогда не поймает — я бью рекорды!

— ОН БЬЕТ РЕКОРДЫ! — хором повторяли ВД. — ОН БЬЕТ РЕКОРДЫ!!!

И тогда он скакнул и приземлился передо мной на все четыре лапы. Присел, готовый на-

броситься. Прямо здесь. Прямо на этой бледной деревянной балке.

— Меня никто не обгонит, — сказал он.

— Меня зовут Куп, — ответил я. — И я обгоню.

— И я обгоню! — вторили ВД.

— Ты похож на цветок, — сказал он. — Я люблю цветы. М-м-м-м-м — вкусные!

Я ткнул пальцем ему во влажный черный нос, и он моргнул.

— Твоя беда, — сказал я, — не в том, что ты голодный. Твоя беда в том, что тебе больно.

— Ничто не может причинить мне боль. Это я причиняю всем боль.

— Это знакомая боль. Настолько знакомая, что ты о ней и забыл. Твоя беда в том, что тебе жмет ошейник.

— Ошейник? — переспросил лев. — У меня нет ошейника!

— О, но на самом деле есть. — сказал я. — Давай я тебе помогу.

Он уставился на меня свирепыми глазами — черными точками, плавающими в золотых шариках. Наконец он кивнул, но предупредил:

— Если ранишь меня, тебе конец.

— Если ранишь меня, тебе конец! — повторили ВД.

— И я ласково запустил руку в густую и мягкую гриву, нащупал шею, где льва душило тугое-тугое кольцо. Нашел ржавую застежку, державшую растрескавшийся и вспотевший кожаный ремешок. И знаете, что я сделал?

— ЧТО ТЫ СДЕЛА-А-АЛ?! — спросили ВД.

— Расстегнул его! А лев тогда сделал очень странную вещь. На миг он застыл, как статуя в парке. Потом тряхнул головой. И грива стала как темно-золотой куст во время урагана. Потом лев перекатился и привалился к балке, изгибая спину, все чесался и чесался, корчился в странном танце. Его лапы били по воздуху, по очереди, играясь с воображаемым белым мячиком, который скакал вверх и вниз, вверх и вниз. Как идеальное вареное вкрутую яйцо.

И тогда я посмотрел на кожаный ошейник в руке. Его края пропитала запекшаяся кровь. А на бронзовом жетончике было написано: «Руди. Братья Ринглинг» [39].

— Кто-то тебя любил, — сказал я. Лев прекратил свой танец вверх лапами.

---

[39] Сноски: 39

Цирк братьев Ринглинг, Барнума и Бейли (1871–2017) — известный американский цирк, основанный шоуменом Финеасом Барнумом. Также назывался «Величайшее шоу на Земле» — о нем в 1952 году снят одноименный фильм.

— Что?

— Кто-то тебя любил. Так делают, когда любят. Дают имя.

Лев закрыл глаза.

— Тебя назвали Руди.

Лев лежал совершенно неподвижно.

— Руди?

— Ты забыл. Наверное, это был твой хозяин.

Лев так быстро всклочил на лапы, что я удивился. Я видел, как вытянулись его большие черные когти. Выскользнули из подушечек, как черные кинжалы из ножен.

— Черные кинжалы из ножен, — сказали ВД.

Одна лапа проделала в толстой деревянной балке четыре бледных борозды; бледные опилки завились, как козьи рога, и рассыпались. Когда он двинулся на меня, его глаза искрились золотом. Я встретил его на стыке балок, и он прижался большой головой к моей груди, и я нырнул в мягкую подушку его гривы. И когда лев заговорил, я чувствовал рокот в его костях.

— Теперь у меня нет хозяина, — сказал он.

— А может, ты это просто однажды увидел, — сказал я. — Сувенир из цирка. Маленький-премаленький игрушечный лев с красным-прекрасным ошейником на комоде в спальне мальчика, по-

хожего на желтую-прежелтую морскую звезду. Застенчивого мальчика со шрамом на губах, из-за которого он чувствовал себя некрасивым до конца жизни.

— Так или иначе, — продолжил я, — здесь Где Угодно. И ты то, что ты есть.

И лев глубоко заурчал; урчание отдавалось в пустом помещении, и под нами задрожала тяжелая балка.

ВД начали хором повторять:

Короткий. Длинный. Широкий.

Во сне мы все есть, как сны.

Проснись – и нас нет, как снов.

В жизни мы сбывшиеся сны.

Дууу-Да.

Дууу-Да.

Дууу-Да-Ду.

И мы посидели так, лев и я, бок о бок, на прочной старой балке из пепельно-белой сердцевины ствола.

Скоро мои ноги стали качаться, как маятник напольных часов, и я представлял, как мы выглядим со стороны.

Золотой свет через последний осколок стекла в

круглом окошке высоко над нами зажигал огонек на темно-буром клочке меха на кончике львиного хвоста, пока тот все завивался и хлестал, завивался и хлестал в столбах плывущей пыли.

Мои ВД закрыли глаза и продолжали повторять нараспев: «Дууу-Даааааа! Дууу-Даааааа!», и оно отдавалось от каменных стен разрушенной церкви, и их белые головные чаши, как всегда, стали покачиваться взад-вперед, взад-вперед, как поле цветов на ветру, — легкие друзья, доверившись и забывшись, слушали музыку, которой дирижировал львиный хвост.

Глоссарий

«Я прочитал всю колоду в рамке его ладони. По сей день не могу вспомнить эти ноты, не представив их посреди его коричнево-розоватой кисти. И он пропел каждую. Каждый значок курсивом — то ли арабский, то ли японский, то ли диснеевский, то ли неземной».

A

Альянс. Союзники. Преданность. Где Угодно. «Нет настолько высоких гор» [40].

B

Брат. Связь. Узы. Оковы. Последнее слово. Чуваки. Народ. Запретное слово. «Ноу… Ноу… Ноу… Бади!» Произносится «Ба-уди!» Обычно — криком. «Любимая» [41].

C

Clowns — клоуны. Как не попасться. Крутые типы. Высший класс. «Проведай меня» [42].

---

[40] Сноски: 40
Ain't No Mountain High Enough, Marvin Gaye and Tammi Terrell, 1967.

[41] Сноски: 41
Baby Love, The Supremes, 1964.

[42] Сноски: 42
Come See About Me, The Supremes, 1964.

D

Дезориентируй. Дерзни. «Давай, всего лишь чуток капни» [43]. «Танцы на улице» [44].

E

Зачаровывает. Входи на свой страх и риск. Выход. Вымереть. Спроси Инженера: Уже Записывает? «Каждый день — как жизнь» [45].

F

Фантазируй до черта. Фспышка. Кончики пальцев.

G

Ghost — призрак. Грубо. Взрывай Гаджет. «Идем на танцы» [46].

H

Тональность, которую никто не помнит. Невидимая тональность. Иногда ее ассоциируют с печально известным изобретателем Солом Лоу из «S. L. W. Энтерпрайзес» (позже он признавался, что настоящим изобретателем кнопки «Пауза»

---

[43] Сноски: 43
Рекламный слоган геля для волос «Брилкрем» в 1960-х.

[44] Сноски: 44
Dancing in the Street, Martha & the Vandellas, 1964.

[45] Сноски: 45
Each Day Is a Lifetime, David Ruffin, 1971.

[46] Сноски: 46
Going to a Go-Go, The Miracles, 1965.

был его друг детства Милтон Херцман, а Лоу ее только успешно выпустил на рынок). В свои последние дни мистер Лоу рассказывал всем, кому мог (в основном афроамериканским сиделкам) о физике-теоретике докторе Ширли Энн Джексон — первой афроамериканке, получившей докторскую степень в MIT, обладательнице Национальной медали науки 2014 года и истинной изобретательнице портативного факса, телефона с тональным набором, оптоволоконных кабелей, а также технологий идентификатора звонящего абонента и — что неслучайно — ожидания вызова. «Как хорошо (быть любимым тобой)» [47].

I

Итибан. Босс. Иль Примо. Большой Папочка. Инфекция. «Невероятное съедобное яйцо» [48]. «Нужно двое» [49].

J

Меч шакала. Нарезай потоньше. Сделай как на-

---

[47] Сноски: 47
How Sweet It Is (To Be Loved by You), Marvin Gaye, 1965.

[48] Сноски: 48
Рекламный слоган Американского совета по яйцам в 1970-х.

[49] Сноски: 49
It Takes Two, Marvin Gaye and Kim Weston, 1966.

до. «Просто мое воображение разыгралось» [50].

K

Косточка фрукта. В самой сердцевине. Посади — и вырастет. Спроси Киллера. Какая Тональность? Какой Ключ? «Так держать» [51].

L

Слушай Льва. Ложь. Грязно стелет. В жизни мы сбывшиеся сны. «Дитя любви» [52].

M

Маттерхорн. Магически, отвесно и смертельно. Прямо вниз. А еще вверх. Менестрель. Мазня. «Мотаун». «Моя Девочка» [53].

N

Навигация. Натуральность. Не чувствуешь — не сыграешь. «Некуда бежать» [54].

O

Басовая нота. Открытый рот. Поешь, пока горло не сорвешь. Пока не поймешь, что ты — чув-

---

[50] Сноски: 50
Just My Imagination (Running Away with Me), The Temptations, 1970.

[51] Сноски: 51
Keep on Truckin', Eddie Kendricks, 1973.

[52] Сноски: 52
Love Child, Diana Ross & the Supremes, 1968.

[53] Сноски: 53
My Girl, The Temptations, 1965.

[54] Сноски: 54
Nowhere to Run, Martha and the Vandellas, 1965.

ствуешь. Большая Пустота. Мамины Ворота. Константа Омеласа [55]: для Утопии требуется минимальное страдание. «Ооо детка детка» [56].

P

Петух. Кочет. Сыграешь эту ноту — расправишь плечи и разбудишь весь мир. «Пожалуйста, господин почтальон».

Q

Жди сигнала. Вопросительный знак. Никто ничего не знает, но только дурак смеет спросить.

R

Рок-н-ролл. РПМ. Резко. «Потянись — я буду рядом» [57].

S

Змея Сонной Страны. Сестра Твисти, бог мне свидетель, она знает слово на «с». Во сне мы все есть, как сны. Смотрите на США из своего «шев-

---

[55] Сноски: 55

Отсылка к фантастическому рассказу Урсулы Ле Гуин «Уходящие из Омеласа», 1973.

[56] Сноски: 56

Ooo Baby Baby, The Miracles, 1965.

[57] Сноски: 57

Reach Out, I'll Be There, Four Tops, 1966.

роле» [58]! Стоп! «Во имя любви».[59]

T

Темп. Туси. Вверх-вниз. Взад-вперед. Танцуй всю ночь напролет. «Дорожки моих слез» [60].

U

Утащит подводное течение. Утка. Шутка? «Стильный (все хорошо)» [61].

V

Esse quam videri.[62]

W

White — белый. Отсутствие цвета. Тотальность цвета. Все, жди ощущения. Воссап! «Интересно, куда делся желтый цвет»[63]. Проснись — и нас нет, как снов. «Куда делась наша любовь», «Как дела, война» [64].

X

---

[58] Сноски: 58
Рекламный слоган «Шевроле» в 1950—60-х.

[59] Сноски: 59
In the Name of Love, The Supremes, 1965.

[60] Сноски: 60
The Tracks of My Tears, The Miracles, 1965.

[61] Сноски: 61
Uptight (Everything's Alright), Stevie Wonder, 1965.

[62] Сноски: 62
Быть, а не казаться (*лат.*).

[63] Сноски: 63
Рекламный слоган зубной пасты «Пепсодент» в 1940—60-х.

[64] Сноски: 64

Where Did Our Love Go, The Supremes, 1964. What’s Going On, Marvin Gaye, 1971.

X — отмечает место на карте. А найдешь место — разомни хорошенько.

Y

Детский лепет. Они плачут, пока не придешь. Приходишь — замолкают. Не «что». Не «где». Спроси Навигатора, «почему». «Ты меня крепко держишь, ты меня не отпускаешь» [65].

Z

Зеро. Большое Ничто. Что осталось после потопа? Зоопарк. («Есть только два вида музыки: Блюз — и Зиппити-Ду-Да!» — Таунс Ван Зандт). Истинный Конец. Зембла. Далекое древнее королевство. «Целый новый мир» [66].

---

[65] Сноски: 65

You Really Got a Hold on Me, You Keep Me Hanging On, The Supremes, 1966.

[66] Сноски: 66

A Brand New World, Rare Earth, 2008.

Послесловие

Жить начинаешь с мыслью, что мир познаваем. Как роман.

«51» писался шестнадцать лет. На десять лет меньше «Дара». Я медленный. Или, как однажды сказал Харлан Эллисон: «Медленный? Господи! Это ледники — медленные!» Да. Меня оскорблял сам Харлан. Но он называл меня «Дж. Д. Сэлинджером от фантастики». Так что ему прощается.

Не то чтобы план романа раскрывается передо мной, будто чертеж разворачивается на столе. Я собираю все подряд. Весь мусор. Понятия не имею, куда его деть, пока годы спустя он не становится цементным блоком. Или черепицей. Или ревущим белым змеем.

Это как плыть на пароходе по реке в джунглях и комментировать свой сновидческий круиз. Ты — Экскурсовод. Только ты сам здесь впервой! Не знаешь, не холостыми ли заряжен твой пистолет, пока не выстрелишь. Твоя работа — очаровывать пассажиров и говорить что-нибудь прикольное про бегемотов. Добро пожаловать в мою голову во время написания романа. Сами попробуйте

поработать в таких условиях.

Где Угодно — это остатки той волшебной страны, куда я убредал, и стыдно сказать, насколько. В свое оправдание скажу, что там был наглый говорящий пес. Его характер я передал Руди.

Яркий образ, как маленький мальчик тянется с постели к темному чулану. Зачем? Ради спасения? Друга? Я больше всех удивился, когда из чулана вышли белые существа. Тогда только свеженарисованные, лишь наброски чего-то еще причудливее: расы, которую нельзя увидеть. Симбиотов, которые ценят свою миссию: вести, как шерпы, младенцев на страшной первой заре сознания. Мне приснилось, как они благодарили меня за то, что я рассказал их историю. Я проснулся и подумал: их история?

Когда пишешь так, как пишу я, привыкаешь к персонажам, выскакивающим из кустов. Сменяющим пол. Угоняющим историю. В конце концов, история и не моя. Я ее просто постепенно нахожу.

Вот у меня разрозненные люди с их странными байками, которые ни во что не складывались. Но они казались жизненными. Я стал воображать структуру из рассказов и рассказчиков, которые не могут говорить честно, которые оставляют

роман нерассказанным, чтобы его выстроил из недосказанного читатель.

Со всеми этими историями напрашивался вопрос: с кем они разговаривают? Очень нескоро я вспомнил чистильщика из фильма «Леон». Человека, которого вызывают, когда все плохо. Леон. А если мой персонаж — чистильщик величайшей катастрофы? Слушатель.

Профессиональный мастер ведения допросов.

Палач с уникальной способностью стирать воспоминания. Куп. Самый незабываемый персонаж Бомбы.

У меня есть давний друг, который теряет память. Это трагедия, но удивительно, насколько он как человек больше своих воспоминаний. Даже когда его разум не может подсказать имя сорок пятого президента, сам он остается добрым, славным и заботливым. Если мы — не сумма наших воспоминаний, тогда что мы?

Прорыв: через десять лет мне пришла в голову Большая Идея. Бум, как любил говорить Стив Джобс (мой бывший начальник). Существа, которые выработали интересную и виртуозную форму камуфляжа. Сливаются с окружением так, что их не заметишь. Взламывают нам память и становятся забываемыми. Считай, что их и нет. Как две моих

колоноскопии. Они с тем же успехом могли бы случиться и с кем-то другим — сейчас я бы и не заметил разницы.

По сей день жена не признается, что я сказал во время подозрительно долгой сорокапятиминутной поездки домой.

Пробелы. Вот чем я занимаюсь. Заполняю пробелы.

А кто сюда позвал президентов? Я не собирался писать о президентах! Но, знаете, они как ночная закуска: раз уже съел немножко, чего теперь не доесть и всю миску.

В начале девяностых меня остановил на улицах Сиэтла незнакомец. Теперь представьте, как камера медленно поворачивается к, надо сказать, очень крупному мужику. Он называет меня по имени. Откуда меня знает какой-то бомж? И потом эта туша оказывается моим старинным другом. Шафером на моей свадьбе. Так что пожалуйста. Это случилось на самом деле. И прости насчет «туши», Тимоти.

Большой секрет: этот роман писали два человека. Прямо как тот удивительный туманный вечер, когда Толкин перетащил отчаянно сопротивляющегося Клайва Льюиса из теизма в христианство. Я начал писать теистом, а закон-

чил — атеистом. Может, поэтому вставил в Где Угодно разрушенный готический собор. Сейчас я верю, что вселенная стремится к энтропии, а не к справедливости.

«Зона 51» долгое время было рабочим названием. Потом на немалый период-другой я почти принял «ВД. Забываемые» — до самого «ВАУ МАМА 51». Не самое плохое число. Но если бы выбирал я, взял бы что поджазовей. Может, 77.

«Зона 51» выросла из долгого периода личного хаоса. Я часто упирался в творческий кризис. Это изменилось, когда мне поставили диагноз — апноэ. И вдруг я снова стал видеть сны. И писать.

Надо прибавить, что у меня есть слабость к историям про НЛО. Поэтому зона 51 уже десятки лет мое хобби. Нет, я не из тех придурков, которые ее штурмовали. И анальные зонды я оставил в далеком прошлом. Есть много почти-доказательств. Какая-то жуткая видеозапись, много знающих взглядов, но ничего конкретного.

ПЕРВЫЙ КОНТАКТ С НЛО (ОТРЕДАКТИРОВАНО)

ВТОРОЙ КОНТАКТ С НЛО (ОТРЕДАКТИРОВАНО)

Эй. Ну надо же оставить, что рассказывать Терри Гросс [67]!

---

[67] Сноски: 67

Терри Гросс (1951) — американская журналистка, известная интервью на радио.

Когда моя мама умирала, она сказала моей жене (ее сиделке): «Я наконец поняла, что делал Пэт, когда без конца перечитывал книги Лоры Инглз Уайлдер. Он учился быть писателем». Я обожал те книги. Это мое знакомство с литературой. Истории о смелой одинокой девочке, которая ищет домик в Прерии, Городе, Больших Лесах, на Плам-Крик, берегах Сильвер-лейк, во время Долгой Зимы. Для меня это были захватывающие приключения в странных мирах, где насилие шокирует, как кнут в школьном классе, а любовь незаметная, как пятно невидимых чернил. Я как раз переехал из сельской местности (которую любил) в город. Я понимал Лору. В ее историях были настоящий ужас, настоящая доблесть, настоящие смех и радость.

Я видел то, что люди не могут и вообразить. Новозеландский ледник, линяющий сотнями водопадов. Богемский замок с тремя бурыми медведями во рву. Летающих павлинов в родном городе Октавии Батлер. Заклинателей змей в Марракеше. Вонючую серу в действующем вулкане. Я живу, постоянно лишенный дара речи.

Эй. Спасибо, что прочитали.

ПО
20.06.2020